

Вардгес Микаелян

История крымских армян

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
Институт истории
КРЫМСКОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ВАРԴԵՏ ՄԻԿԱԵԼՅԱՆ

Р II
660577

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ АРМЯН

Ереван
Симферополь
2004

Вардгес Александрович Микаелян. История крымских армян. Монография. Национальная академия наук Республики Армения, Институт истории, Крымское армянское общество — Киев, ООО «Энергия плюс», 2004 — 224 с.: ил.

В работе на основе рукописных, архивных, эпиграфических и других материалов излагается более чем 700-летняя история крымских армян во всех ее проявлениях, т.е. история формирования крымской армянской диаспоры, внутренняя жизнь армян, их экономическая деятельность и участие в экономической жизни полуострова и международном товарообороте; значительное внимание уделено освещению армянской культуры в Крыму. Представлена деятельность известных крымских армян.

Монография рассчитана на историков, а также на широкий круг читателей.

Жизнь армян в Крыму насчитывает более чем тысячелетнюю историю. В книге академика Национальной Академии Наук Республики Армения Варггеса Александровича Микаеляна описан ее семисотлетний период. Данная монография является существенно дополненным и переработанным изданием работы тридцатилетней давности. В настоящее время это наиболее полная, глубокая и библиографически аргументированная история армянских колоний в Крыму. Именно это обстоятельство определило стремление содействовать данному изданию, тем более что упомянутая выше работа давно стала раритетом.

Книга издана в авторской редакции и даже там, где Крымское Армянское Общество имело иную точку зрения на некоторые обстоятельства истории, мы посчитали себя не в праве вмешиваться в авторский текст и реконструировать историю исходя из конъюнктуры сегодняшнего дня.

Пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю благодарность В. А. Микаеляну за его подвижнический труд, позволивший выволить из небытия истории прекрасные и интереснейшие страницы жизни крымской армянской диаспоры — живой ветви многовекового древа армянского народа.

Не можем не отметить Александра Мнацакановича Вартамяна, оценившего значение такого издания и взявшего на себя основную финансовую заботу о нем. Трудно представить это издание без участия Левона Агасиевича Вартамяна. Его финансовую поддержку, но, главное, советы и вдумчивые замечания о значении такого рода работ и о широком спектре других вопросов, связанных с жизнью диаспоры, имели неоценимое значение. Будучи предпринимателями, по роду своих занятий, они явили образец интеллектуальности и интеллигентности, не показушной любви и уважения к народу, частицей которого они являются.

Несмотря на их просьбу особо не отмечать оказанную ими спонсорскую помощь, мы не можем ее выполнить. Есть поступки и дела, которые начинают жить собственной жизнью. От нас зависит — совершить их или нет, но далее ими распоряжается история.

Сегодня мы все вместе достигли результата — издали книгу. Пусть время и люди оценят наши усилия.

Председатель Крымского Армянского Общества,
Доктор философских наук, профессор

Олег Ариавирович Габриелян

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одна из особенностей истории армянского народа состоит в том, что, начиная с глубокого средневековья, она включала в себя также историю многочисленных армян-переселенцев, проживавших вне Армении. История армянского народа является и историей армянской диаспоры.

Армянские поселения, существовавшие в течение веков на Таврическом полуострове, составляли самую крупную часть зарубежных армян в средние века. Более того, Крым был тем мостом, через который проходили потоки армянских переселенцев, положивших начало новым колониям или пополнявших ряды своих соотечественников в европейских странах, на Балканах и в Константинополе.

Вопросам истории крымских армян автор настоящей книги посвятил ряд монографий, вышедших в свет в 1960—70-х годах на армянском языке, а также небольшую книгу на русском языке, опубликованную тридцать лет тому назад (1974 г.) и ставшую библиографической редкостью.

Настоящая работа является в основном новым изложением истории крымских армян. В ней использована определенная часть текста книги 1974 года, а также значительное количество новых материалов, выявленных за последние десятилетия.

Хронологически работа охватывает период начиная со средних веков вплоть до 1918—1920 гг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Причины и пути
образования армянской
колонии в Крыму

В силу исторически сложившихся обстоятельств, в особенности вследствие периодических и опустошительных нашествий извне, значительная часть армянского народа вынуждена была спорадически покидать свою родину и искать пристанища в чужих странах. Некоторые из этих стран впоследствии стали второй родиной для армянских переселенцев. Именно таким был для них и средневековый Крым, в различных уголках которого в течение нескольких столетий существовали армянские колонии со значительным населением. Вместе с этим Крымский полуостров был тем мостом, через который армянские переселенцы в средние века переходили на запад.

Начиная с XI века потоки армянских переселенцев проникают в Крым и оседают там. Причиной тому послужили в основном политические события, разыгравшиеся на территории Армении в VII—XIV вв. Войны между Византией и Багдадским халифатом из-за Малой Азии, Армении и Сирии, длившиеся почти 300 лет, а затем нашествия сельджуков в XI в. принесли Армении вместе со страшным опустошением и другое бедствие: насильственную или вынужденную депортацию населения. Арабское владычество и нашествие сельджуков сопровождалось неслыханными лишениями, бесчисленными жертвами, полным или почти полным упадком экономической жизни Армении.

Положение в стране накануне и в период сельджукских нашествий ухудшалось также из-за антиармянской политики, проводимой Византийской империей. В результате такой политики страна была разорена и лишена своей военной мощи. Именно на это сетовал историк Аристакэс Ластивертци, который так писал о событиях 1045 г.: «В эти дни (в период политической неурядицы в царстве Багратидов — В. М.) ромейские (византийские — В. М.) войска в своем натиске четырежды вторглись в Армению, пока мечом, огнем и взятием в полон не обратили всю страну в безлюдье...

Ныне же царь (Армении — В. М.) лишен своего сана, и в дальней стороне он восседает, как пленник, взятый под стражу. Так же и патриарший престол лишен восседающего на нем... Конница осталась без главаря и рассеялась — кто оказался в Персии, кто в Греции, кто в Грузии... Сепухский полк азатов покинул вотчины, они утратили (былую) пышность и повсюду скулят, подобно львям, в своем логове. Царские

дворцы обратились в развалины и обезлюдели. Многолюдная некогда страна покинута жителями»¹.

Совершенно правильную оценку политике византийского двора, проводимой в Армении в период сельджукских нашествий, дал другой историк — Маттеос Урхаеци. «Византийцы, — пишет он, — обессилили Армению, уничтожили ее армию, и она оказалась беспомощной перед сельджуками, которые захватили затем и всю страну византийцев»².

Чтобы избавиться от всего этого и выжить, часть армянского народа покинула свою родину, ища убежище в других странах. Многие из переселенцев выбирали малоазийские области Византии, через которые они затем переходили на Балканы, в Константинополь, в прибрежные районы Черного моря. Согласно достоверным историческим сведениям, средневековые армянские поселения в Крыму вначале образовались в основном за счет этих переселенцев.

***

Крымский полуостров был знаком армянам еще с древних времен. Вероятно, справедливо предположение о том, что в войсках Митридата Евпатора в Таврикии в качестве союзников сражались также воины-армяне³. Основываясь на сообщениях Страбона, К. Шахназарян находит возможным, что после завоеваний Митридата и Тиграна Великого армяне занимались коммерцией на берегах Черного и Каспийского морей и вели торговлю с сарматами и сиракийцами, жившими у реки Танаис (Дон), на Северном Кавказе и в районе нижнего Дуная⁴.

Одно из первых армянских сведений о Таврическом полуострове мы находим в знаменитом письменном памятнике

¹ «Повествование вардапета Аристахэса Ластивертци», перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, с. 81 и 83.

² Ստորոշու Ուռհայեցի, ժամանակագրութիւն, Վաղպատ, 1898, с. 135, 136 (Маттеос Урхаеци, Хроника, Вагаршапат, 1898, на древнеармянском языке).

³ Գ. Պատկանյան, Նոր Նախիջևանի հիմնադրությունը և տավրիկյան հայերը (Հայկական ՍՍՀ Սիեհստրոնների սովետին առընթեր Սաշտոցի անվան հին ձեռագրերի ինստիտուտ), Ստանեադարան, անհատ. անձ. ֆ. ք. 137, վ. 68: — Г. Патканян, Основание Новой Нахичевани и таврические армяне; архив Института древних рукописей им. Маштоца, личн. фонды, пап. 137, док. 68, в дальнейшем — Матенадаран.

⁴ «Վրոուկ Հայոց աշխարհին». Թիֆլիս, 1863, էջ 605 («Крунк айоц ашхарин», Тифлис, 1863, с. 605), Ստրաբոն, քաղեց և քարգմանեց Հ. Ածառյան, Երևան, 1940, էջ 35 (Страбон, выбрал и перевел Р. Ачарян, Ереван, 1940, с. 35).

VI—VII вв. — «Ашхарацуйце» — в «Армянской географии». В ней дана довольно обстоятельная географическая характеристика полуострова¹.

Начиная с VIII в. армяне играли важную роль в политической и экономической жизни Византии. Именно через Византию, которой до XI в. принадлежал ряд пунктов в Крыму, армяне проникали в Таврикою. В начале VII в. в Херсонесе, например, находился некий армянин-патриций по имени Вардан, который впоследствии сверг императора Юстиниана II и занял византийский престол². Армянские патриции, обосновавшиеся в Византии, в своих политических начинаниях обычно опирались на соплеменников, поэтому можно предположить, что, восстав в Крыму, Вардан в числе своих сподвижников имел и армян. В X в. среди патрициев Херсонеса был и армянин, некий Калокир, через которого Византия стремилась наладить дипломатические отношения с киевским князем Святославом, намереваясь столкнуть его с болгарами³.

Известно, что попав в края с благоприятными условиями для торговли, купцы часто оседали там. За ними, уже по другим мотивам, шли отряды ремесленников, крестьян, вынужденно покинувших родину. Торговцы как бы прокладывали им путь. Прав Н. Я. Марр, подчеркивая, что за торговым сословием армян на избранных им же местах оседало также сословие земледельцев⁴. Нечто подобное вначале имело место и в Крыму, привлекавшем армян своим удобным географическим расположением на торговых путях. Сохранилось немало письменных источников, подтверждающих бойкую торговлю армян, живших в XIII в. в Каффе (Феодосии) и Константинополе. Это в основном нотариальные акты, относящиеся к армянам-торговцам Каффы, а также Перы (Константинополя)⁵. Опираясь на письменные источники, румынский профессор Анджелеску высказывал мнение, что армянские переселенцы прибывали в северные районы Черного моря и в Крым также через придунайские территории. По его аргументированному предположению, армянские переселенцы два раза проникли в

¹ «Աշխարհացոյց Մովսէսի Խորենացոյ հաւելութեան ճախնէաց», Վենետիկ, 1881, էջ 16 («Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци», Венеция, 1881, с. 16, на древнеарм. языке).

² Ю. Кулаковский, Прошлое Тавриды, Киев, 1914, с. 67.

³ Там же, с. 112.

⁴ Н. Марр, Кавказский культурный мир и Армения: жур. Министерства народного просвещения, 1915, июнь, с. 323—324.

⁵ «Actes des notaires» Genoïse de Pera et de Caffa de la fin du treizilme Siecle (1281—1290), Bucorest, 1927.

румынские территории. Те, которые пришли в XI веке, вынуждены были перейти в северные районы Причерноморья и долгое время жить среди татар¹.

В X — XI вв. армянские переселенцы направлялись в Крым также непосредственно из Малой Азии, через Черное море, в частности, по морским путям Трапезунд — Крым и Синоп — Крым. Эти пути были знакомы армянам еще с древних времен и особенно с V — VII вв., когда, согласно свидетельству Константина Багрянородного, Таврический Херсонес получал по этим путям продукты из Малой Азии.

О наличии в разных частях Крыма уже с XI в. постоянного армянского населения свидетельствуют многочисленные материалы, которые разносторонне освещают жизнь крымских армян в XI — XIII вв., а также в первой трети XIV в.

Предоставим слово армянским надписям. Одна из них относится к 1047 г. Она представляет собой мраморную плиту, которая, подобно многим таким же плитам, вделана в стену армянской церкви Св.Саркиса (Св. Сергия) в Феодосии. Церковь эта, по обоснованному предположению некоторых ученых, сооружена в X — XI вв. Надпись гласит: «Сей святой крест есть предстатель мальчика манука, который утонул в море в начале 496 (1047) г.». Весьма возможно, конечно, что это происшествие имело место во время переселения армян в Крым. Не исключено и то, что погибший был сыном уже жившей в Каффе армянской семьи. Одна из мемориальных досок позволяет судить даже о сословном делении армянской колонии в Каффе в XIII в. «Сии святые знамения предстатели господина Цера, Паша-хатун, Беймелика, Азиз-хатун. Лета 660 (1211). Слова «господин» и «бей» выступают в качестве титулов знатных и богатых предстателей колонии.

Значит, армяне в Каффе имели обыкновение увековечивать память усопших, вставляя в стены армянской церкви мраморные мемориальные доски. Преподаватель Лазаревского института восточных языков в Москве, известный арменовед Кучук Иоаннисян собрал 21 подобную надпись. Все они, датированные до XIV в., а также принадлежащие и к более позднему периоду, в основном посвящены памяти меликов и беев, хатун: упоминания о простых смертных составляют исключение.

Интересные сведения о каффских армянах сообщает памятная запись в одной из армянских рукописей, написанной в

¹ «Հայրենիք», 1930, N 3, էջ 101 («Айреник», 1930, №3, с. 101, жур. на арм. языке).

Каффе в 1305 г. по заказу некоего архимандрита Аветика и ныне хранящейся во Французской Национальной библиотеке в Париже. Рукопись сообщает, что в этом году стараниями архимандрита Аветика в Каффе была сооружена церковь Св. Троицы, а неподалеку от города в монастыре Гамджак — церковь Св. Богородицы. Заказав две рукописи, архимандрит «одну из них» положил в Гамджак, а другую — в церковь Св. Троицы в Каффе»¹. Наличие церкви и монастыря (с церковью) — убедительное доказательство существования религиозной общины. И если в 1305 г. армяне в Каффе сооружали церковь и монастырь, то вполне понятно, что в городе их было уже значительное количество. Да и сама рукопись прямо указывает на это. Она сообщает, что Аветик, побуждаемый необходимостью сооружения этих строений, «увещевал многих (курсив — В. М.) совершать жертвоприношения» т. е. убеждал многих членов армянской общины в городе.

Однако в Каффе армянские церкви имелись и раньше. Сохранились письменные сведения о том, что в период утверждения генуэзцев в приморских районах Крыма (60-е годы XIII в.) в городе имелись три армянские церкви, причем одна из них уже лежала в развалинах. Наличие в середине XIII в. разрушенной церкви, естественно, говорит о том, что она, а следовательно и армянская колония, существовали задолго до этого.

В центре Феодосии и поныне возвышается церковь Св. Саркиса. Некоторые исследователи считают, что она была сооружена до появления в Крыму генуэзцев, в X—XI вв. Сейчас невозможно точно отпределить дату ее постройки, однако нетрудно заметить, что церковь определенно построена до прихода генуэзцев. Ведь известно, что армянам, прибывшим в Каффу после генуэзцев, уделялись земли вне пределов генуэзской цитадели города, за итальянским кварталом, носившим название «Френк-Хисар». Так, по уставу Комитета Хазарии Генуэзской республики 1316 г. консул Каффы мог сдавать в аренду армянам, грекам и другим христианам, являющимся негенуэзцами, только ту землю, которая находилась за стеной города². Между тем церковь Св. Саркиса находилась в самом центре города, почти в центре цитадели. Этот факт не оставляет сомнения в том, что церковь сооружена до появления генуэзцев в Каффе.

¹ F. Macler, *Armenie et Crime. Note d'histoire notice de manuscrits. «Orient et Byzans», IV, 2, 1930, c. 361.*

² «*Monumenta historiae Patriae*», t. II. *Impositio Officii Gasarire*, t. II, 1838, c. 408.

Каффа-Феодосия. Армянская церковь Св. Саркиса (XII–XIII вв.)

Одна из статей устава 1316 г. прямо указывает на факт наличия в Каффе армянских церквей до появления генуэзцев. Она запрещала генуэзским консулам Каффы распоряжаться той частью городской земли, на которой «издавна расположены церкви греков, армян и монастыри этих церквей»¹. Согласно уставу, имелись три такие армянские церкви.

Устав 1316 г. содержит специальный раздел: «Онеизменении направления воды водопровода епископа армян». Закон запрещал жителям Каффы под каким бы то ни было предлогом или мотивом отводить воду водопровода, сооружающегося по заказу и на средства «высокочтимого епископа армян»². Нарушителям устав угрожал штрафом в размере 3000 баликат аспров. Разумеется, если бы армяне в городе не составляли внушительного числа, то, во-первых, их епископ не имел бы средств на сооружение водопровода, а, во-вторых, не было бы нужды и в самом епископе (а следовательно, и в епархии).

¹ Там же.

² Там же, с. 380.

^{*} По вычислению итальянского ученого Канале, 1 аспр = 2 су, т. е. 3 коп. серебром (по курсу 60-х годов XIX в.) см.: ЗООИД, т. V, с. 820.

В самом деле, если бы крымские армяне были малочисленны, они не могли бы привлечь к себе внимание римского папы Иоанна XXII, который стремился обратить их в католическую веру. С помощью посланного в Крым епископа Еронимия папе удалось в 1318 г. обратить часть местных армян в католичество, вернее, заставить их признать его высшую духовную власть.

Достоверные сведения о жизни таврических армян в XIII в. сообщает греческая рукопись. На полях греческого синаксара (четыре-миней, жизнеописания святых), написанного на пергаменте в приморском городе средневекового Крыма — Судаке (Судея, Сурож, Солдая), сделаны пометки, которые свидетельствуют, что в этом видном торговом пункте полуострова вместе с греками жили и армяне. Пометки рассказывают о том, что в 1292 г. между греками и армянами в Судаке шел спор о времени празднования пасхи. Разумеется, подобные споры могли возникнуть лишь между общинами, а не отдельными людьми. Внимательное чтение подтверждает эту мысль: в нем речь идет о группе людей, об армянах вообще, «неправильно» праздновавших пасху. Другие пометки рукописи тоже подтверждают этот вывод. Например, сообщения о смерти живших в Судаке армян — Давыда, сына Смбата (1242г.), Самата, сына Ефрема (1283 г.) и Ернич, жены Смбата¹.

Письменные памятники свидетельствуют о том, что до XIV века армянское население проживало и в других частях полуострова. Так, подвергнув тщательному историко-лингвистическому исследованию две армянские надписи, обнаруженные в 1902г. в Крестообразном храме Херсонеса, Н. Я. Марр определил, что одна из них относится ко времени не позднее XIII в.²; датировка второй надписи, из-за трудности прочтения, им не установлена. Примечательно, что одна из надписей сделана на штукатурке, а другая — на мраморном основании. Последнее обстоятельство подтверждает то, что надписи сделаны в Крыму, и исключает всякое предположение о том, что они могли быть привезены в Крым из Армении. В иных случаях, разумеется, исключения возможны.

О существовании армянского поселения в юго-западной части Крыма, в частности в Херсонесе, говорят и другие материалы. Например, при сравнении средневековой бани Херсонеса с

¹ Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), т. V, с. 598, 603, 609.

² Н. Я. Марр. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе. «Известия И. Археологической комиссии», вып. 10, 1904, с. 1 — 2.

баней замка Амберт в Армении (X — XI вв.), а также гончарных изделий и керамики Херсонеса и Армении (X — XII вв.) обнаружено их полное сходство¹. Аналогичны также отдельные постройки этих бань и использованные в них предметы. По всей вероятности, в строительстве бани Херсонеса принимали участие и мастера-армяне, переселившиеся сюда из Армении, тем более, что эпиграфический и антропологический материал подтверждает наличие в XIII в. и до этого армянского населения в Херсонесе и его окрестностях. Так, например, обнаруженные во время раскопок 1955 г. человеческие черепа в большинстве принадлежали арменоидам, что позволяет сделать вывод о существовании в то время в Херсонесе постоянного армянского населения².

В XIII в. армяне в Крыму, особенно на его юго-восточном побережье (Феодосия, Судак), настолько экономически окрепли, что вместе с генуэзцами не только являлись известными торговцами в бассейне Черного моря, но и, заключая различные торговые сделки, даже выступали в качестве кредиторов³.

Таким образом, начало переселения армян в Крым надо отнести к XI в. С этого времени, особенно в XII — XIX вв., на Крымском полуострове, в частности в его юго-восточных частях, уже имелись армянские колонии.

Итак, армянские колонии в Крыму имели древние и глубокие корни, когда, согласно дошедшей до нас письменной истории (памятной записи одной из крымских армянских рукописей⁴), их пополнил новый, по численности гораздо больший приток армянских переселенцев. Это имело место уже в 30-х годах XIV в. и явилось прямым следствием татаро-монгольских нашествий в Армению в XIII в.

Военные удары монголов, усилившиеся в связи с их разбоем феодальные насилия и налоги, тяжелое экономическое положение и опасность физического истребления послужили причиной новых переселений, принимавших на этот раз гораздо большие масштабы, чем даже в период сельджукских походов. Письменный памятник крымских армян рассказывает, что большая часть переселенцев сначала прибыла в Ак-Сарай,

¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII — XIV). М.-Л., 1950, с. 81, 105, 117 — 118.

² К. Ф. Соколова, Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года, «Херсонесский сборник», вып. V, Симферополь, 1959, с. 73 — 74.

³ «Actes des notaires», с. 174, 225, 244.

⁴ Матенадаран, рукопись 7442, л. 280 — 283 об.

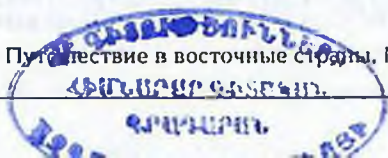
находившийся на Волге между Казанью и Астраханью. С разрешения золотоордынского хана армяне развернули там широкую торговлю, занимались ремеслами. Рубрук говорит, что хан держал в своем дворце даже священников и переводчиков из армян¹.

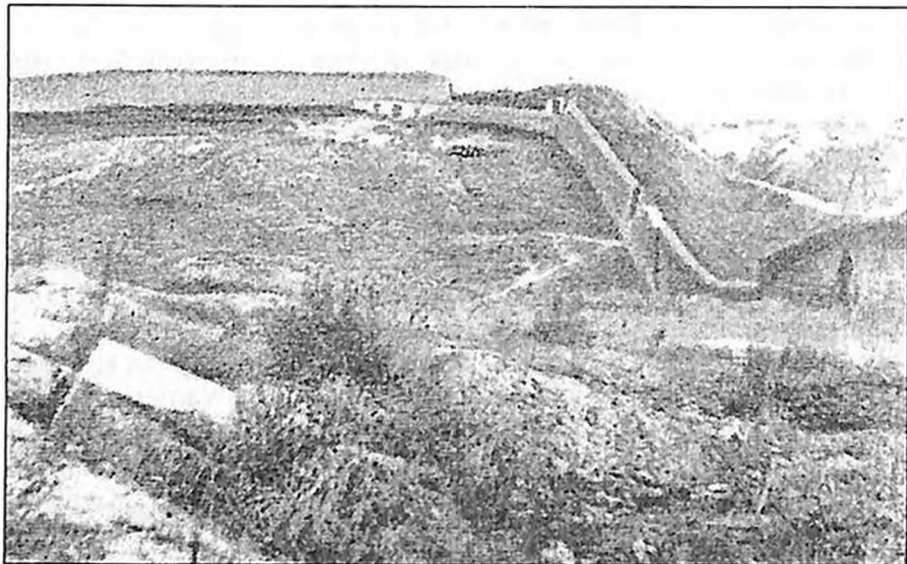
В Золотой Орде армяне, однако, обосновались не-надолго — всего на несколько десятилетий, до 1299г. Сначала они обратились к хану с просьбой дать им разрешение на переселение в Крым. Хан отказал им в этом, учитывая отрицательные последствия, которые с уходом армян не замедлили бы сказаться в области развития торговли и ремесленного дела. Тогда армяне, как повествует источник, вынуждены были с оружием в руках проложить себе путь в Крым. Берега Волги они покинули в 1299 году, но в Крым прибыли лишь 30 с лишним лет спустя, в 1331 г. По некоторым сведениям, они сделали долгую стоянку у берегов Азова, в городе Тане, где в начале XIV века действительно функционировала армянская церковь. В Крым они перешли по договору, заключенному с генуэзским консулом Каффы. Генуэзцы, из-за своей малочисленности в Крыму, нуждались в армянах не только в целях оказания сопротивления татарским набегам, но и для использования их в торговом соперничестве с венецианцами в Черноморском бассейне вообще, и для развития торговли в частности. Приходу армян в Крым способствовали, по-видимому, их соотечественники, издавна жившие там. Армянские торговцы Золотой Орды не могли не иметь с ними тесных связей и постоянных контактов. Прибывшие на полуостров армянские переселенцы обосновались в Феодосии, Казарате (недалеко от Старого Крыма), в Старом Крыму и прилегающих к ним местах. О новом переселении армян в Крым свидетельствуют и другие письменные сведения, например, арабская надпись, а также воздвигнутые ими в те годы многочисленные церкви и многое другое.

...

Со второй половины 30-х годов XIII в. вплоть до 1783 г. в Крыму господствовали татары (вначале в виде отдельного улуса Золотой Орды, а в 1428 — 1783 гг. — в качестве Крымского ханства, зависимого с 1475 г. от Османской Турции). С другой

¹ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны, М., 1957, с. 113.

Каффа-Феодосия. Остатки армянской оборонительной стены (XIV–XV вв.)

стороны, с 60-х годов XIII столетия до 1475 г. на юго-восточном побережье полуострова властвовала генуэзская колониальная администрация. Армянские поселения находились в сфере влияния и тех и других.

Невзирая на сохранение родовой организации, в Крымском ханстве существовали отношения, типичные для кочевого феодализма. В распоряжении беев и мурз находились пастбища — основа кочевого скотоводства. Это давало возможность феодальной знати эксплуатировать широкие массы татар-скотоводов. Одним из основных средств обогащения этой знати была продажа невольников, которые доставались ей во время частых набегов на соседние страны. Эта торговля составляла одну из основных статей доходов ханства и была связана с малопроизводительным хозяйством татар.

Отношение ханства и самих татар к тому или иному христианскому народу Крыма при сохранении общих черт имело и специфические особенности, обусловленные политическими условиями эпохи, традиционными связями татар с данным народом, и, в конечном счете, материальными и политическими выгодами. Междоусобные войны и нападения татарской феодальной верхушки разоряли и армянские поселения Крыма, однако сохранившиеся свидетельства говорят о том, что отношение татар к армянским поселенцам было временами терпимым. Крымские армяне, часть которых жила до этого в Золотой

Орде, хорошо владели татарским языком, лучше других знали обычаи, образ жизни и быт татар. Такое преимущество играло определенную роль в их отношениях с татарами.

Не занимаясь торговлей и ремеслом, татары, однако, нуждались и в том и в другом. Армянские ремесленники и купцы, хорошо зная обычаи и язык татар, более свободно проникали в татарские районы, легче находили «общий язык» с татарами. Армянин для татарина был и хорошим ремесленником, и смелым купцом, и задушевым собеседником, и доверенным исцелителем его недугов.

Личные врачи самих ханов, например, в большинстве случаев были выходцы из армян¹. В 30 – 40 гг. XVIII в. один из карасубазарских армян — Теван-ага, даже занимал должность директора ханского казначейства². Он представлял самую богатую прослойку местных армян, о чем свидетельствуют надписи на роднике-памятнике в Аккермане и в церкви Св. Огсента в Карасубазаре³.

Сравнительно лояльное отношение татар к армянскому населению находит свое подтверждение прежде всего в том, что армяне имели свои поселения и в сугубо татарских районах, где, вопреки законам мусульманской религии, татарское духовенство проявляло более или менее терпимое отношение к армянским церквям. Так было в Карасубазаре (Белогорске), Старом Крыму (Сурхате, Солхате, Эски Крыме), Кеозлеве (Козлове, Евпатории) и даже в столице ханства — Бахчисарае. Это явление нашло свое отражение и в армянских рукописях Крыма. Например, известный писец Натер в своей рукописи 1346 г. считает достойным упоминания наместника золотоордынского хана в Сурхате Рамадана из-за его справедливого ведения судопроизводства⁴, а другой писец называет того же Рамадана «мудрым судьей»⁵.

С установлением в Крыму турецкого владычества (1475 г.) и с дальнейшим упрочением мусульманской веры среди татар

¹ В. Х. Кондораки. Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 10, СПб., 1875, с. 59.

² Մ. Բժշկյան, ճանապարհորդութիւն ի Լեհաստան և յայլ կողմանս բնակեալս ի հայկազանց..., Վենետիկ, 1836, էջ 245 (М. Бжишкян, Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами, Венеция, 1836).

³ А. М. Меликсет-Бекоев, Старинные армянские надписи, Тифлис, 1912, с. 10–12.

⁴ Լ. Ս. Խաչիկյան, ԺՊ դարի հայերեն ձեռագրերի իշխատակարաններ, Երևան, 1950, էջ 349 (А. С. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XIV в., Ереван, 1950, с. 349, на армянском языке).

⁵ Там же, с. 385.

начали ухудшаться армяно-татарские отношения, хотя ханство по-прежнему продолжало получать от армянских поселений немало доходов, а армяне не прекращали своего активного участия в политической и экономической жизни ханства.

Христианское население Крыма, в том числе армяне, сыграли большую роль в изменении образа жизни татар и, прежде всего, в переходе их к оседлости. Этому в значительной степени способствовало постоянное общение татар с русскими, армянами, греками и другими народами.

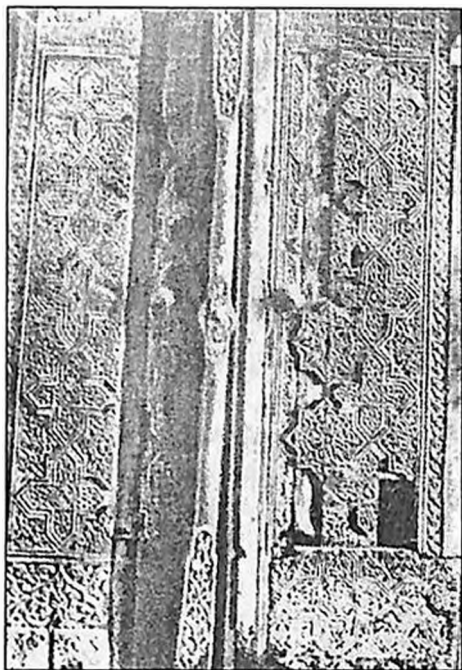
Развитию взаимоотношений и взаимосвязей армянского населения Крыма с другими народами способствовало то обстоятельство, что армянские поселения размещались почти во всех важных населенных пунктах Крыма либо в виде отдельных кварталов и общин в городах, либо в качестве самостоятельных деревень и даже маленьких городов, как, например, Казарат (до XV в.) и Армянский Базар (в XVIII в.).

Историко-географическое размещение армянских поселений на Крымском полуострове не всегда было стабильным, и поэтому в историческом аспекте его описание можно подразделить на два периода: до 1475 г. и после 1475 г., когда над ханством было установлено турецкое владычество, приведшее к резким изменениям в количественном составе армянского населения. Вплоть до 1778 г. значительное число армян проживало в Каффе, Сурхате, Судаке, Кеозлеве, Карасубазаре, Ак-мечети (будущем Симферополе), Орабазаре (Армянске, Армянском базаре), Инкермане, в армянских деревнях Сала, Топлу, Нахичевань, Орталанк и других, находившихся между Карасубазаром и Старым Крымом, а также недалеко от Судака.

Какова же была численность армянского населения в Крыму в середине века? На этот вопрос можно ответить, основываясь лишь на косвенном материале. Из официальной переписки генуэзских властей видно, что в 70-х годах XV столетия из 70 тысяч населения г. Каффы 2/3, т.е. свыше 46 тысяч, составляли армяне¹. В 1475 г. казначей и чиновники казначейства Каффы, предупреждая протекторов банка Св. Георгия о последствиях вмешательства каффских властей во внутренние дела армян, аргументировали это также их многочисленностью в городе: «потому что вы имеете армянский народ, — писали они, —

---

¹ «Atti della societa Ligure di storia patria», Atti, vol. VII, p. II, Genova, 1879, c. 248, 345, 727, см. также: С. Секиринский, Очерки истории Сурожа IX—XV веков, Симферополь, 1955, с. 35.

Деревянные двери (XIV в.)

который составляет 2/3 жителей города»¹. То же самое подтверждают турецкие источники, согласно которым из 70 тысяч граждан г. Каффы 65% составляли армяне, 15% — греки, караимы и татары, и только 4% — генуэзцы². В оставшиеся 16 процентов в основном входили русские и представители других народов. Это только в одной Каффе. А на всем полуострове? Крымское ханство нам не оставило статистических сведений о численности населения. Однако, основываясь на косвенных, но достоверных сведениях, в частности на наличии многочисленных армянских населенных пунк-

тов, кварталов, церквей и монастырей, можно несомненно утверждать, что даже в XVIII в. в Крыму самыми многочисленными после татар были армяне. Между тем в XIV — XV вв. их было там еще больше, так как после завоевания Крыма Турцией значительная часть армян оставила полуостров, а многих из них турки угнали в Константинополь. Вывод о том, что после татар по численности населения армяне занимали второе место, подкрепляется следующими данными. По свидетельству европейских путешественников и памятных записей армянских рукописей, только в городе Каффе одновременно функционировало более 30 армянских церквей, в Сурхате, по нашим неполным подсчетам — 9, несколько десятков церквей и монастырей имелось в Судаке, Казарате, Евпатории, Бахчисарае, Армянском Базаре и в армянских деревнях. В памятной записи, описывающей переселение армян из Золотой Орды в Крым, говорится, что после их прихода в 1330 г. в Крым они «построили сто тысяч домов и тысячу церквей». Хотя число домов и церквей в

¹ «Atti», с. 345.

² Marian Malowist. Kaffa w drugiej połowie XV-eg wiku. Warszawa, 1939, с. 40.

записи, как нам кажется, преувеличено, однако основой для этого, безусловно, послужила их многочисленность. В Крыму существовали две армянские епархии.

Такое большое количество церквей и монастырей и наличие двух епархий дают возможность предположить наличие в Крыму многотысячных армянских общин, что подтверждается также многочисленностью армянских населенных пунктов и широкой торгово-ремесленной деятельностью, которую развевывали армяне в средневековом Крыму. Высокопоставленные генуэзские чиновники Каффы неоднократно указывали на многочисленность армянского населения в Крыму. В 1455 г. консул и массары Каффы в своем письме к протекторам банка св. Георгия (в ведение которого с 1453 г. перешли итальянские поселения в Крыму), жалуясь на незаконные действия римского епископа в отношении армян, писали: «Вы знаете, что эта земля большей частью населена армянами, они нам весьма преданы, опытные торговцы и приносят большие доходы»¹.

Среди всех армянских поселений Крыма самой крупной была армянская колония в Каффе, как по численности населения, так и по своему экономическому, политическому и культурному значению. В Каффе, которая в XV в. по численности своего населения не уступала Константинополю², имелись армянские школы, десятки церквей, банки, торговые дома, караван-сарай, ремесленные цеха и др. Она была одним из главных духовных центров крымских армян, до того известным и важным, что в 1438 г. каффским армянам предложили послать своих представителей на Флорентийский вселенский собор.

По многочисленности армянского населения в XIV—XV вв. вторым городом после Каффы был Сурхат, который, по сообщению арабского писателя Ибн-Абдеззахыра, в XIII в. «населяли люди разных наций, в том числе и русские»³. Тогда уже в городе существовала армянская колония. О сурхатских армянах сохранилось много сведений, содержащихся в памятных записях армянских рукописей. Имя Сурхат, вероятно, является искаженной формой названия армянского монастыря Сурб-Хач, основанного в 1338 г. и поныне возвышающегося в лесу недалеко от города Старый Крым (Сурхат). Здесь функционировало много армянских церквей, школ. Армянское население в городе имело

¹ «Atti, VI, c. 365.

² W. Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879, S. 177.

³ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I. СПб., 1884, с. 63.

Каффа-Феодосия.
Хачкар в церкви Св. Саркиса

свои кварталы, один из которых в XIV в. носил название «Верин охетнер»¹.

Одно из крупных армянских поселений XII—XV вв. находилось в Судаке. Письменные сведения убеждают нас в том, что в этом городе не позже XII в. имелось армянское поселение. По численности оно было таким значительным, что в латинских документах XV в. город и его округ именовались также «Большой Арменией». Такие упоминания мы встречаем в грамоте римского папы Евгения IV от 18 августа 1432 г. епископу Солдаи Августину. В ней говорится: «Досточтимому брату Августину, солдайско-

му епископу, в тех частях Большой Армении, где находится солдайская церковь»².

До последней четверти XV в. около монастыря Сурб-Хач существовал небольшой армянский город Казарат. Армянские князья в Казарате держали войска и на договорных началах защищали генуэзскую Каффу от татарских набегов.

Кроме указанных мест, до XV в. армянское население значительными массами жило в Чембало (Балаклаве), Карасубазаре, Херсонесе, Чуфут-Кале. Имелось также сельское армянское население, жившее в армянских деревнях.

Падение Каффы в 1475 г. и установление турецкого владычества в Крыму вызвали заметные изменения в количественном составе армянского населения, часть которого ушла в западноукраинские районы, а многие были переселены турками в Константинополь. Несмотря на это, сохранившиеся сведения показывают, что и в XVI—XVIII вв. армянские поселения в Крыму продолжали насчитывать значительное число жителей

¹ Матенадаран, рукопись N 24, л. 252а, N 7742, л. 251а.

² П. Кеппен, Крымский сборник (о древностях южного берега Крыма и гор Таврических), СПб., 1837, с. 135.

Памятник-фонтан

в Каффе, Карасубазаре, Баллаве, Кеозлеве, Перекопе, Сурхате. Приведем лишь свидетельство Пейсянела, путешественника XVIII в.: «Среди христиан Крыма больше всего армян. В Каффе проживает 1200 семей. Греков же 600 семей»¹. В этот период, наряду с Каффой, армянское население было особенно многочисленным в Карасубазаре, Кеозлеве, Армянском Базаре и в армянских деревнях. По армянским источникам и сообщениям иностранных пу-

тешественников и мемуаристов, армянская колония в Крыму в начале XVII в. пополняется новым притоком переселенцев. Это было связано с движением и набегами джелали, когда армянский народ вновь вынужден был прибегнуть к массовым переселениям в чужие края. Многие из этих переселенцев нашли убежище и в Крыму, пополнив число местных армян.

¹ И. А. Гольдшмидт, Каффа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV вв., диссертация, 1952, с. 215.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Занятия
крымских армян

В жизни крымских армянских поселений в течение столетий большую роль играли торговля, ремесла, сельскохозяйственные работы. В начальный период, до второй половины XIV в., среди всех занятий крымских армян доминировала торговля. Это отнюдь не означает, что позднее торговля потеряла свое былое значение. Наоборот, в дальнейшем она приобрела более широкие масштабы. Речь в данном случае идет о том, что до XIV в. другие занятия, в частности ремесла, еще не успели получить такого широкого распространения, как в XIV – XVIII вв.

Подъем и спад торговли в крымских армянских колониях обуславливались той ролью, которую играл Крымский полуостров в международной торговле, а также внутренним политическим положением самого ханства. Начиная с XI в., когда в результате крестовых походов европейцы утвердились на восточном побережье Средиземного моря, Киликия, Сирия и Палестина становились важными торговыми узлами, связывавшими Европу с Востоком. Но в конце XIII в. они сдали свои позиции, ибо складывавшаяся на Переднем Востоке политическая ситуация вовсе не способствовала развитию там торговли. Все это было связано с постоянными войнами между тюрками-сельджуками, арабами и Византией, с потерей крестоносцами в конце XIII в. своих ближневосточных территорий и захватом египетскими мамлюками в 90-х годах того же столетия сирийского побережья. Между тем средиземноморская торговля все еще устремлялась на Восток, что и усиливало роль Черноморского бассейна. Европейская торговля на этот раз избрала путь, который проходил через Константинополь – Каффу – Тану, а оттуда через татарские владения – на Восток. По сравнению с Передней Азией этот путь был более безопасным. Из Каффы купец попадал непосредственно во владения татар, а последние ввиду выгоды от торговли вплоть до XIV в. вообще-то были не так уж плохо настроены к купцам. Из Индии же торговый путь шел в Крым по двум направлениям:

- а) через город Ормуз (на берегу Персидского залива), затем – Султаню и Тавриз, а оттуда по суше – в Черное море и Крым;
- б) Индия – Астрабад – Каспийское море, вдоль реки Куры, мимо Тифлиса, по реке Рион – в Черное море и в крымские порты.

В средневековой торговле Крыма, как внутренней, так и транзитной, до XIV в. ведущая роль принадлежала генуэзским,

армянским и греческим купцам, а в XV — XVIII вв. — русским и армянским купцам и торговцам.

Генуэзцев в Крыму было совсем немного: в 70-х годах XV в. в Каффе их насчитывалось всего 1000 человек¹. Торговля генуэзцев здесь охватывала главным образом Каффу. В силу своей многочисленности и торговых связей с татарами, славянским миром и Востоком, армянское купечество занимало одно из ведущих мест в торговле. В то же время вместе с генуэзцами они доминировали и в самой каффской торговле.

Генуэзцы ввозили в Крым европейские изделия, а оттуда вывозили восточные товары, значительная часть которых доставлялась в Крым армянскими купцами. Последние являлись также связующим звеном между генуэзцами и обширным «кипчакским миром», Востоком. Этим также объясняется и терпимое отношение генуэзцев к армянскому купечеству, в то время как торговые интересы заставляли их с оружием в руках вытеснять из Черноморского бассейна конкурентов, своих соотечественников — венецианцев. Армяне с их навыками и опытом нужны были генуэзцам не только в торговле, но и в отношениях с Крымским ханством. В этой связи знаток прошлого Таврикии В. Х. Кондораки отмечает: «Всего вернее, что и представители генуэзской фактории обделывали все дела свои в ханстве через посредство армян, и поэтому считали их чрезвычайно нужными и полезными на таком пункте, как Таврида»².

Среди всех городов Крыма, начиная с XIII в., в качестве торгового центра и пункта транзитной морской торговли особенно выделялась Каффа, где, как уже отмечалось, широкую торговую деятельность разворачивали также армяне. В своем рапорте, посланном в 1454 г. в Геную, консул и массары Каффы считали каффских армян «лучшими купцами»³.

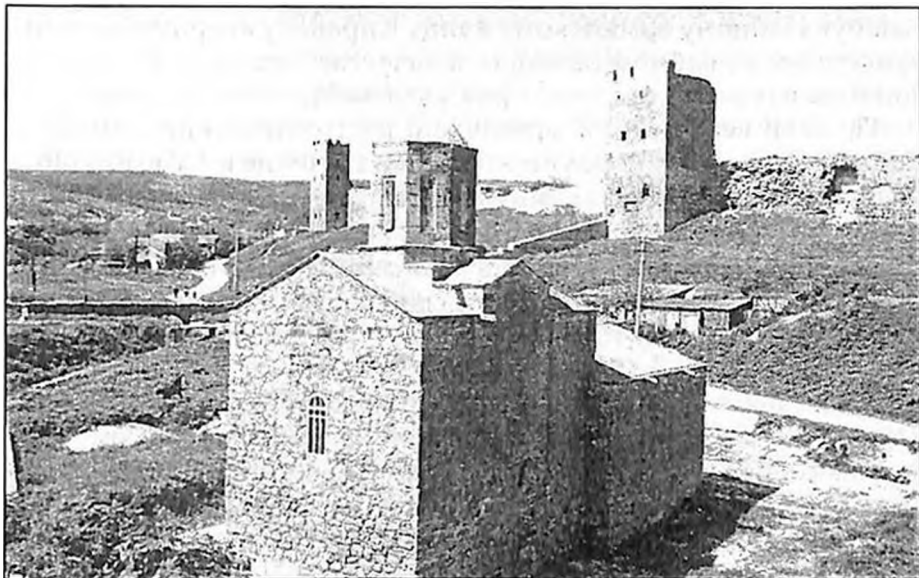
Нотариальные акты XIII в. красноречиво рассказывают о всестороннем участии местных армян в каффской торговле. Например, купцы Пароз и Костар, говорится в одном из актов, в 1289 г. направлялись в Трапезунд для торговли зерном, а другой акт сообщает об армянах, которые тогда же в торговых целях нанимали у генуэзцев суда⁴. В 1290 г. группа

¹ «Atti», vol. VII, p. II, c. 248; М. К. Старокадомская, Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII — второй половины XV вв., М., 1951 (диссертация), с. 268.

² В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, с. 64.

³ «Atti», vol. VI, c. 365.

⁴ «Actes des notaires», c. 174, 228.

Церковь Св. Иоанна Крестителя в Феодосии (1348 г.)

каффских армян и греков подтвердила факт получения от некоего Вивальди Ловаджи товаров, захваченных у них пиратом Юрзуком. «Мы — армяне Пеира, Богза, Василий, Иван Мелик и Прике Аварян Еваха, греки — Теодорос и Коста, — записано в акте, — признаем, что ты, Вивальди Ловаджио, нам полностью вернул наше имущество, которое у нас забрал пират Юрзук... Официально признаем, что мы от тебя ничего больше не должны получить, обязываемся в будущем также ничего не требовать от тебя и в качестве залога нашего соглашения ставим наше нынешнее и будущее имущество.

Составлено на территории Каффы, вечером 27 апреля 1290 г., по согласию указанных выше сторон, присутствовали следующие свидетели...»¹

В торговой жизни Каффы видную роль играл, вероятно, армянский ростовщический капитал. Даже генуэзцы иногда прибегали к помощи армянских ростовщиков. Согласно нотариальным актам, составленным 23 июня и 28 июля 1289 г., армянские купцы Каффы Петрос, Киракос и Обервали осуждали за это других купцов². Довольно жесткими были условия ссуды. Например, итальянский купец Рафаеле Эмбрико обязывался

¹ Там же, с. 272.

² Там же, с. 225, 244.

вышеуказанному армянскому купцу Киракосу «вернуть указанную сумму в двойном размере, в качестве штрафа с возвратом понесенных расходов, если срок уплаты будет просрочен»¹.

По всей вероятности, армянский ростовщический капитал в Каффе возрос и приобрел еще большее значение в XV в. Крупными банкирами-ростовщиками были, например, Кутул-бей, Каярес и другие армяне, которые в борьбе за епископский престол опирались на свою финансовую мощь. В письме, написанном в феврале 1475 г., каффский консул Кабелла сообщал протекторам банка св. Георгия в Генуе, что таких, как Каярес, в городе имеются 12 армянских банкиров². Существование банка в Каффе в XV в. подтверждает также местный армянский писец Христосатур. В его рукописи, относящейся к 1431 г., говорится, что каждый 1 сом*, вложенный в банк, приносит в качестве годового процента «14 белых», т. е. серебра. «Благочестивая дама Азиз-Мелик, дочь парона Амира и ее сын монах Есаи дали монастырю Св. Антона 100 сом, положили (их) в банк, а проценты их — 1400 белых ежегодно получает банк»³. Следовательно, банк, функционировавший в Каффе в XV в., имел своих пайщиков, которым, в соответствии с вложенными ими суммами, выдавал проценты, осуществляя определенные операции. Наличие банков, вероятно, объясняется отношениями, которые стали зарождаться в Каффе в связи с господством Генуэзской республики и большим торговым оборотом.

Торговые фактории генуэзцев вызвали к жизни учреждения, регулировавшие административные, юридические и экономические вопросы и являвшиеся полусамостоятельными органами власти. Сначала они подчинялись Генуэзской республике, а в последние десятилетия своего существования — правлению банка Св. Георгия в Генуе. В своей деятельности они руководствовались уставами 1290, 1316 и 1449 годов.

Устав 1449 г. проявлял расчетливую осторожность в отношении невмешательства во внутренние дела других народов.

---

¹ Там же.

² «Известия Таврической ученой архивной комиссии» (ИТУАК), N55, Симферополь, 1918, с. 164.

³ Матенадаран, рукопись N 7436, л. 395 об.

* Сом (или сонм) равнялся 200 аспрам, а иногда и 150 аспрам. В своих примечаниях к уставу 1449 г. В. Юргевич об этом пишет: «Сонмом обозначался только вес серебра, равняющийся стоимостью от 41/2 до 6 р. серб. Самое слово *sonno*, которое переводится итальянцами по латыни *sonntus*, кажется, итальянского происхождения и может быть сравнено с итальянской *sonna*, франц. *some*, т. е. тяжесть, так как сонмом обозначали тяжелые слитки серебра. В привилегии, данной генуэзцам Львом II царем армянским в 1288 г., называется клад или груз, навьючиваемый на животных — *sauma-sauma gamelii* (cameli), *sauma mulli*, *suma asinsi* (см. ЗООИД, т. V, с. 820.)»

Это, конечно, не означает, что армянам и грекам предоставлялось равное с генуэзцами право в административном и политико-экономическом управлении. Их, а также евреев касались все законы и правила по торговым, оборонным, общеполитическим и другим вопросам. Как жители Каффы, они подчинялись генуэзской колониальной администрации.

Однако подчинение генуэзским властям не лишало армян возможности создания своеобразного самоуправления в области церковных, национальных вопросов, в деле урегулирования внутренней жизни армянских поселений. Устав 1449 г., например, специальной статьей запрещал римскому епископу Каффы вмешиваться в религиозные дела греков, армян, евреев и др. и притеснять их. «Поелику Епископ г. Каффы, — читаем в уставе, — тревожит, говорят, иногда иноверцев, притесняет их и грабит, что может быть причиною уменьшения числа жителей в городе и предместьях и послужит явной опасности и вреду Каффы, то, обсудив дело прилежно и придерживаясь форм другого древнего постановления, постановляем и узаконяем, чтобы г. Епископ г. Каффы теперешний и все будущие не подписывали дел, принадлежащих Епископу чужой епархии и не посягали на жатву другого народа, но довольствовались исправлением своих христиан (т. е. своей епархии — В. М.) и утверждением их в благих делах и правде. Если же упомянутый Епископ или кто-либо из его преемников не захотят внять просьбам и постановлениям г. Консула, то обязаны г. Консул и совет Старейшин позаботиться обсудить, решить и принять по своему установлению меры и способы, чтобы отклонить окончательно упомянутого Епископа от подобных злоупотреблений, и чтобы упомянутые Греки, Армяне, Евреи и другие иноверцы были безопасны от всякого грабительства, посягательства на имение, когда кто умрет без завещания, и других притеснений упомянутого Епископа. Решения и определения, сделанные Консулом и советом, должны быть соблюдаемы точно и ненарушаемы, если же окажется, что г. Консул и совет поступили в подобных случаях вяло и оплошно, то должны подвергнуться взысканию по приговору Синдиков»¹.

Отношение протекторов банка св. Георгия на имя армянского епископа Каффы от 3 июня 1464 г. ограничивало права последнего ведением брачных и духовных дел. «Вы должны заниматься брачными и духовными делами. Мы хотим, чтобы эти

¹ ЗООИД, т. V, с. 730–731.

области всегда относились к вашей компетенции и исполнялись хорошо и почетно»¹.

Но эти области иногда так расширялись, что охватывали очень разносторонние проблемы армянских поселений. Например, консул Каффы не имел права без указки армянского епископа наказать виновного, совершившего преступление, связанное с бракосочетанием. Так, на протест банкира армянина Каяреса и базарбаши (начальника рынка) Аствацатура, арестованных на 29 дней в связи с похищением малолетней армянки, консул Бабтиста оправдывался перед судом тем, что выполнял лишь волю епископа армян. «Светский судья никогда свою светскую власть не ставит выше духовных судей и предводителей в отношении к преступникам, — писал бывший консул Бабтиста в своем объяснении, представленном в суд. — ...Сам Бабтиста употребил свою власть и дал разрешение на арест лишь только по требованию достопочтенного епископа армян, и не имеет власти и права наказать того Асатура и Каяреса, которые совершили преступление в деле вышеуказанного брака, не желая подчиниться распоряжениям своего епископа...

Он, Бабтиста, не является лицом, арестовавшим вышеуказанных лиц; они были арестованы своим епископом; ему, епископу, перешла светская власть...»²

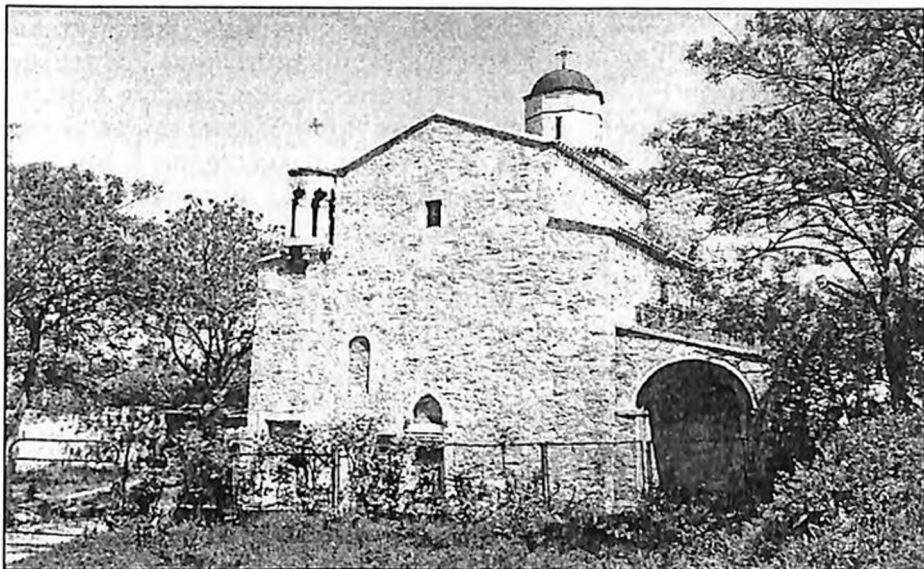
Терпимость к иноверцам прежде всего диктовалась турецко-татарской угрозой. И очень часто власти были вынуждены ущемлять права римского епископа, идти вразрез с политикой католицизма. Дело иногда доходило до того, что консулы и массары Каффы в период до 1475 г. неоднократно жаловались в Геную на собственных епископов, требуя отзыва нелояльных.

Самоуправление в армянских поселениях охватывало не только вопросы церковной самостоятельности. Документы, особенно первой половины XV в., содержат строгие, вплоть до применения угрозы сурового наказания, предупреждения о категорическом запрещении генуэзским чиновникам Каффы вмешиваться во внутреннюю жизнь армян. Это означает, что существовал широкий круг вопросов, регулирование которых относилось только к компетенции самих армян. С другой стороны, чем дальше ухудшалось внешнеполитическое положение генуэзцев в Крыму (захват турками Константинополя в 1453 г.

---

¹ «Atti», vol. VII, p. 1, c. 278.

² Там же, p. II, c. 423.

Церковь Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии (1408 г.)

и их угроза крымским факториям генуэзцев), тем больше они шли на уступки местным жителям.

Запрещение римскому епископу и генуэзским властям Каффы вмешиваться во внутренние дела армян было официально оформлено во многих документах и письменных предупреждениях, поступавших из Генуи. «Не без большой осмотрительности со стороны римской канцелярии и ваших властей (протекторов банка Св. Георгия — В. М.) осмотрительно запрещено, чтобы консулы и должностные лица Каффы вмешивались в церковные дела армян, а также в дела их начальников»¹, — писал массар Скварчияфико протекторам 18 января 1475 г., выказывая свою осведомленность об этом запрете и указывая на его значение для жизни города. Нетрудно догадаться, что было немало дел, которыми распоряжались «начальники армян» и в которые генуэзцы не имели права вмешиваться. Безусловно, это — один из фактов, подтверждающих существование определенной самостоятельности в армянских поселениях Крыма.

Осторожность и лояльность проявлялись и к армянам, и к грекам, жившим в предместьях города. В отдельной статье, озаглавленной «О том, чтобы не делать притеснений жителям предместий», устав гласил:

¹ «Atti», vol. VII, p. II, c. 186.

«§1. Постановляем и узаконяем, что военный надзиратель ворот на предместьях не должен иметь никакого дела с жителями тех мест и не сметь делать им притеснений, требуя деньги или повинностей, кроме одной только ночной стражи, за которую, от не выполняющих ее, может взять только один аспр.

§2. Также не вправе брать упомянутый надзиратель из предметов, ввозимых через упомянутые ворота, ни вещей, ни припасов, ни пожитков, ни чего бы то ни было, кроме одного полена, которое берется для отопления оргузиев в зимнее время...»¹

Своеобразная самостоятельность в решении целого ряда вопросов внутренней жизни армянских поселений, по всей вероятности, распространялась и на поселения, находившиеся непосредственно на территории ханства, например, на солхатских, карасубазарских и других армян. Самостоятельность эта при генуэзцах не распространялась на вопросы внутренней жизни армян. Например, книги душеприказчиков армян подлежали ревизии со стороны четырех генуэзских чиновников, специально выбранных для этой цели. Их выбирали «для точной и тщательной ревизии картулариев или книг всех душеприказчиков и исполнителей завещаний и последней воли умерших, чтобы узнать, выполняют ли они возложенное на них душеприказничество хорошо, законно, справедливо и согласно с волею завещателей. Каковое постановление относится к Латинам, Грекам и Армянам, умирающим в Каффе, эти же четыре чиновника должны смотреть, чтобы упомянутые душеприказчики распорядились, устраивали и раздавали по воле завещателей, под опасением заплатить в наказание своими деньгами то, что раздадут против воли умерших»².

Как жители Каффы, армяне материально участвовали в содержании должностных лиц, безусловно исходя из своих экономических интересов. Например, в своей петиции, посланной в Геную в 1455 г., они высказывали сожаление по поводу того, что истратили много денег на содержание и прокормление ночных и дневных стражников, но им постоянно приходилось по вечерам переносить свои товары из лавок домой³. Такую же петицию послали греки и евреи, тоже стремившиеся обеспечить свой торговый капитал более безопасными условиями.

По предположению некоторых ученых, в Каффе армяне имели вооруженные силы. Во всяком случае, в пользу наличия в Крыму в этот период армянской вооруженной силы говорит

¹ ЗООИД, т. V, с. 702.

² Там же, с. 762 – 763.

³ «Atti», vol. VI, docum. CXLVI.

тот факт, что консул Каффы назначил армянского князя Теодора Мугаленца командующим «у реки Казарата»¹. Находившийся рядом с армянским монастырем Св. Креста укрепленный пункт Казарат защищал Каффу с севера от татарских набегов. В самой Каффе армянская община своими средствами возвела вторую оборонительную стену, носившую название «Айоцберд» («Армянская крепость»). Воздвижение армянами укрепленного пункта, безусловно, предполагает содержание там вооруженной силы с целью обороны.

Наряду с Каффой известными торговыми центрами в Крыму были Судак, Сурхат и позднее Евпатория, Карасубазар, Бахчисарай. В конце 30-х годов XVIII столетия активная торговля с севером и в особенности с русским государством вызвала к жизни другой торговый центр полуострова, который там имел свои торговые фактории, караван-сарай, складские помещения.

Из десятилетия в десятилетие значение Армянского Базара все возрастало в связи с расширением транзитной сухопутной торговли. Спустя всего 20—25 лет после основания города посетивший его в 1761 г. фон дер Гольц — посол и агент прусского короля Фридриха Великого был в восторге от городского рынка, от его удобств для транзитной торговли. «В расположенной в четырех верстах от Перекопа деревушке под названием Армянский базар — армянской фактории с пользовавшимся известностью рынком, — Гольц увидел те непрерывно дымящиеся кухни, о которых ему уже рассказывали по пути и в которых приготавливались самые изысканные блюда для утоления голода многочисленных путешественников и купцов, посещавших здешние места»².

В средневековый Крым ввозились разные ткани, меха, ковры, вина, фрукты, предметы роскоши, пряности и др. Они ввозились не только для сбыта в Крыму, но и для отправки в другие страны.

Из Крыма вывозились: рыба и икра (не только черноморская, но и кубанская, и азовская), хлеб, соль, мыло, сахар, воск (по большей части все это привозилось в Крым из Черкесии и Абхазии, куда преимущественно ездили армянские купцы), меха (привозили в основном русские купцы) и др.

В Крыму широкое распространение получили купля и продажа невольников. Этим занимались в основном итальянские купцы, в руках которых была сосредоточена торговля с Египтом — центром работорговли. Они же владели средствами

---

¹ Матенадаран, рукопись N 7441, л. 282.

² Теодор Муцат, Крым-Гирей — союзник Фридриха Великого. Симферополь, 1909, с. 11.

Строительная надпись церкви Архангелов Габриела и Микаела

морской транспортировки¹, без которой покупка невольников в Крыму не имела смысла. Пленники — этот живой товар — вывозились на рынок и служили средством обогащения татарской феодальной знати: ханов, беев, мурз. Основными районами грабительских набегов татар и угона ими пленников служили русско-украинские земли, Польша, Молдавия, Северный Кавказ. Ведя малопродуктивное хозяйство, татары одну из основных статей своего дохода видели в грабежах и угоне пленных. По подсчетам проф. А. Новосельского, в первой половине XVII века татары угнали в плен 150 — 200 тысяч русских².

Торговля невольниками нашла отражение в Уставе 1449 г. В статье «О том, чтобы жителей Каффы не продавать вместо невольников» строго запрещались купля и продажа лишь жителей Каффы, а не невольников. В 1421 г. генуэзцы требовали от египетского султана вернуть их купцам 16 тысяч золотых дукатов, которые были захвачены у них в виде контрибуции за невольников из Каффы³.

¹ W. Heyd, указ. соч., с. 202.

² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, М.-Л., 1948, с. 164.

³ ЗООИД, т. V, с. 835.

Торговля в Крыму велась как отдельными купцами, так и их объединениями, которые возникали с целью сокращения издержек, обеспечения безопасности, вовлечения в торговлю людей, владевших капиталом, даже небольшим по объему. Созданию объединений способствовало, в конечном счете, расширение торговли. Наиболее известными были морские товарищества, в которых в качестве торговцев и кредиторов принимали участие также крымские армяне. Немаловажную роль в развитии сухопутной торговли играли караван-сарай. Армянская рукопись, написанная в Каффе, повествует о том, что прибывшие в Каффу из Армении — из области Гохтн — армянские купцы занимали отдельные караван-сарай¹. Армянская торговая фактория в Армянском Базаре, как уже отмечалось, тоже располагала несколькими караван-сараями и богатым рынком, где обменивались товары.

***

Крымская торговля в средние века велась по нескольким направлениям. Таврические армяне имели тесные торговые контакты со многими странами Европы и Азии: с Россией, Польшей, Венгрией, Турцией, Венецией, Генуей, Киликией, Золотой Ордой, Кавказом. Их торговой деятельности способствовало также то обстоятельство, что во многих из указанных стран имелись армянские поселения.

Армянские купцы из Крыма вели бойкую торговлю в Польше и подвластных ей западноукраинских областях. Принимая деятельное участие в торговых связях юго-восточной Европы, они в Польше, Галиции, Венгрии, Трансильвании, Литве и Банате держали своих постоянных торговых агентов².

Торговля таврических армян в Польше нашла свое отражение в крымских армянских рукописях. Памятная запись одной из четьи-миней, переписанной в 1633 — 1635 гг. в Каффе, упоминает о некоем армянине «Демире из Каффы, который в молодом возрасте уехал в польский город для торговли и вернулся в город, именуемый Яш (т.е. Яссы)»³. О торговой деятельности армянских купцов в польских пределах сообщают и грамоты крымских ханов. В грамоте об армянине Аветике Менгли-Гирей

¹ Матенадаран, рукопись N 1050, л. 311.

² Матенадаран, личные фонды, папка 137, док. 68, л. 2.

³ Там же, рукопись N 9489, л. 589.

хан в сентябре 1509 г. сообщал Ивану III: «Наперед сего в Каффе жил наш поробок, Аветиком зовут, холоп мой, да ходил в королеву Землю (т.е. в Польшу — В. М.) торговати, а из королевой земли в твою, брата моего землю пришел...»¹

Большую торговлю крымские армяне вели со Львовом, где издавна существовала армянская колония, образованная и пополненная частью армян из Крыма. Роль Львова, как узлового пункта торговли между Западом и Востоком, особенно возросла после захвата турками проливов. В связи с этим важное значение приобрела сухопутная торговля. В ней итальянцы уже не могли иметь прежнего веса, зато крымские армяне и русские купцы стали связующим звеном в торговле между Львовом и Востоком. Через Львов проходили торговые караваны армянских купцов из Крыма, которые перевозили оттуда на европейский рынок восточные товары. В продаже этих товаров участвовали купцы из Львова, Кракова, Гданьска и даже из Кельна и Нюрнберга².

Татарская феодальная знать, получая прибыли от торговли армян, поощряла их, порой назначая отдельных из них даже в качестве своих торговых агентов с различными поручениями. Одного из таких агентов мы встречаем, например, в 1702 г. у Дубоссар, в качестве представителя крымского хана в сношениях с казацким атаманом Федором Белецким (по прозвищу Шпак). «Был принят (дружиной Шпака — В. М.) и удовлетворен армянин, здешний «атаман» крымского хана»³.

Иностранные путешественники и авторы XVI—XVIII вв., в том числе М. Броневский, М. Литвин, д'Асколи, Э. Клеманн, Тунманн в своих сообщениях утверждают, что в этот период армянское купечество занимало доминирующие позиции в крымской торговле. Деловые связи крымских армянских купцов с Европой, мусульманским миром и Россией подтверждаются многими материалами, в их числе документом, скрепленным печатями 73 крымских армянских купцов из Каффы, Карасубазара, Кеозлева, Акмечети, Старого Крыма и других мест. В этом письме они в 1744 г. от имени всех крымских армян просят Эчмиадзинского епископа Даниела остаться в Крыму в качестве начальника епархии. На этих печатях — факсимиле имена купцов обозначены армянскими, русскими, латинскими или арабскими буквами⁴.

¹ «Сборник русского исторического общ-ва», т. 95, СПб., 1895, с. 76.

² «Հայրենիք» 1929, N 9, էջ 151:

³ В. А. Кочергин, Наброски по истории города Дубоссар и прилегающего Поднепровья, Одесса, 1911, с. IV.

⁴ Матенадаран, фонд Канделария католикоса, папка 43, док. 1.

Разумеется, необходимость иметь на своих печатях буквы различных языков говорит о наличии торговых связей армянских купцов с этими народами.

Средневековый Крым постоянно вел торговлю с малоазийским берегом Черного моря, особенно с Трапезундом. В ней заметное участие принимали как крымские армяне, так и купцы из самих армянских областей. В 1290 году, в апреле месяце, каффские армянские купцы Пароз и Костар, о которых мы уже упоминали, арендовали торговое судно у итальянцев для перевозки 300 мод пшеницы и 100 мод проса в Трапезунд. Составленный об этом акт гласил: «Мы, Андреас и Оберто ди Вениано из Багании, передаем тебе, армянину Парозе из Казарии (т.е. из Крыма — В. М.) аренду на наше судно, поручаем тебе полное право арендатора нашего судна, чтоб ты арендованное на твое имя и на имя армянина Костара наше судно обеспечил водой, хлебом, матросами для того, чтобы в течение предстоящих 10 дней ты поехал в Константинополь и взял оттуда 300 мод пшеницы и 400 мод проса и затем перевез их в Трапезунд»¹.

26 июля того же 1290 г. торговое товарищество армян и итальянцев составляет нотариальный акт на предмет аренды торгового судна и переброски товаров из Крыма в Трапезунд. Документ этот интересен во многих отношениях: подтверждая торговую связь крымских армян с Трапезундом, одновременно он отражает юридическую сторону отношения между владельцами судна и купцами. Каждый из последних обязывался заплатить судовладельцу 38 бар аспров за себя и столько же за свои товары, а тот должен был доставить их живыми и невредимыми вместе с товарами в пункт назначения — Трапезунд, высадить их там на берег. Он же брал на себя все расходы по содержанию корабля и матросов. Последнее обстоятельство позволяет заключить, что бывали и случаи, когда эти расходы выпадали на долю самих купцов, иначе не было бы нужды фиксировать в данном акте эти расходы. «Я, ... де Валле, жалую право арендатора вам, Франческо Соане и армянину Симону, раз вы хотите на свое собственное имя и на имя своих товарищей, которых кроме вас 8 человек, нанять мою тариду, носящую название «Святой Андреас»; ныне она должна отправиться в Трапезунд. Я обещал указанную тариду предоставить в ваше распоряжение... в готовом виде и обеспеченной собственным оборудованием, водой, припасами и матросами, всеми необходимыми инструментами. Обещаю взять вас,

¹ «Actes des notaires», с. 174.

ваших друзей и ваши грузы на свою тариду. Обещаю в таком готовом виде отправиться из Каффы в Трапезунд в удобное для вас время, не отклоняясь от пути, если только по причине нарушений, вызванных божьей волей, не останемся в пути. Обещаю по прибытии в Трапезунд высадить с судна вас и ваших товарищей, а также выгрузить ваш груз и груз ваших товарищей и на моей лодке и моими матросами высадить на берег, с условием, чтобы вы за аренду судна и за право арендатора заплатили мне 38 бар аспров, за каждого из вас и столько же — за груз каждого»¹. Сторона, нарушившая эту договоренность, обязывалась заплатить другой стороне в виде штрафа 500 бар аспров, а в качестве залога закладывала все свое имущество².

Купцы армянских колоний Крыма были постоянными посетителями северокавказских районов. В их руках находилась основная часть торговли с Черкесией и другими кавказскими территориями, подвластными Крымскому ханству. Европейский путешественник Ла Мотре, в 1711 г. побывавший в Крыму, в своей трехтомной работе — путевых заметках сообщает, например, что в Крыму он имел знакомых армян, которые по 15 раз побывали в Черкесии. Там они закупали меха, воск, мед, икру и другие товары³.

Через Трапезунд и Константинополь таврические армяне торговали с Киликией и Сирией. Торговый путь шел через Кесарию и Себастию в Синоп, а оттуда — в Каффу, Судак⁴. В Крым ввозились также товары, произведенные в самом Киликийском армянском государстве. О торговых связях Киликийской Армении с северным побережьем Черного моря красноречиво свидетельствуют монеты киликийских армянских царей, найденные в окрестностях г. Аккермана (Белгорода-Днестровского) и в устье реки Днестра⁵.

Одно из главных направлений таврической торговли шло в Константинополь. Здесь оно раздваивалось: в Западную Европу и в Восточное средиземноморье, Египет. После падения Латинской империи (1261 г.) этот торговый путь вызвал к жизни торговую факторию генуэзцев в Константинополе. Посещения крымских армянских купцов Константинополя, Смирны и Венеции были

¹ «Actes des notaires», с. 174.

² Там же.

³ «Չալոնցիք», 1950, N 8, էջ 97:

⁴ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства, Ереван, 1952, с. 197.

⁵ Там же, с. 197 — 198.

Церковь Св. Геворка в Феодосии

столь периодичны, что с течением времени в этих городах возникли армянские колонии, частью состоявшие из крымских армян.

О торговле крымских армянских купцов в Константинополе рассказывают нотариальные акты последней четверти XIII века. По акту от 7 июля 1289 г. некий Манвел Байакани и Борборино обязуются достать со дна константинопольского порта 120 фунтов (т.е. 48 кг) серебра, принадлежащего армянину Поли (Погосу). В качестве вознаграждения Погос обещал им 200 золотых гиперперов¹. А другой акт, составленный 23 июля того же года, свидетельствует о том, что некоторые купцы-армяне из Крыма торговали в Константинополе через своих агентов. Некий Банкерисос, получив от каффского купца Погоса товары, обещал за них заплатить ему или его представителю 29 золотых гиперперов в Константинополе². Нотариальный акт от 6 июля 1395 г. сообщает, что каффский купец Оганес назначает свою жену Маргариту своим доверенным лицом в Венеции, уполномочивая ее затребовать и получить «от кого бы то ни было и где бы то ни было, и, главным образом, от военного ведомства или канцелярии» причитающиеся ему долги³. Этот

¹ «Actes des notaires», с. 90.

² Там же, с. 225.

³ Ղ. Ալիշան, Հայ Վեներ., Ս. Ղազար, 1896, էջ 174 (Г. Алишан, Арм. Венец. Св. Лазарь, 1896, с. 174, на арм. языке).

интересный документ показывает, что деятельность каффского армянского купца была связана с целым ведомством Венецианской республики, а поставленный им товар, безусловно, шел на обеспечение военных нужд республики.

Тесные связи крымского армянского купечества с Константинополем, а через него с европейским миром нашли отражение в произведениях крымских армянских поэтов. В одном из четверостиший воспеваётся бойкая торговля и то, что по морю ходят торговые суда, на которых находится очень много армянских купцов и амира (богатых людей)¹.

***

Деятельное участие принимали таврические армяне в московско(русско)-крымских политических и торговых сношениях.

Таврический полуостров был знаком славянам еще с древних времен. В раннее средневековье в сношениях с Крымом участвовали и приднепровские славяне. Академик Б. Д. Греков полагал, что путь в Крым русские знали еще до IX в. Арабские авторы Масуди и ал-Я-куби Черное море именуют Русским морем. Масуди отмечает, что кроме русских в Черном и Азовском морях никто не плавает. Начиная со второй половины IX в. молодое русское государство играло важную роль в исторических судьбах Таврикии. Поход Владимира на Корсун по сути дела ознаменовал победу над Византией за Причерноморье, которое фактически было продолжением южнорусской равнины. В XI в., с образованием Тмутараканского княжества, явившегося важным стратегическим и торговым пунктом на стыке Черного и Азовского морей и на Северном Кавказе, еще теснее становится связь Киевской Руси с Крымом. Сношения Таврикии с русским государством имели место и в последующих веках. В XVIII в. Крым, наконец, был присоединен к России.

Экономические и дипломатические связи между Россией и Крымом оживляются со второй половины XV в. Начиная с этого периода, когда на несколько десятилетий между Московским государством и Крымским ханством устанавливаются сравнительно устойчивые отношения, представители крымских армян становятся активными проводниками русско-татарских дипломатических и торговых связей как в качестве купцов, так и дипломатических агентов.

¹ Матенадаран, рукопись N 7709, л. 167а.

Известно, что в средние века дипломатические поручения часто выполнялись купцами. На самом начальном этапе крымские армянские купцы усердно способствовали улучшению отношений между Москвой и Крымским ханством. Одним из них был небезызвестный купец Аствацатур (Богдан), который в 80-х годах XV в. неоднократно выполнял дипломатические поручения не только агента Ивана III — Захария, но и самого великого князя. По поручению Ивана III Аствацатур в 1488 г. повез грамоты Менгли-Гирей хану и князю Димитрию Шеину с приглашением таманского князя Захария, остановившегося в Черкассах, переехать на службу в Россию¹. Поводом для многолетнего дипломатического спора и переписки между Москвой и Крымом послужило дело известного каффского купца армянина Погоса, умершего в Москве. Погос был одним из видных представителей богатой армянской верхушки Каффы во второй половине XV в., связанной с турецкими властями и ханским двором. В 90-х годах XV в. на протяжении 5 лет он вел торговлю в Московском государстве. После его смерти вопрос о возвращении оставшихся в Москве его товаров родственникам стал предметом дипломатических переговоров, длившихся с 1498 г. по 1502 г. В переговорах по этому вопросу принимали участие и крымские армянские купцы, посещавшие Москву. История этого вопроса в некоторой степени знакомит нас с нормами торговых взаимоотношений Москвы с Крымским ханством.

Почувствовав заинтересованность турецко-татарской стороны в этом вопросе, Иван III решил использовать ее в сношениях с Крымом и Турцией. В своей грамоте от 16 марта 1499 г. он инструктировал посланника Олешу Голохвастова, как вести себя в Каффе и Константинополе, если этот вопрос будет затронут. «Был здесь каффинец, Богосом зовут, армянин, да здесь его не стало, — писал Иван III, — и яз велел рухлядь его запечатать да положить. И нечто в Каффе тебе, или в Царегороде, о рухляди о Богосове взмолвят от султана турецкого, или от его сына от каффинского салтана их приказчики, и ты бы им отвечал, что тот человек был до государя нашего земле да его не стало; и государя нашего пошлинники его товар запечатав велели положить; и будет его племени, и государь ваш, питав на правде, да и нашему государю кого пришлет о той рухляди, и государь наш ту его рухлядь велить ему отдати»².

¹ «Сборник русского исторического общ-ва», т. 41, СПб., 1884, с. 72 — 73.

² Там же, с. 282.

В октябре 1499 г. в Москву прибыло посольство Менгли-Гирея и каффского паши Магмета Шахзаде. Последний специальной грамотой просил передать товары каффского купца армянина Погоса беспошлинно послу Алакезу и армянину Бабеку, обещая в аналогичных случаях так же поступить со всеми московскими купцами в подвластных ему местах. О том же просил и Менгли-Гирей.

Однако Иван III знал, какова цена их обещаний. Письменные заверения турецко-татарской стороны ничего не стоили. Не заботясь о своем политическом авторитете, хан и султан не раз прибегали к подобным обещаниям, лишь бы выиграть данный спор. Когда же отпадала необходимость, им ничего не стоило предать забвению свое обещание и не сдержать своего слова. В марте 1500 г. Иван III поручил посланнику Андрею Кутузову принести жалобу каффскому султану на таможенников Каффы, которые насильственно взимали пошлины с русских купцов. В жалобе паше сообщалось также о тех обидах, которые наносились русским купцам в турецко-татарских областях. Решив использовать дело купца Погоса, Иван III велел сообщить паше о том, что товары Погоса будут беспошлинно возвращены только в случае, если будут возвращены товары русских подданных¹. Задерживая выдачу имущества Погоса, Иван III заставляет турецко-татарскую сторону в конце концов в 1502 г. пойти на уступки: уважить политический авторитет Москвы и бесплатно отпустить товары русских купцов, задержанные в Крыму.

История с умершим армянским купцом из Крыма, помимо вышеуказанного аспекта, интересна и с другой стороны: она, безусловно, свидетельствует о том, что купец Погос пользовался большим авторитетом у турецко-татарских властей и имел какие-то политические заслуги, иначе навряд ли последние, после его смерти, стали бы годами заниматься его «наследством» в Москве.

В документах начала XVI века также встречаем имена крымских армянских купцов, одновременно выполнявших роль дипломатических посредников между Москвой и Крымским ханством. Таковыми были, например, Саркис и Бабек. Им было, в частности, поручено вести переговоры по делу задержанных в Москве крымских армянских купцов Аветика и Григора². В XVII в. также некоторые крымские армяне, наряду с торговлей

---

¹ ЗООИД, т. V, с. 234.

² «Сборник русского исторического общ-ва», т. 95, с. 76 – 77.

в русском государстве, выполняли различные поручения дипломатического характера. Среди них встречаем армянина, некоего Мурада, числившегося в разряде «посольских людей» и принимавшего участие в русско-турецких переговорах 50-х годов XVII в. В своем послании 1658 г. Алексей Михайлович требовал от крымского хана казнить этого Мурада за нецензурные выражения в адрес русского царя. Небезынтересно этот документ привести целиком:

«Божиею милостию от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и обладателя Великие Орды брату нашему Магметь Гирею цареву величеству с любовию поклон.

В нынешнем во 165-м году (1657 г.) декабря в 21 день писал к нам, великому государю, вашего Магметь Гиреева царева величества послов пристав наш Михайло Шишкин — стояли они на стану в Тульском уезде в деревне Колпне, и вашего де величества послы сами и их люди толмачей били и с его Михайлову двору, где он стоял, приступали, и он де, Михайло, посылал к ним, послом, стрельцов пятидесятника Куземку Лаврентьева с товарищи и велел тотар от дурна унимать. И как де стрельцы учили тотаром дурость их выговаривать, и нашего Магметь-Гиреева царева величества // посольской человек Муратко арменин пятидесятника стрелецкого лаял и наше великого государя имя бесчестил при стрельцах. И по указу нас, великого государя, пятидесятник стрелецкой и рядовые стрельцы в Посольском приказе допрашиваны и в допросе сказали, что в Тульском уезде в деревне Колпне арменин Муратко нас, великого государя, имя бесчестил. И по нашему царского величества указу тот армянин Муратко взят с Волуйки к Москве и вкинут в тюрьму. И ныне мы, великий государь, того вора арменина Муратка послали к вам, брату нашему Магметь-Гирею цареву величеству.

И вам бы, брату нашему Магметь Гирееву цареву величеству, того арменина Муратка за то его воровство, за его непригожие слова велеть казнить смертью, а пощады б ему не учинить, чтоб на то смотря иным // так воровать, нас, великого государя, имя бесчестить неповадно. А как тому арменину казнь учините, и вам бы, брату нашему Магметь Гирееву цареву величеству, о том велети к нам, великому государю, отписать, чтоб нам, великому государю, про то было ведомо, и чтоб нам обоим великим государем быти в братстве и в дружбе и в любви, и впред наша государская братственная дружба и любовь множилась и прибавлялась.

Писан в государствия нашего дворе в царствующем граде Москве лета от создания миру 7165-го»¹.

Документ явствует, что Мурад (в документах он именуется также Муратка Исаев) как «посольский человек» пользовался дипломатическим иммунитетом, и лишь этим можно объяснить, что сам царь не казнил его, хотя и «вкинул его в тюрьму». Примечательно и то, что Магмет-Гирей хан не внял требованию русского царя. В своем ответе от 11 июня 1658 г. Магмет-Гирей следующим образом мотивировал свой отказ казнить Мурада: «Вы же писали об армянине и мы того вора велели поставить перед собой и расспрашивали и он в том слове не винитца, а по нашему закону кто не повинитца и двух человек свидетелей не будет и его казнить не достоин. И мы того над ним не учинили...»²

О чем говорит такое отношение хана к просьбе русского царя? Прежде всего о том, что Мурад пользовался большим авторитетом в ханском дворе и был нужным «посольским человеком», иначе трудно объяснить поведение крымского хана, сплошь и рядом попиравшего всякие законы и порядки.

В 60-х годах XVII в. крымские армяне Айдин и Николай Мансуров выступают в роли дипломатических посланников в русско-турецких переговорах о казацких набегах, являвшихся ответной мерой на периодические набеги татар на русско-украинские земли. Мансуров прибыл в Москву 10 октября 1669 г. со своими товарищами — армянскими купцами Багдасаровым и Семеновым — и привез с собой меморандум азовского паши с предложением урегулировать отношения с казачеством. Мансуров имел также устное поручение паши вести по этому вопросу переговоры с русским правительством. И то, и другое по сути дела представляли собой жалобу азовского паши на донское казачество.

В своем меморандуме паша сообщал, что копию ультиматума, предъявленного им казакам, он уже переслал с послом Айдином русскому правительству. Отметим, что Айдин тоже был представителем крымского армянского купечества. В 1670 г., т.е. год спустя, его брат «азовский армянин Ивашко» просил русских заплатить ему сумму выкупа за пленного, которую не успел в 1669 г. получить его брат Айдин³.

---

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 123 — Сношения России с Крымом, 1658, д. 15, лл. 35 — 37.

² Там же, 1658, д. 4, л. 26 — 27.

³ ЦГАДА, ф. 123, 1669 — 1671 гг., д. 12, л. 48.

В посольском приказе Мансуров прилагал немало усилий для выполнения поручения пашы. Он усердно уговаривал русскую сторону воздействовать на донских казаков с тем, чтобы они прекратили свои нападения. Затем он вручил русскому правительству меморандум азовского пашы. Этот документ представляет несомненный интерес, как с точки зрения участия в переговорах по данному вопросу крымских армян, так и изучения самих русско-турецких отношений. Поэтому не излишне будет привести его ниже с некоторыми сокращениями, относящимися лишь к ненужным повторениям.

«Перевод с турецкого листа, что пишет к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу азовской Сюлеман паша с арменином с Миколаем в нынешнем во 1678-м году октября в 10 день.

...Совершим, господи, ваши дела добром, по том сердешнее наше любительное объявление наперед сего благосчастному великому государю нашему от вас писано и послы присыланы для братские // дружбы и любви, и от своего величества вы донским казаком писали, чтоб они на Черное море стругами не ходили и Азовскому городу ни единого зла не чинили. И про тот заказ нам ведомо чинили и писали вы к нам, что мы меж вами обоими великими государи живем на Украине, чтоб вашу государскую братскую дружбу хранить и азовским людям заказать, чтоб вашим людем, донским казаком, единого зла не чинили, чтоб жили в дружбе и в сылке... Как послы ваши у великого государя нашего были и назад пошли ис тех мест нашим // умом великого и благосчастливого государя нашего повеление здержано, донским казаком и иным никаким людем единого зла от нашии страны не чинили. И ныне донские казаки к нам писали, что де для великих дел государя нашего были полтора года в миру и в сылке, а ныне де мы всем войском советовали и с вами дружбу нарушили, вы де от нас будте опасны, а мы де будем от вас опасны, и, прислав к нам грамоту, дружбу нарушили, и на море шайки выслали и многие убытки и разорение чинили, и азовским людем многие убытки и зло учинили, и от тех донских казаков многим мусульманом большие убытки учинились. И про ту их войну великому и благосчастному царю нашему ведомо учинилось и великий государь наш помышляет // с московским де государем учинился в братской дружбе, никако де от его людей такое дело не объявитца. И не поверя тому от ближних своих людей, верного и честного Усман агу прислав в Озов, и мы донских казаков грамоту, что они писали к нам наруша дружбу,

и велели от себя опасатца, за войсковою печатью, послали великому и благосчастному государю своему с присланным агою, а список с той грамоты послали с послом своим с Айдином вашему величеству. И вам бы, государю, то ведать, что донские казаки такие непристойные дела чинят... И будет з благосчастливым великим государем нашим изволите братцкую дружбу подтвердить, и вам бы, государю, от своего величества донским казаком велеть отписать и заказать, чтоб от сего числа струтами на море не ходили и азовским людем убыткою и зла не чинили...

Да у того же листа написано на поле.

Великий и благосчастной государь наш ко мне, холопу своему, всегда присылает свое повеление, что он великий государь, с вами, московским с великим государем, учинились в братцкой дружбе и однолично б московского государя людем единого зла не чинить бы, и для того прислал великого своего человека и о том велел заказать же. А донские казаки азовским людем чинят непристойное дело, а вам про то ведомо ли. И для того посла своего Айдина с сроком на сорок дней послать, и вам бы посла нашего отпустить вскоре до сроку за день. И мы великому и благосчастному государю своему // про то ведомо учиним. И про того чтоб посла нашего за день до сроку к нам отпустить, чтоб тот посол наш за день до сроку к нам пришел, за письмо б наше невогче челом бьем, платочком шит волоченым золотом. Да у посла нашего Айдина пять человек полоняников наперед сего посланы, милости просим чтоб за те казаки дать окупы по цене.

А подлинной грамоты наверху в печате написано — раб божий Сюлейман паша»¹.

Нетрудно, конечно, предположить, что армянский купец Айдин был опытным дипломатом. Азовский паша, видимо, именно это имел в виду, когда давал ему столь важное задание, решение которого было настолько неотложным, что паша, не дождавшись возвращения посла Айдина, отправил в Москву другого своего представителя, на этот раз крымского армянина Мансурова.

В начале XVIII столетия, когда благодаря усилиям Исразла Ори и его сподвижников — Минаса Вардапета, Ивани Карапета и др., — политическая ориентация армянского народа на Россию принимает более четкий характер, крымские армяне по мере своих сил и возможностей стараются помочь осуществлению этих чаяний своих соотечественников. В частности, побывавшие в Армении, Турции и Персии крымские армянские купцы

¹ Там же, л. 18–23.

Монастырь Сурб Хач (Св. Креста) вблизи Старого Крыма

сообщают Минасу Вардапету, а через него русскому правительству о положении дел в Турции, Армении и вообще на Ближнем Востоке, о военных приготовлениях турок и т. д. Если учесть, что все это имело место накануне и в период Персидского похода Петра I, то станет очевидным значение этих сведений. Для иллюстрации сошлемся на два документа, хранящихся в Военно-морском архиве в Ленинграде. Первый документ подписан Минасом Вардапетом 5 апреля 1723 г. и адресован генерал-лейтенанту Матюшкину, а через него отправлен в Петербург генерал-адмиралу графу Ф. М. Апраксину. Основываясь на сообщении крымского армянского купца, побывавшего в Эрзруме и через Дон прибывшего в Астрахань, Минас Вардапет доводил до сведения русского правительства, что в июле 1722 г. турецкий паша предпринял поход в Персию, разорил пограничные деревни и захватил большую добычу. Одновременно он сообщал, что из Константинополя прибыли в Трапезунд 13 кораблей «со всякими припасами и артиллериею и оттуда (из Трапезунда — В. М.) семь пашей отправлены были в Персию, а оную артиллерию и протчие воинские припасы из кораблей выгрузя перевозили сухим путем до Эрзрума, а помянутые семь пашей от того места в поход не пошли, понеже им от салтана указа такого еще не было, а оные 13 кораблей, которые присланы были с помянутыми припасы обретаются еще в Трапезоне и ныне город Эрзрум начали турки крепить, а которые лезгинцы посылали к туркам о помощи себе, и они им никакой отповеди не учинили.

Подлинное известие за рукою армянского Минаса Вардапета»¹.

Небезынтересен и другой документ, о котором генерал Кропотов 16 июля 1724 г. докладывал Матиюшкину. По сведениям, полученным от армянина Сапера, «из Крыму в Азов пошло войска 60000 и сын крымского хана Салтан-Гирей с войском же убирается, да и турецкое войско с ними будет, а куда их намерение итти, того он не ведает, токмо де признавают, что пройдут на крепость Святого Креста, а горские народы все обещались заодно»².

Из этих документов явствует, что крымские армяне, вероятно, были в курсе освободительной борьбы армянского народа, развернувшейся тогда в Карабахе и Сюнике. В связи с этим определенный интерес представляет письменное сообщение Г. Патканяна о помощи крымских армян, оказанной Давид-Бегу — выдающемуся руководителю этой борьбы. Г. Патканян, родители которого были выходцами из крымских армян, видимо, ссылался на устное предание, дошедшее до внуков и правнуков тех, которые из Крыма отправлялись в Армению на помощь своему народу, или же он имел под рукой какой-то письменный источник.

По словам Г. Патканяна, инициаторами этого патриотического движения явились армянские священники Варфоломей и Маркос, которые получили от прибывших в Крым купцов и паломников известие о войне Давид-Бега. «Эти два патриота и боголюбца — священники Тер-Варфоломей и Тер-Маркос, — передав пастырские обязанности своим младшим сыновьям, помазанным в священники, и совершенно освободившись от забот по своим церквам и прихожанам, по тайному согласию с начальником своей епархии епископом Варданом Астапатечи... обошли все армянские поселения Крыма... разожгли среди армянской молодежи любовь к своему народу и родине»³.

Под предводительством этих священников 285 крымских армян группами отправляются в Трапезунд. Дабы не вызвать подозрения турок, здесь они разбиваются на маленькие отряды по 10 — 15 человек. Во главе каждого стоял командир (онбаши-десятник). Г. Патканян называет имена этих десятников, их предков и потомков, живших в то время в Новой Нахичевани. Это обстоятельство, безусловно, придает его истории большую достоверность. Среди этих десятников, сообщает он, находились

¹ Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 233, оп. 1, л. 222-а, л. 121 — 124.

² Там же, л. 228, л. 100.

³ Матенадаран, рукопись 8815, л. 27.

«сын Геворга аги Каракаша из Кефе (из Каффы — В. М.) молодой Оганес, от которого происходили фамилии Каракашянов в Новой Нахичевани и в Крыму. Вторым (командиром — В. М.) был Хатрян... сын сурхатского (старокрымского — В. М.) Алесана храбрый Акоп (внуком которых был Хатраноглу Махтеси Арутюн — отец богатого Погос аги Хатранян, а сын последнего Георг ага Хатранян ныне имеет два сына — Оганес и Погос Хатраняны). Третьим был родственник Тер-Маркоса, храбрый сын Хаяла Степана аги Сагател... Пятый — родственник и исповедный сын Тер-Маркоса, оружейник крымского хана Алапат-Гирея непобедимый Маркос ага махтеси...»¹ и так далее.

Переодевшись в одежду лазов, они из Трапезунда группами двинулись в путь. Они посетили Муш, затем, через Карс — развалины Ани, столицу царства Багратидов. В 1722 году отряд прибыл в Сюник и перешел в распоряжение Давид-Бега, который пожаловал Тер-Маркосу и Тер-Варфоломею «полководческую власть».

До 1727 г. крымские армяне принимали активное участие в боях. В период разлада, последовавшего после смерти Давид-Бега, крымские армяне, повествует автор, остались верными Мхитару спарапету. После смерти Мхитара они через Трапезунд вернулись домой.

Безусловно, о полной достоверности этой истории, носящей эпическую окраску, сейчас трудно судить из-за отсутствия письменных источников того времени. Но несомненно то, что крымские армяне, имевшие тесные контакты с Арменией и турецко-персидским рынком, были в курсе всех политических событий в Армении XVIII в. Несомненно и то, что во времена Г. Патканяна эта история все еще звучала как быль и не могла быть плодом выдумки отдельных людей.

Симпатии крымских армян к России и русскому народу проявились во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 годов, а также в ходе дипломатической борьбы между Россией и Турцией за Крым. Крымские армяне в меру своих сил способствовали победе русских войск; немало их во время войны сражалось против турецко-татарских сил. За проявленную храбрость впоследствии многие получили от русского правительства награды². Свидетель событий караим Рабби-Азария сообщает, что

¹ Там же, л. 28 с об.

² «Присоединение Крыма к России», рескрипты, письма, реляции и донесения, составил Н. Дубровин, т. 1, СПб., 1885, с. 52.

крымские армяне и греки совместно с русскими воевали против турецко-татарских войск¹. Армяне помогли русским войскам овладеть крепостью Перекоп (Ор.)².

Известный крымский армянин, сотник Маркос, оказал значительную услугу русской стороне в ее переговорах с Турцией в 1776 — 1778 гг. Его послали в Константинополь, где он, с помощью своих соотечественников, блестяще выполнил обязанности дипломатического агента, за что удостоился большого внимания, материального вознаграждения и поощрения П. Румянцева-Задунайского.

• • •

В России крымские армяне занимались крупной торговлей. Торговля Москвы с Крымом и через Крым оживляется с XIV в., когда в Москве образовалось особое купеческое сословие под названием «гости сурожане», — от имени известного тогда торгового порта в Крыму Сурожа (Судака). По своему национальному составу «гости-сурожане» не были однородными. В это сословие входили также и армянские купцы из Крыма. С XIV в. и особенно со второй половины XV в. в московско-крымских торговых отношениях возрастает роль г. Каффы, куда приезжали также русские купцы и ремесленники, которые здесь продавали свои изделия³. Московские и тверские купцы через Каффу установили торговые связи с Арменией, Турцией и Персией⁴.

В торговле Москвы с Крымом активно участвовали и каффские армяне, среди которых мы видим известных в Крыму купцов Погоса, Аветика, Бабека, Саркиса, Григора и многих других. В 1516 г. вместе с русским послом Василием Андреевым, возвращавшимся из Константинополя в Москву, ехали также армянские купцы⁵. В 1524 г. из Москвы в Крым направлялся караван русских и армянских купцов, состоявший из 300 человек.

Торговля крымских армян в русском государстве еще более расширяется в XVII — XVIII вв. Состоятельные армянские купцы (из Каффы, Карасубазара и других частей полуострова) Аджибол,

---

¹ «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана», перевод с еврейской современной рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азария, сыном Ильи, с. 126.

² Матенадаран, архив, личн. фонды, папка 137, док. 68, л. 3.

³ В. Е. Сыроечковский, Гости-сурожане, М., 1936, с. 83 — 84.

⁴ Там же, с. 49 — 52.

⁵ «Сборник русского исторического общ-ва», т. 95, с. 236.

Яковлев, Федор Иванов, Иван Павлов, Василий и Григор Якуловы, Захар Мелконов, Карапет, Мелкон Яковлев, Василий Меркулов, Мансуров, Багдасаров, Степан Павлов и многие другие сообщали или отдельно вели торговлю в русском государстве и на Украине.

В Россию армянские купцы привозили шелковые ткани, заповошь, ладан, сахар, вино, мыло, пряности и много других товаров; среди вывозимых ими из русских областей товаров преобладали меха.

Из Крыма торговые люди отправлялись в Москву по нескольким путям, в зависимости от того, какой из них был более безопасным, хотя о полной такой гарантии не могло быть и речи. Один из маршрутов шел из крымских портов по линии Азов — Валулки; другой, — после прибытия в Азов, — проходя через Усерд, Верхнесосенск, Старый Оскол и Ливны, выходил на Москву¹. Из Крыма купцы направлялись в Москву также по линии Аккерман (Белгород-Днестровский) — Яссы-Ладижин².

В XVIII столетии одним из основных торговых пунктов армянских купцов стал г. Нежин. Небезызвестный тогда купец Карапет из Кеозлева в 20 — 30 годах основал здесь свою торговую факторию, опираясь на которую, армянские купцы из Крыма, Персии, Турции, Грузии и других мест вели оживленную торговлю в России и на Украине³. Эта фактория располагала всеми необходимыми удобствами для транзитной торговли: гостиницами, складскими помещениями и др. Карапет, вместе с купцами Минасом и Варданом, выполнял роль посредника в торговле. Благодаря своим связям, близкому знакомству и доверию, которым Карапет пользовался у русских властей, он помогал армянским купцам в получении пропусков на въезд в Россию или выезд оттуда в Крым и за границу. Фактория поддерживала деловую переписку со многими армянскими купцами в различных странах. Она держала купцов в курсе событий, осведомляла о политической обстановке. Из писем Карапета купцы узнавали также о конъюнктуре на русском рынке.

Армянское купечество Крыма не оставалось безучастным в вопросе выкупа русских, украинских и других христианских пленных. Выкупая русских пленных и переправляя их в Москву, купцы стремились, в основном, снискать благосклонность русского правительства и добиться торговых привилегий в России.

¹ ЦГАДА, ф. 123, 1669-1671, д. 12, л. 1.

² Там же, 1673, д. 24, л. 3.

³ Архив внешней политики России, ф. Сношения России с Арменией, оп. 100/1, 1736 — 1738, д. 6, л. 1 — 26.

Выкуп пленных, естественно, приносил им и некоторые доходы. Но не это было главным. Это был побочный доход и вряд ли из-за него крымский купец пустился бы в столь длительное путешествие, чреватое, к тому же, опасными последствиями. Вот почему в данном случае на первый план выступали отмеченные выше соображения.

Выкуп пленных в Крыму осуществлялся по особому порядку. Купец уплачивал владельцу пленного определенную сумму и заключал с пленным письменное соглашение, подписав которое, тот обязывался по возвращении в Россию вернуть купцу как выкупную сумму, так и расходы на дорогу¹. Но это правило зачастую нарушалось. Чтобы предотвратить возникавшие споры, царь Алексей Михайлович и бояре в 1670 г. установили порядок, согласно которому плата за выкуп пленных осуществлялась только «по евангельской заповеди». Если требуемая за пленного сумма не превышала государственных норм, то она оплачивалась. Если купец требовал больше установленного, а пленный говорил, что за него платили меньше, чем требовал купец, в таких случаях также платили по установленной цене. Если же для выкупа пленного купец составлял договор с ним или с его родственниками, предусматривавший цену выше государственных норм, то превышающую часть суммы обязана была платить договорившаяся сторона².

В 1669 — 1670 гг. велись русско-татарские переговоры об обмене пленных, и по этому вопросу была достигнута договоренность. В соответствии с ней русским посланникам Василию Елчину и Якову Чернцову, отправившимся в 1670 г. в Крым, был дан наказ, в котором, между прочим, говорилось: «И говорить о том ближним людям велено накрепко, чтоб без утайки везде полонеников русских людей к отпуску в Московское государство собрать и никуда запродавать их не велеть... А гречанам и армянам, которые изыскивали полонеников откупать и им потому ж объявить договор о полонениках и утверждением шерти постановленной, чтобы они о том ведая окупу полонеников в Крыме и в улусах не объявляли...»³

Несмотря на этот договор, выкуп пленных купцами продолжался и в последующие годы, и русское правительство поддерживало эту деятельность купцов. Для выкупа пленных царь Алексей Михайлович ввел даже особый налог — подымную подать, что давало возможность ежегодно ассигновать на эти цели 150 тысяч рублей.

¹ ЦГАДА, ф. 123, 1670, л. 14, л. 67 — 71, 73 и др.

² Там же, 1680, л. 16, л. 33, 48.

³ Там же, ф. 123, 1670, л. 14, л. 4.

* * *

В армянской колонии Крыма широкое развитие получило ремесленное производство. Оно достигло такого уровня, что оказало влияние на продукцию местного промысла. Керамика средневекового Херсонеса (XII — XIII) весьма тождественна армянской керамике того времени. По мнению В.Блока, являвшегося в конце XIX века директором отдела керамики Эрмитажа, поливная керамика Каффы претерпела влияние кавказской, главным образом, армянской керамики¹.

Нотариальные акты Каффы, относящиеся к XIII веку, показывают, что в этом видном торговом центре, в соответствии с нуждами морской торговли, широко развивались и ремесла. В ремесленной жизни Каффы армянские мастера играли ведущую роль. Писец Натер в памятной записи одной из своих рукописей 1347 г., упоминая ремесленников-армян, дает нам возможность хотя бы частично ознакомиться с видами ремесел, распространенных среди каффских армян. Он упоминает: красильщиков — Тадеоса, Григора и Горги, сапожника — Пароншаха, ювелиров — Меликседека, Урумпека и Барели, ткачей — Тороса, Маргара, Аветика, Вардереса и Карапета, полотнянщиков — Ампета, Аврама и Оганеса, плотника — Степаноса, кузнеца — Этума, портного — Сати и др.². Натер приводит названия 13 ремесел. Он, разумеется, не ставил перед собой цели перечислить все виды ремесел, которыми занимались армяне в Каффе. Безусловно, их было значительно больше. Среди армян, подписавших в 1438 г. соглашение с консулом Каффы об участии во Флорентийском вселенском соборе, были и ремесленники³. Армяне-ремесленники встречались также в районе Судака по разбору дела феодалов братьев Гуаско⁴.

Одним из ведущих ремесел в Крыму была обработка кожи и мехов. Этим занимались местные армяне, которые больше всех были связаны с русскими областями и татарскими районами, являвшимися основными поставщиками этого сырья. Видное место принадлежало также гончарному делу.

¹ И. Гольдшмидт, указ. дисс., с. 111.

² «Памятные записи армянских рукописей XIV в.», с. 359—367.

³ Ս. Պալճյան, Պատմություն կաթողիկե վարդապետության ի հայս և միութուն նոցա ընդ հռոմեական եկեղեցվո ի Փլորենտյան սյունհողոսի, Վիեննա, 1878, էջ 299 (А. Палчян, История католицизма среди армян и их союз с римской церковью на Флорентийском соборе, Вена, 1878, с. 299).

⁴ «Atti», VII, p. 11, с. 292—324.

В Каффе ремесленники объединялись в цеха, которые, согласно Уставу 1449 г., организовывались по примеру тогдашних итальянских городов, и, согласно уставу, ремесленники должны были иметь мастера или старшего¹. Ремесленникам запрещалось без разрешения генуэзского консула покидать Каффу. Мастер должен был «записывать у себя имена всех ремесленников»².

Очень часто ремесленники одновременно выступали и в роли торговцев. Происходило переплетение ремесел с торговлей.

В жизни крымских армянских поселений ремесленное производство занимало важное место вплоть до переселения армян в Азовскую губернию. В своем прошении на имя Г. Потемкина-Таврического 15 июля 1779 г. крымские армяне писали, что переселившиеся, за исключением 300 человек, суть ремесленники и купцы³.

Крымские армяне важное значение придавали сельскохозяйственным занятиям. Этим занимались не только жители армянских деревень, но и многие каффские, карасубазарские, старокрымские, судакские армяне. Например, возделыванию зерновых культур татары научились у русских, армян и греков. Овощеводство и садоводство у крымских армян получили такое развитие, что в XVI в. они даже экспортировали фрукты и лук⁴.

Виноградарство и виноделие занимали важное место в жизни крымских армян. Немецкий автор Эрнст Клеман, в 1768 — 1770 гг. посетивший Крым, сообщает, что во многих местах Крыма у армян виноградарство так процветает, что армянские женщины «вино пьют, как воду»⁵. Крымский армянский поэт XV в. Нерсес Кафффеци в своем стихотворении оплакивая падение г. Каффы, писал, что после взятия города турки описали все дома и сады и взимали дань в размере половины описанного имущества⁶. Важное значение виноградарства в жизни каффинцев подтверждает также Устав 1449 г., в котором запрещено с 15-го сентября по 15 октября, в связи со сбором винограда, проводить в городе судебные заседания⁷.

Заметная часть карасубазарских армян занималась полеводством и садоводством. В одной из своих песен Акоп Ссеци в 1649 г. воспевал роскошные фруктовые сады карасубазарских

---

¹ ЗООИД, т. V, с. 815.

² Там же.

³ «Присоединение Крыма к России», т. III, СПб., 1887, с. 257 — 258.

⁴ «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова», ч. II, СПб., 1805, с. 203.

⁵ «Orient et Byzance», IV, 2 (1930), с. 348.

⁶ Матенадаран, рукопись N 7709, л. 59.

⁷ ЗООИД, т. V, с. 727.

армян, упоминая также, что они владели множеством мельниц, в которых перемалывали пшеницу¹. Крымские армяне, особенно старокрымские, занимались и скотоводством², используя для этих целей расположенные недалеко от города пастбища.

После переселения христиан из Крыма, т. е. армян и греков, садоводство и виноградарство пришли в упадок, что, безусловно, свидетельствует о ведущей роли этих народов в производстве винограда, фруктов и вин в Крыму. В своем «Мнении» правительству адмирал Мордвинов по этому поводу писал: «Горная и садовая часть (Крыма) не должна быть населена татарами... Крым пришел в упадок с тех пор, когда вывели из горной части христиан (т.е. армян и греков — В. М.) и татары вошли в их сады и места»³.

***

В армянских колониях средневекового Крыма существовало резко очерченное классовое расслоение. В самой Каффе, где проживало огромное число армян, во времена генуэзцев население по своему правовому положению разделялось на две части: генуэзцев (*cives*) и горожан (*burgenses*). И те, и другие представляли состоятельную часть населения и вовсе не были однородны. Наибольшими привилегиями пользовались генуэзцы, хотя они составляли незначительное меньшинство. Ими считались те, которые родились в самой Генуе или генуэзцами были их родители. «Консул Каффы, — читаем в одном из постановлений, — не может выдать никакого письма, либо бумаги (*instrumentum*), либо сделать запись кому-нибудь о том, что он является генуэзцем или считается за генуэзца, если сначала не будет подтверждено двумя или тремя достойными доверия свидетелями, что он родился на побережье Генуи или в округе, или же его отец был генуэзцем. Этот человек впредь будет считаться генуэзцем»⁴.

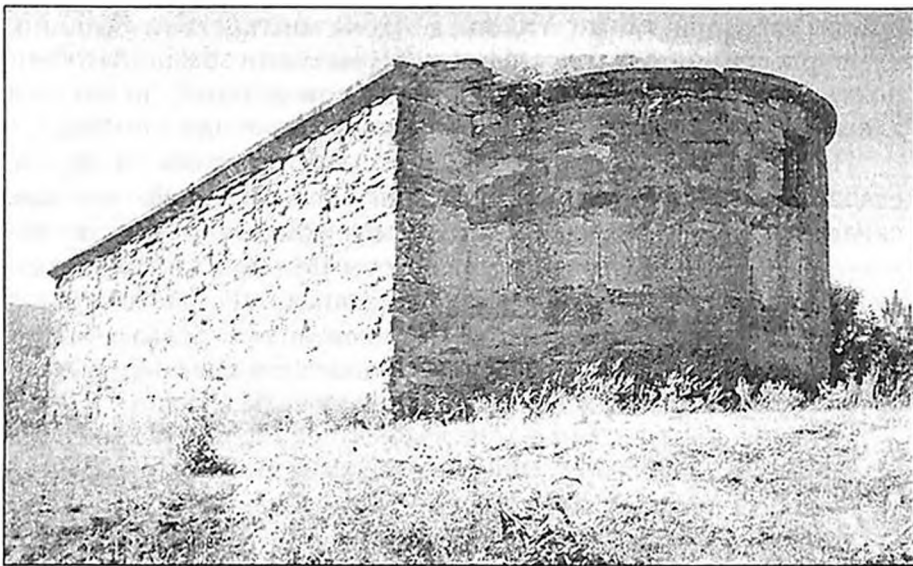
Среди горожан значительное число составляли армяне. Но и этот слой не был однородным. Сюда входили торговцы, лавочники, ремесленники, которые по своему имущественному состоянию занимали совершенно различное положение в обществе.

¹ Матенадаран, рукопись N 3411, л. 179 об.

² «Памятные записи армянских рукописей XIV в.», с. 418.

³ Г. Караулов, Заметки о южной садовой культуре в Крыму в древности и в наше время («Записки имп. Об-ва сельского хоз-ва Южной России», кн. шестая, Одесса, 1873, с. 364).

⁴ И. А. Гольдшмидт, указ. дисс., 1952, с. 198.

Церковь Св. Урбата в с. Тополевка (бывшее Топли)

Однако большинство населения города составлял класс неимущих — *habitatores*, который эксплуатировали и генуэзцы, и богатые горожане. В *habitatores* входили разоренные ремесленники и торговцы, трудящиеся, чернорабочие — трудовой класс, лишенный более или менее заметного состояния. В основном это были местные жители — армяне и греки, иногда среди них оказывались также обанкротившиеся генуэзцы.

Класс неимущих отличался от *burgenses* и по своему правовому положению. Со временем представители горожан заняли половину всех мест в городском самоуправлении. Чем больше возрастал страх перед трудящимися, тем больше генуэзцы склонялись в сторону местного богатого сословия. Когда положение генуэзской верхушки стало ухудшаться, она в 1454 г. образовала из представителей местных богачей Орган четырех, которому вменялось в обязанность докладывать властям Генуи о всех событиях, представлявших угрозу для генуэзского владычества. Члены этого органа были обязаны «услышав что-нибудь глупое и недозволенное... доложить обо всем этом консулу и предотвратить его. Кроме того они должны, насколько это возможно, ставить в известность руководителей банка Св. Георгия* обо всем том, что достойно их внимания»¹.

* В 1454 г. Генуэзская республика уступила Каффу протекторатам частного банка Св. Георгия.

¹ «Atti», vol. VI, с. 144.

Классовое расслоение было характерно для всех армянских поселений. Класс имущих представляли купцы, землевладельцы, ростовщики, состоятельная часть ремесленников. В памятных записях армянских рукописей Крыма имущий класс носил титулы князей, меликов, эмиров, беев, паронов. Последний титул («парон») присваивался, например, разбогатевшим торговцам.

Самыми богатыми представителями армянского дворянства в Каффе были фамилии Пахлавуни, Мугаленцы, Дариджаненцы, Агамаленцы и др. Сословное деление существовало в Казарате, Сурхате, Карасубазаре и других армянских колониях. Памятная запись рукописи 1656 г., например, сообщает, что «все азаты и рамики, объединившись, передали ключ от монастыря Св. Богоматери...»¹.

На низшей ступени социальной лестницы находились городские рабочие, труженики-крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы и другой рабочий люд, в рукописях они именуется рамиками, простолюдинами. Более полноправными были азаты. О резком классовом расслоении крымских армян красноречиво свидетельствует обращение представителей всех крымских армянских колоний к епископу Даниелу в 1744 г. Согласно этому документу, армяне Каффы, Карасубазара, Старого Крыма, Кеозлева, Акмечети и других мест состояли из «главных» («գլխավորներ») и «простых» людей. Даже «главные» в документе подразделяются на три группы, в соответствии с их имущественным положением².

Среди крымских армян большой процент составляли ремесленники, средние и мелкие торговцы. Часть их, разоряясь, пополняла ряды класса неимущих, в том числе и рабочих. Как в Каффе, так и в Судак в XIII – XV вв. были наемные рабочие, в том числе из армян. Это, безусловно, свидетельствует о наличии некоторых элементов раннекапиталистических отношений, связанных с торговлей, а также с владычеством генуэзцев, которые могли бы на свои владения в Крыму распространить определенное влияние общественных отношений, возникших тогда в самой Генуе.

Армянское население, в числе других христианских жителей полуострова, попадало под двойной гнет — социальный и национальный: его эксплуатировали и армяно-генуэзская верхушка, и турецко-татарские власти. С самого начала установления своего

¹ Матенадаран, рукопись N 2534, л. 306.

² Там же, фонд Канцелярия католикаса, папка I, док. 43.

владычества в Крыму татарские заправила облагали армян, греков, караимов и другие народы разного рода налогами и пошлинами, заставляли их систематически нести барщину. Как «неверные», христиане платили больше налогов, чем татары. В конце XIII в. каффинцы уже платили налоги представителям Золотой Орды. В 1299 г. они убили Актаджи, прибывшего в город с целью сбора податей. Этот Актаджи был внуком Ногая. Арабский хронист Рукнеддин Бейбарс об этом сообщает: «Об убийстве Актаджи сына дочери Ногая, в Каффе. В 698 году (= 9 окт. 1298 г. — 27 сент. 1299 г.) было убито в Каффе упомянутое лицо, вследствие того, что дед его Ногай, поразив царя Токту, овладел областями (его) и послал сына дочери своей в земли крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей»¹.

Армяне в Крыму, по свидетельству рукописи, жили «на условиях налогоплательщиков крымскому хану»². Ханской казне они платили: *ушур* — десятину с урожая; *зекиат* — 1/5 часть дохода со скота и птиц; *петир* — духовный налог³, *подушную подать*. Об обложении христиан подушной податью свидетельствует литовский дипломатический агент Михайло Литвин, побывавший в Крыму в 1548 — 1551 г. Он сообщает, что христиан вынуждают платить магометянам подушную подать⁴. По данным путешественника Ла Мотре, подушная подать, вносимая армянами, греками и караимами в ханскую казну в Бахчисарае в начале XVIII в., составляла 1 — 1,25 граун за каждую душу⁵.

Кроме перечисленных налогов, армяне, как и другие христиане, платили денежный оброк: за каждую овцу — 2 пара, а за каждую голову крупного рогатого скота — 6 пара; помимо этого за землю с площадью дневной вспашки они платили 340 акче⁶. С армян, как с христиан, взимались налоги не только в пользу ханской казны, но также для содержания определенной категории чиновников. Этот порядок существовал до 1777 г., когда Шагин-Гирей хан, по словам очевидца событий караима Рабби-Азария, ликвидировал его, запретив ханским чиновникам взимать налоги в свою пользу. Такое распоряжение хана

¹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, с. 111.

² Матенадаран, рукопись N 7442, л. 282.

³ «Արոր», հիմնիւ, Թիֆլիս, 1911, N 12, էջ 49 («Арор», журн., N 12, Тифлис, 1911, с. 49, на арм. языке).

⁴ ЗООИД, т. V, с. 96; «Киевская старина», 1889, N 25, с. 13.

⁵ «Հայրենիք», 1950, N 8, էջ 97.

⁶ П. В. Маслов, М. Б. Миллер, П. Н. Никольский, Крым. Хрестоматия по истории края, Симферополь, 1930, I, с. 30.

отнюдь не имело цели облегчить положение христианского населения. Оно ставило целью лишь сосредоточить все налоги в ханской казне, не расплывать их, но управителей оно не оставляло в обиде. «Управители не взимали подати в свою пользу по старому обычаю, но получали всякий по достоинству свое содержание из казны по третьям, даже от везиря отняли десятины и определили жалование из казны, куда хан повелел вносить все десятины, взимаемые как от податных иноверцев (т.е. греков и армян), так и от мусульман»¹.

Положение налогоплательщиков армян, греков и других народов ухудшалось из-за откупной системы. Как это видно из статистических данных каймакамов, составленных в XVIII в., откупщик часто сразу получал право на единовременный сбор нескольких налогов: на внутренние пошлины, десятину, подоходный налог и др.². Отдавая их на откуп, казна получала свою долю. Откупщик тоже, естественно, не обижал себя. Сборщики налогов, в свою очередь, увеличивали размеры взимаемых сумм, что тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся масс. Тот же Рабби Азария сообщает, что Шагин-Гирей все доходы, пошлины, десятины и подати отдавал в откуп³.

Наряду с налогами армянские трудовые массы отбывали разного рода повинности. Очень часто, по распоряжению хана, трудящихся армян и греков заставляли выполнять различные работы. Бывали случаи, когда они работали месяцами. Так строилась, например, ханская палата «Ачлама». По сообщению русского резидента в Бахчисарае Никифорова, в 1764 г. на ее строительстве ежедневно бесплатно работали по 200 – 300 армян и греков. Хронист Хачатур Каффаеци жалуется, что в 1657 г. турецкие власти в Каффе и в ее округе взимали с армян не только денежные налоги, но и требовали армян чернорабочих и мастеровых для выполнения различных работ⁴.

Установление турецкого господства принесло новые лишения армянам, грекам, русским и другим народам в Крыму. С целью систематического сбора налогов с населения султан разделил Крым на четыре санджака. Прямыми налогами облагались все армянские церкви — налоги, разумеется, взимались с прихожан.

¹ «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана», с. 103.

² ЗООИД, т. V, с. 96.

³ «События, случившиеся в Крыму...», с. 103.

⁴ Ч. Հախատր Կաֆֆաեցի, Մտեր ժամանակագրություններ, հ. Ա, Երևան, 1951, էջ 227 (В. Акопян, Мелкие Хроники, т. I, с. 227, далее — «Մտեր ժամանակագրություններ»), «Մրր», 1911, №12, էջ 50, «Памятная книжка Таврической губернии» на 1887 г., Симферополь, с. 96.

Каждая армянская церковь в Каффе вносила в султанскую казну определенную сумму денежного налога. «Отгоманский султан, — читаем в памятной записи одной из армянских рукописей Крыма, — требует подати от нижеследующих церквей, в соответствии с их состоянием, ежегодно собирают и посылают в Стамбул: Св. Саркиса — 19 злотых, Св. Архангелов — 8, Св. Никогайоса — 8, Св. Воскресения — 10, Сан Петра — 1, Св. Аствацацина — 5, Св. Огсента — 4 злотых 1 куруш, Св. Никогоса — 3 злотых полкуруша, Св. Агарона — 1 флори, Св. Минаса — 9 злотых, Св. Оганеса — 10 флори, Св. Степаноса — 5 флори, Св. Ованеса — 1 флори, 1 куруш, Св. Амбарцума — 5 флори, 1 куруш, Кашота Св. Анны — 6 флори, Св. Аракела — 8 флори, Св. Урбат — 4 флори, Св. Троицы — 4 флори, Св. Коли — Аствацацина — 6 флори»¹.

По свидетельству того же писца, все это посылали в Стамбул армянскому патриарху, который полученную сумму вносил в турецкую казну за крымские армянские церкви.

Налоги особенно росли накануне татарских набегов или турецко-татарских приготовлений к военным походам. В таких случаях с населения брали столько, сколько хотели, а иногда и все. Так, накануне похода в Черкесию татарский хан в 1627 г. «взял с христиан тяжелые налоги. Хан отправился в поход в Черкесию. Тяжелым налогом обложил город (Каффу — В. М.), некоторые дали по 5 злотых, некоторые — по 4, некоторые — по 3, а другие — по 2 злотых»². Автором этих строк, достойных внимания, является Хачгруз — Хачатур Каффаеци (Каффский), известный армянский хронист из Крыма, летопись которого содержит бесценный материал по истории Крыма первой половины XVII в. Еще не успели каффинцы уплатить вышеприведенные налоги татарам, как их вынудили выполнить требование турецкого султана, связанное с военным мероприятием в районе Азова. Каффинцы должны были предоставить в распоряжение турецких военачальников мастеров, возчиков, черноработчих и платить золото. «От султана пришло известие, — жалуется тот же Хачатур Каффаеци, — что надо разгромить Азовскую крепость, нам нужны люди, возы, деньги. Собрали деньги, золото, куруши от армян и турок; христиане дали много людей, некоторые дали мастеров, некоторые возчиков, некоторые наемных работников. Хан и султан отправились во главе

¹ Матенадаран, рукопись N 2939, л. 471.

² «Սահր ժանանազարրութններ», հ. Ա, էջ 213:

многочисленного войска»¹. Затем в Каффу прибыл турецкий флот в составе 12 кораблей. Перед отправкой на Азов командование флотом затребовало от горожан 150 хатар сухарей². Вообще события, разворачивавшиеся в районе Азова, дорого обошлись христианским жителям Крыма, в том числе армянам Каффы. «Азов стал для нас наказанием, — подчеркивает Хачатур Каффаеци, — богатство Каффы течет туда»³. В 1630 г. чиновник Гасан-ага обложил налогом даже 4 и 5-летних детей⁴. Тяжелое положение жителей Каффы вынудило их послать своих представителей в Стамбул с протестом в отношении непомерного подоходного налога, так как каффский паша требовал по 3 злотых на душу населения⁵.

Все это относилось к разряду «законных» налогов. Положение же христианского населения значительно ухудшилось во время частых межплеменных распрей татарских феодалов и междоусобиц в борьбе за ханский престол. Для защиты от татарских набегов в Каффе усилиями армянской колонии была выстроена вторая оборонительная стена. Армянские рукописи из Крыма, относящиеся к XIV — XVIII вв., полны жалоб на бесчинства отдельных феодальных родов татар. «Народ стрелков из луков (т.е. татары-монголы — В. М.), — сообщает одна из крымских армянских рукописей, — в свойственной ему привычке — украдкой, приходил и похищал мальчиков и детей, уводя к себе, продавал (их). И когда увидел это наш народ, заключил (он) соглашение с латинским князем и получил приказ от него рядом со старой крепостью построить новую»⁶.

Другая рукопись прямо указывает на потери и убытки, понесенные армянами от татарских междоусобиц. Она повествует о том, что из-за татарских набегов все армяне сбежали в г. Старый Крым, а вступивший в то же самое время в Карасубазар Мамай весь город держит в страхе и ужасе⁷. Писец Карпет жалуется, что в том же 1365 г. Чалибег и его полчища убивали и грабили христиан, днем и ночью держа их в страхе⁸. В памятной записи одного «Шаракноца» (Сборник армянских

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же, с. 223.

⁴ Там же, с. 216.

⁵ Там же, с. 221.

⁶ Матенадаран, рукопись N 1781, л. 66.

⁷ L. U. Խաչիկյան, ժողովրդի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 467:

⁸ Там же, с. 468.

церковных песен) отмечено, что в 1438 г. в Крыму «руками татар были разрушены много монастырей, сел и деревень»¹.

Лишения, которые претерпело армянское население от межфеодалных распрей татар, ужесточились в период турецкого господства, когда правительство султана самовольно меняло ханов, давая повод жестоким и длительным войнам между претендентами на ханский престол. Немало лишений и страданий выпало на долю каффских армян, например, в 1624 г., в период правления Магмет-Гирей хана и его брата Шагин-Гирей султана, выступавших против кандидата турок на ханский трон — Джанибек-Гирея. «Окружили все стены (оборонительные — В. М.) в (армянском) — В. М.) квартале и разрушили очень много домов, и ограбили нас, опустошили мельницы, разорили монастыри, и много зол овладело нами»², — жалуется Хачгроз.

До 1475 г. налоги и пошлины с христианского населения юго-восточного побережья Крыма в течение более двух столетий взимала и генуэзская администрация. Так как генуэзцев было немного, то эти налоги собирались, главным образом, с армян и греков. Они платили подъемную и подушную подати, налоги за дома, наследство, строительную, поземельную подать и различные торговые пошлины³. Подушную подать собирали со всех народов, но не в одинаковом размере: армянин, например, платил 749 сомо, а грек — 179; караим еще меньше — 75 сомо⁴.

Ответственность за сбор налогов возлагалась на Попечительный комитет консульства. Сбор же налогов непосредственно осуществлялся чиновниками или сдавался на откуп «с публичного торга», по принципу «кто больше даст», как этого требовал Устав 1449 г.⁵. Разумеется, кто больше давал, тот больше и взимал.

Все это изо дня в день разоряло трудящихся. «Вы хотите, чтобы горожане платили налоги татарам, — писал консул Каффы протекторам банка св. Георгия в Генуе в августе 1455 г., — которыми они были обложены в прошлом году. Нам кажется, это сейчас сделать невозможно без больших затруднений и скандала, так как среди них (жителей Каффы — В. М.) царит большая нищета. Сейчас не время облагать налогами армян и

¹ «Orient et Byzance», IV, 2(1930), с. 370.

² «Մանր ժամանակագրություններ», հ. Ա, էջ 213:

³ ЗООИД, т. V, с. 675—677, VI, с. 299, т. VII, I, с. 291, 300, 370, т. VII, II, с. 743, 747 («Statuto di Caffa»).

⁴ И. А. Гольдшмидт, указ. диссер., с. 247.

⁵ ЗООИД, т. V, с. 679.

греков»¹. В сентябре консул опять повторяет свое сообщение о невозможности взимания налогов, одновременно констатируя факт ухода граждан из города, что было, безусловно, формой пассивного сопротивления населения генуэзским властям. «Город Каффу мы нашли опустевшим», — сообщал консул Домокульта в Геную в 1454 г.² «Для улучшения положения города в течение последних двух месяцев мы наложили налог, — читаем в другом документе. — Но мы находим, что по разным соображениям сейчас невозможно это осуществить. Нецелесообразно сейчас взимать налоги с горожан, так как очень мало людей, имеющих деньги. Даже не найти 5 человек, которые в состоянии платить налоги. Мы думаем, что сейчас время неблагоприятно путем насилия взимать чего-либо с армян, греков и других народов. Мы не знаем, откуда найти налогоплательщиков, потому что все торговцы и имеющие деньги ушли отсюда»³. В другом официальном документе работники казначейства Каффы докладывали банку Св. Георгия о незавидном положении армян, которых грабят генуэзские чиновники, занимаясь также взяточничеством. «Они (армяне — В. М.) настолько угнетены взяточниками, что открыто заявляют, что эти латинцы, наши консулы, грабят нас и наше имущество. Следовательно, высокочтимые господа, сообщаем и убедительно просим, чтобы ваши власти для предотвращения позорных случаев, вызывающих такие распри, предприняли бы такие превентивные меры, чтобы были раскрыты подобные огромные взяточничества, разоблачены и наказаны взяточники»⁴. В данном случае написать такие письма заставила консула и чиновников не только невозможность сбора налогов, но и сложившаяся внешнеполитическая обстановка, которая, после взятия турками Константинополя, становилась все более неблагоприятной для генуэзской администрации в Крыму. И потому каффский консул, хорошо осведомленный об этом, считал, что «не время собирать» налоги, ибо это может окончательно ухудшить отношения с местным населением.

Наряду с налогами, податями и различными пошлинами армянское население Крыма подвергалось усиленным национальным и религиозным гонениям, как со стороны магометанского духовенства, так и представителей римской религии, стремившихся обратить их в католическую веру.

¹ «Atti», vol. VI, c. 359.

² Там же, с. 334.

³ Там же, с. 367.

⁴ Там же, т. VII, ч. II, с. 345.

Национальные и религиозные преследования христианского населения Крыма особенно усилились начиная со второй половины XV века, когда взятие турками Константинополя еще больше укрепило позиции магометанской религии в Крыму. Подстрекаемые магометанским духовенством, фанатичные мусульмане порой громили и разоряли христианские церкви и другие богоугодные заведения, прибегали к насилию.

Чем глубже магометанство пускало корни среди татар, тем больше они облекали свои политические и экономические расчеты в религиозную форму. В XV в. Менгли-Гирей хан вырезал часть христиан Каффы — армян и греков, а часть выслал в степные районы. В его правление на южном побережье полуострова стал расти татарский элемент. Начался некоторый процесс ассимиляции татар с греками. Этим, вероятно, следует объяснить то, что татары южного побережья по своему облику совершенно отличались от монголоидов, в том числе и от своих собратьев в степной части полуострова.

Несмотря на сравнительно лояльное отношение к армянам, татары в удобный момент не упускали случая, чтобы грабить и разрушать армянские церкви и другие богоугодные заведения, сжигать рукописи. Михайло Литвин замечает, что христианин-отец не мог даже воспользоваться своим отцовским правом в отношении строптивного сына, если последний обращался к татарам: «Сами отцы семейств могут при этом пострадать, если на них донесут, что они словом или хотя бы движением пальца выразились неуважительно о магометанской религии»¹.

Ужасный пример массового уничтожения армян, греков и вообще христиан подали турки после взятия Каффы в 1475 г.²

Для устрашения христианских масс фанатичная толпа татар, под предводительством своих духовных вожаков, иногда чинила самосуд над отдельными христианами под предлогом отказа последних признать веру Магомета или оскорбления веры. Именно так были замучены и казнены Аствацатур (1478 г.), Парон-Луйс (1567 г.), Саак (1715 г.), 20-летний Прангул (1757 г.) и другие мученики, о которых Армянская мартирологическая литература сохранила достоверные и подробные сведения. Так, в стихотворной истории, посвященной мученику-Аствацатуру, Григор Кафффеци (Рабуеци) сообщает, что по подстрекательству и указке мусульманских священников фанатичная масса татар долго истязала

¹ «Киевская старина», жур., 1889, N 25, с. 13.

² Матенадаран, рукопись N 7442, л. 282.

юного армянского христианина, издевалась над ним. Встретив упорное сопротивление со стороны юноши, отказавшегося перейти в магометанскую веру, татары, завернув его в одеяло, сожгли его на костре¹. В 1509 г. жертвой фанатичной толпы стал священник Аветик — «незаурядный философ» и «удивительный художник»². В 1567 г. невиданным мучениям и пытке подвергается 18-летний Парон-Луйс. Задержав его в сочельник, мусульманская масса предъявила ему обвинение в том, что он якобы отказался от христианства и перешел в магометанскую веру, а возвратившись в Каффу, вновь исповедовал христианство. Несмотря на то, что перед судьей юноша доказывал всю несостоятельность предъявленного обвинения, озверевшая масса, однако, не успокаивалась. По приказу данишмана его вновь арестовали и в течение 5 месяцев подвергали нечеловеческим пыткам и истязаниям. По распоряжению турецкого правителя Каффы, Парон-Луйса обезглавили и в течение трех дней не разрешали никому захоронить его тело, чтобы держать в страхе христианское население города³.

В XVII — XVIII вв., когда русское государство стало предпринимать военные меры против татарских набегов и, естественно, завоевало симпатии христианского населения Крыма, преследования татар в отношении армян усилились. Русский священник Яков Лызлов, будучи в 30-х годах XVII в. в Крыму, писал, что многие церкви христиан разрушены⁴. Да и сам Мюрад-Гирей открыто угрожал насильственно обратить всех христиан в магометанство. В 1682 г. он писал русскому царю Федору Михайловичу: «Велю повергать насиллям весь находящийся в моих владениях народ, заставить его обращаться в мусульманство и жестоко наказывать противников; находящуюся в моей столице Бахчисарае большую церковь Марии велю разрушить, а попов ее казнить, да и вообще велю разрушить все церкви»⁵.

***

Крымские армяне периодически вели борьбу против представителей Папы Римского, стремившихся вовлечь их в лоно

¹ Матенадаран, рукопись N 1636, л. 213 — 215.

² «Յայտն Երբ լիվաներ», Չիլիշիլ, 1903 («Новые армянские мученики», Вагаршапат, 1903), тг 346 — 347.

³ Матенадаран, рукопись N 7397, л. 514 — 522.

⁴ В. М. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в., СПб., 1887, с. 603 — 604.

⁵ ЗООИД, т. VI, с. 551.

католицизма. По сути дела под религиозным покровом велась борьба за национальное самосохранение. В противовес дикому произволу и открытой вражде магометанского духовенства, рьяные проповедники католицизма в большинстве случаев действовали изоощренным способом. Для распространения в Крыму католицизма в 1318 г. Папа Римский основал в Каффе епископство, а с целью внедрения католической веры среди армян в 1333 г. армянские униторы братья-доминиканцы в Каффе открыли свой монастырь¹. Одним из армянских проповедников католицизма был тогда епископ Тадеос, который в 1354 г. перевел с латыни на армянский язык «Книгу толкования литургии». Писец Торос Алврци говорит, что Тадеос был епископом армян-католиков Каффы и состоял в «братстве проповедников»². Это, безусловно, свидетельствует о том, что католические миссионеры и в середине XIV в. продолжали свою деятельность. К членам католического ордена принадлежали крымские армянские писцы Фра Андреас и Фра Якобс³.

Уповая на поддержку духовных и светских властей Италии, униторы расширили область своей пропаганды и в XV в., даже накануне падения Каффы — в период, когда внешнеполитическая обстановка сложилась явно неблагоприятно для генуэзцев. В этот период в рядах униторов находились армяне, как, например, писцы Фра Овасап Апаранци и Фра Тадеос⁴. В 70-х годах XV в. в Каффе продолжала существовать братия униторов армян Св. Николая. Ее представитель в 1473 г. принимал участие в обсуждении вопроса о кандидатуре епископа армян. Оно проходило в консульстве по прибытии легатов константинопольского армянского патриарха. «...Присутствовал также достопочтенный наместник униторов армян Св. Николая г. Каффы»⁵, — сообщает документ.

В XIV — XV вв. в Каффе функционировали три обители, принадлежавшие доминиканскому и францисканскому орденам. Прибывавшие в Каффу миссионеры в течение 2 — 3 лет совершенствовались в изучении восточных языков, а затем, как заметил знаток истории генуэзских поселений в Крыму Л. Колли, с «евангелием под мышкой и крестом в руке, в белой шерстяной

¹ Там же.

² L. U. Խաչիկյան, ԺՂ դարի հայերեն ծեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 408:

³ Там же, с. 371.

⁴ L. U. Խաչիկյան, ԺԵ դարի հայերեն ծեռագրերի հիշատակարաններ, մասն Ա, Երևան, 1955, էջ 269–270, 649: Л. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XV в., ч. I, Ереван, 1955, с. 269 — 270, 649.

⁵ «Atti», vol. VII, p. II, с. 332.

рясе... отправлялись в далекие земли монгольские... до самого Камбалюка (Пекина)»¹. Таким образом, Каффа — узловой пункт генуэзской торговли в Черноморском бассейне — стала одновременно и центром проповедничества римской церкви: торговый капитал вывозил с собой в новые страны и свою духовную идеологию. Последняя в свою очередь была призвана укреплять позиции первого.

В распространении и укреплении католичества среди крымских армян духовные и светские власти Каффы возлагали большие надежды на Флорентийский вселенский собор. В этом направлении изначально много усилий приложил консул Каффы. Отметим, что тогда епископом каффских армян был Магакя, а наместником католикоса — архимандрит Саркис.

Еще в мае 1438 г. консул Каффы Пауло Империаале ставил в известность Папу Римского Евгения IV о целесообразности приглашения особой делегации каффских армян на вселенский собор. Консул учитывал то обстоятельство, что верхушка купечества крымских армян, связанная с генуэзским торговым капиталом, сравнительно легко поддавалась пропаганде миссионеров. В соответствии с предварительным предложением каффских властей, летом 1438 г. в Каффу прибыли папские нунции Франческо Болонский-младший, монах Людовикос и Якобос д'Приматицис, которые от имени Папы вручили предводителям армянской епархии Крыма приглашение принять участие во вселенском соборе.

Обращение Папы Римского через специально посланных в Каффу своих нунциев к предводителям крымской армянской епархии с предложением принять участие во вселенском соборе свидетельствует не только о многочисленности армянского населения в Крыму, но и о той роли, которую они играли в жизни средневекового Крыма и всего армянского народа, пренебрегать которой из политических соображений было не в интересах римской церкви.

Еще до прибытия папских нунциев часть армянской купеческой верхушки, охваченная стремлением добиться равных с генуэзцами привилегий в торговле, на созванном по инициативе консула собрании заключила с ним через своих представителей соглашение об отправлении делегации на вселенский собор. В соглашении была сделана оговорка о необходимости заполучить

¹ Л. П. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, Симферополь, 1911, с. 11.

согласие Сисского (Киликийского) армянского католикоса Констандина. По этому соглашению — «Позволительное письмо послов армян» консул давал представителям каффских армян 3 месяца срока на поездку к католикосу. Было оговорено, что в случае, если католикос не даст согласия или делегация не вернется, то каффские армяне имеют право непосредственно послать своих представителей на вселенский собор¹.

Делегаты крымских армян прибыли сначала в Константинополь, а оттуда вместе с епископом Овакимом отправились в Киликию. Сисский католикос Констандин дал свое согласие, игнорируя протесты амидского епископа Мкртыча Нагаша и других видных деятелей армянской церкви. Более того, он, со своей стороны, назначил представителей на вселенский собор — берийского (константинопольского) епископа Овакима, своего наместника в Каффе архимандрита Саркиса, а также архимандритов Маркоса и Товму; Констандин вручил им делегатское письмо. Позицию Констандина нельзя объяснить лишь влиянием католицизма в Киликии. Она была обусловлена внешнеполитическими соображениями, которые требовали объединения сил христианских народов против турецкой опасности. На позицию Констандина определенное влияние оказал архимандрит Саркис.

Католикос, как это видно из делегатского письма, понимал союз с Римом именно в смысле объединения христиан: «Христиане обязаны и должны заключить союз и объединиться, — писал он. — Я, со своей стороны, и совершенной властью дал полномочия архимандриту Саркису, который есть и остается моим представителем, вместе с ним и архимандритам Маркосу и Товме и епископу Овакиму из Перы, чтобы они отправились на вселенский собор»².

По возвращении указанных лиц из Киликии в Крым в ноябре 1438 г. делегация крымских армян во главе с архимандритом Саркисом сразу же пустилась в путь, и только в июле следующего года прибыла во Флоренцию. Хотя собор к тому времени уже завершился, но делегаты еще не разъехались, и Евгений IV, созвав специальные собрания, заключил с делегацией союз, который со стороны армян подписали каффские архимандриты Саркис и Товмас. Вслед за этим, вняв жалобе делегатов каффских армян на римского епископа в Крыму и сознавая необходимость

¹ Ա. Պալճյան, Եջվ. աշխ., էջ. 299-300:

² «Հանդես անսորենայ», Վիեննա, 1935, N 1-2, էջ 38 («Андэс амсореа», N 1-2, Вена, 1935, с. 38).

Церковь Спасителя вблизи с. Богатое (бывшее Бахчели)

дипломатического обращения с крымскими армянами, Папа подписал особый кондак на имя римского епископа Каффы, потребовав от него не вмешиваться в церковные дела армян и дать им возможность свободно отправлять свое богослужение, по своему национальному обычаю исполнять церковные обряды¹.

Было бы абсолютно неверно заключить, что союз, скрепленный во Флоренции, означал католизацию крымских армян. Он ни в коем случае не предусматривал вероотступничества. Это подтверждается и вышеуказанной папской буллой римскому епископу Каффы, и дальнейшей борьбой крымских армян против поползновений представителей Рима. Со стороны армян, которые и после этого сохранили свою национальную веру, этот союз скорее всего, как правильно заметил А. Г. Иоаннисян, был связан с надеждой на помощь Запада против турок².

Для распространения католичества среди крымских армян римская церковь пользовалась разными методами и приемами. Они в основном сводились к пропагандистским ухищрениям, но миссионеры и римские епископы в Каффе порой применяли

¹ Ա. Պալճյան, նշվ. աշխ., էջ. 145:

² Ա. Գ. Հովհաննիսյան, Դրվագներ հայ ազատագրական մտքի պատմության, գիրք երկրորդ, Երևան, 1959, էջ 8 (А. Г. Иоаннисян, Очерки истории армянской освободительной мысли, книга вторая, Ереван, 1959, с. 8).

и насилие, хотя из центра их часто наставляли делать свое дело с большой осторожностью и умением. «Необходимо очень внимательно и дружелюбно относиться к армянскому католикусу, архимандритам и попам, — читаем в одном из наставлений миссионерам, — потому что армяне, увидев, что миссионеры дружат с их духовными вождями, с доверием и без подозрения будут прислушиваться к проповедям миссионеров. Так как армяне слишком преданы своим обрядам и обычаям, необходимо для успеха католической религии довольствоваться только тем, что они признали вероисповедание католической церкви, а обычаи и обряды армянской церкви надо оставить неизменными. И, наконец, многие из армян не знают, что такое схизма. Ловкость миссионера состоит именно в том, чтобы при обращении их в католическую веру они не заметили, что являются схизматами или еретиками»¹.

Для достижения своих целей представители Папы прибегали даже к подкупу отдельных служителей армянской церкви в Крыму. На это указывал в 1446г. Папа Евгений IV в своей инструкции новоназначенному епископу перед его отправлением в Крым: «Тебе лучше, чем другим, известно, — писал он, — сколько мы потрудились, чтобы удержать принявших католичество армян в нашей вере, чего мы добились благодаря нашим затратам»,² — (подчеркнуто нами — В. М.).

Но отдельные католические епископы часто игнорировали инструкции Папы и непосредственно вмешивались в дела армянской церкви: делали вторичные крещения, рукоположения и др. Это обстоятельство вынудило Папу в 1439 г. из-за жалоб, поступивших от прибывших на вселенский собор крымских армян, послать специальную грамоту на имя римского епископа в Каффе, запрещающую ему вмешиваться в исполнение церковных обрядов армян. Так как эти вмешательства все же продолжались, то десять лет спустя Устав 1449 г., как мы уже имели случай отметить, особой статьей под заглавием «Об устранении притеснений, делаемых господином епископом каффским грекам, армянам и другим иноверцам» категорически запретил вмешиваться в их дела, притеснять их и грабить, ибо это «может быть причиной уменьшения числа жителей в городе и предместьях и послужить к явной опасности и вреду Каффы»³.

Но даже при таком запрете отдельные римские епископы преследовали армянских духовных лиц и своим поведением

¹ «Հայրենիք», 1933, N 4, էջ 114:

² «Արոր», 1911, N 10—11, էջ 104:

³ ЗООИД, т. V, с. 730.

давали повод к острым спорам не только между армянами и католическим духовенством, но и между последним и генуэзской администрацией Каффы. Так вел себя, например, в 1454 – 1455 гг. епископ Джаикома Кампори. Он преследовал армян, заставлял исполнять необычные для них церковные обряды, считал их еретиками и предлагал обратить в римскую веру. Учитывая вредность политических и экономических последствий такой позиции, администрация Каффы не пошла навстречу его стремлениям. Тогда Кампори обратился в правление банка св. Георгия, обвиняя консулов и других служащих Каффы во взяточничестве, в неспособности управлять колонией¹. 8-го июля 1455 г. он послал в банк Св. Георгия грамоту, в которой сообщил, что едет в Геную для объяснения по делам².

Вслед за ним консул Каффы тоже обращается в правление банка с развернутым письмом, в котором епископа именует не иначе, как «агитатором и возмутителем общественного спокойствия».

Не может быть никакого сомнения в том, что такое поведение консула, в первую очередь, было продиктовано страхом перед татаро-турецкой опасностью. «По-моему, — писал Домокульта, — особенно духовный пастырь обязан приноравливаться к той среде, где он находится, и наш епископ не должен забывать, что мы тут живем не в католической стране, а среди татарских племен»³. Интересы безопасности города генуэзские чиновники ставили в зависимость от поведения армян, греков и других христиан города и потому препятствовали мероприятиям своего епископа. Консул и массары, имея в виду того же епископа Кампори, сообщали в Геную, что такое его поведение недопустимо: «он ежедневно преследует их (армян — В. М.) ... Так же он поступает в отношении к другим народам. Этого мы ни в коем случае не можем допускать»⁴. По требованию каффских властей и банка св. Георгия римский папа заменил Кампори епископом Панисари, который оказался таким же фанатиком, как и его предшественник.

Ввиду того, что признание главенства римского папы сулило все же укрепление экономических позиций, часть армянской торговой верхушки, связанная с генуэзским капиталом, в XIV–XV вв. поддалась католической пропаганде, и последняя в этот период имела среди крымских армян некоторый успех.

¹ Н. Н. Мурзакевич, Четыре года в Каффе, см. ЗООИД, т. VIII, 1872. с. 129.

² Там же.

³ Л. П. Колли, Каффа в период владения ею банком св. Георгия, с. 15.

⁴ «Atti», vol. VI, с. 365.

Именно представители богатой верхушки в 1438 г. поставили свою подпись под документом, позволившим делегатам крымских армян участвовать во вселенском соборе¹. Часть богачей из каффских армян еще в 1318 г. дала римскому епископу Еронимию свое согласие признать верховенство Папы Римского. В связи с этим в 1318 г. папа Иоанн XXII с удовлетворением обратился к каффским армянам: «Мы получили великое удовлетворение, — писал он, — узнав о том, что... вы клятвенно обещали незыблемо исповедовать ту католическую веру, которую истинно имеет святая римская церковь... и обещали покорность Римскому Папе и его церкви через высокочтимого нашего брата Еремию (Еронимию — В. М.), епископа Каффы»². Основываясь на латинских источниках, Вильгельм Гейд также подтверждает, что в 1318 г. часть каффских армян согласилась перейти в католическую веру³.

Однако успехи католических миссионеров среди крымских армян были незначительны, признание же частью армян католической веры носило зачастую формальный и временно-конъюнктурный характер, ограничиваясь лишь формальным признанием верховенства Папы. Еще в 1318 г. даже среди тех армян Каффы, которые признали католичество, возникли раздоры и несогласия в связи с буллой Папы Иоанна XXII, предлагавшего им изменить некоторые обряды их церкви сообразно обрядам латинской церкви⁴. Верные своему национальному вероисповеданию, армяне в знак пассивной борьбы уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма. Вероятно, это вызвало необходимость основания в тот период недалеко от старого Крыма знаменитого армянского монастыря Сурб-Хач (Св. Крест).

Сближение крымских армян с католицизмом не было устойчивым и долговременным. Когда отпадала необходимость, принявшие католичество армяне, как правило, возвращались в лоно национальной церкви. Постоянные раздоры и споры каффских армян с латинским епископом в 50-х годах XV в. свидетельствуют о том, что союз, заключенный на вселенском соборе в 1439 г., нельзя рассматривать как отступничество от отечественной церкви. С ослаблением позиции генуэзцев католицизм постепенно терял почву под ногами. Падение же Каффы в 1475 г. явилось и его закатом.

¹ Ա. Պալճյան, նշվ. աշխ., էջ. 299:

² «Հանդես անսորտայ», 1911, էջ 450:

³ W. Heyd, указ. соч., с. 175.

⁴ ЗООИД, т. VI, с. 550.

И действительно, крымский армянский поэт Вардан Каффаеци, очевидец событий XVII в., в своем четверостишии воспекает «страну Каффы» и «ее народ Св. Георгия», народ, который живет в союзе и единой национальной вере и «украсил храм блаженный»¹. То же самое подтверждает уже известный нам Хачгруз².

И если после 1475 г., в XVI—XVIII вв., среди крымских армян все же встречались католические общины то, по всей вероятности, их членами были не потомки армян, принявших католичество в XIV—XV вв., а католики из новых групп переселенцев на полуостров из различных мест, особенно из Львова, а также те немногие армяне, которые в XVI—XVIII вв. попали под влияние иезуитской пропаганды.

Защитник католицизма и ярый противник реформизма Фердинанд II добился, например, того, что в 1625 г. хан Джанибек-Гирей дал разрешение католическим миссионерам из ордена доминиканцев свободно проводить пропагандистскую деятельность в ханстве³. Примерно в это же время имел в течение 10 лет свою резиденцию в Каффе член доминиканского братства небезызвестный Эмиддио Дортелли д'Асколи — префект Каффы и Татарики⁴. В начале XVIII в. иезуит Бон и сменивший его Курбилон основали в Бахчисарае «иезуитскую коллегию»⁵, чему во многом способствовал французский посол в Константинополе Фернал⁶. «Коллегия» пользовалась свободой действий на полуострове. Благодаря подношению хану богатых даров, иезуитам удалось построить в Бахчисарае церковь. Бон, начальник духовной пропаганды в Крыму, пользовавшийся поддержкой Фердинанда, получил от хана консульское звание⁷. Католицизм в тот период получил распространение лишь среди некоторой части армян и лютеран. Этому, в частности, помогли невежество и неосмотрительность тогдашнего армянского епископа⁸. Для проведения католических проповедей папские представители посылали из Львова в Крым отступивших от своей веры армянских священников. Они проникали в Крым инкогнито и «свои духовные обязанности исполняли иногда в женской

¹ Матенадаран, рукопись N 3504, л. 228.

² «Մանր ժամանակագրություններ», h. U, tğ 227:

³ Anton von Padua Johannes Zerr, Tauriens Vergangenheit und Gegenwart in Work und Bild, Odessa, 1912, S. 175.

⁴ ЗООИД, т. 24, с. 89—180.

⁵ ЗООИД, т. IV, с. 466.

⁶ «Таврический церковно-общественный вестник», 1911, N 12—13, с. 535.

⁷ ЗООИД, т. IV, с. 467.

⁸ «Таврический церковно-общественный вестник», 1911, N 12—13.

одежде». С такой задачей из Львова в Крым прибыли, например, католические священники Тер-Оганес Хазматинян, Тер-Игнатос Чанозян и Тер-Акоп Вардересович. Первые двое появились в армянской колонии в 1728 г., а последний — в 1767 г.¹ Во время переселения армян из Крыма (1778 г.) он был духовным пастырем армянской католической общины.

***

Борьба крымских армян за сохранение национальной церкви объективно была борьбой за национальное самосохранение. В ней ясно звучали и социальные мотивы, так как армянские трудовые массы оказывали сопротивление также своей купеческой верхушке, связанной с генуэзским капиталом.

Сохранились лишь отдельные сведения о социальной борьбе в средневековом Крыму. Они в основном относятся к периоду генуэзского владычества. Так как выступления масс были направлены против генуэзских властей, то их участниками в большинстве случаев являлись местные жители негенуэзцы — армяне, греки и др. — основные жители юго-восточного побережья Крыма, составлявшие генуэзскую торговую факторию.

Враждебное отношение армян и греков к генуэзцам вынудило банк Св. Георгия в 1459 г. принять постановление, запрещавшее консулам и другим чиновникам нанимать представителей этих народов на военную службу². Устав 1449 г. определял не только виды наказаний, но и сумму, которую платили полицейскому приставу за их исполнение:

«§ 2. За каждого человека, *высеченного лозами за какое-либо преступление, 25 аспров.*

§ 3. Также за каждого человека *повешенного, обезглавленного или наказанного смертью другим образом, 50 аспров.*

§ 4. Также за каждого человека *заколенного, 30 аспров.*

§ 5. Также за каждой женщину или мужчину, *наказанных телесно, но не до смерти, именно за отрезание какого-либо члена, 35 аспров*»³ (все курсивы наши — В. М.).

¹ Է. Մաշուր, Քանի մը խոր Վարդգեսի հայրը և իր ընտանիքը, Թիֆլիս, 1913, N 4 (Э. Машур, Несколько слов о карасубазарских армянах, Тифлис, 1913, на арм. языке).

² С. А. Секиринский, Очерки истории Суροжа VIII—XV вв. (диссертация), 1950, с. 230.

³ ЗООИД, т. V, с. 696—697.).

Титульный лист
(автор Аветис Натеранц, XIV в.)

Титульный лист

Хотя Устав конкретно не указывал, за какие проступки и преступления назначался тот или иной вид наказания, но не может быть сомнения в том, что столь суровым наказаниям, как высечение лозами, смертная казнь через повешение или обезглавление, или отрубание отдельных членов в первую очередь подвергались те, которые восставали против генуэзского господства. Так как в число недовольных входили в основном негенуэзцы, то совершенно ясно, что закон этот своим острием направлялся против армян, греков и др.

В 1433 г. против генуэзской Каффы выступили жители Чембало. Они изгнали генуэзских чиновников и заявили о своей покорности самостоятельному княжеству Феодоро, управляемому неким Алексеем, по национальности греком¹.

Недовольство армян и греков заставляло каффские власти проявлять к ним осторожность. В 50-х годах XV в. консулы Каффы неоднократно предупреждали правление банка Св. Георгия о том, что обложение «налогами армян и греков» «встретит большие затруднения и вызовет скандал», что «нецелесообразно сейчас взимать налоги» с них, по «разным соображениям невозможно осуществить» налоговую политику², ибо

¹ ИТУАК, т. 52, 1915, с. 155.

² «Atti», VI, с. 334, 359, 367.

армяне и греки открыто заявляют, что «эти латинцы, наши консулы грабят нас и наше имущество»¹.

В середине XV в. местное население села Карагай поднимается на борьбу против генуэзских феодалов братьев Гуаско, отличавшихся своей крайней жестокостью. Среди карагайцев имеется и подпись Аванеса, «ремесленника армянского»².

Классовая борьба обострилась особенно после 1453 г., когда взятие турками Константинополя крайне отрицательно сказывалось на экономическом положении населения юго-восточного побережья. Ухудшение материального состояния масс усиливает их борьбу против генуэзской верхушки и собственных богачей. Уже в 1454 г. консул Каффы, сообщая в Геную о восстании в городе, просил прислать помощь. Он докладывал, что восставшие несут по городу лозунг: «Да здравствует народ, смерть знатым!»³.

Массовые выступления в Каффе не прекращались вплоть до 1475 г., до взятия города турками. В 1471 г., например, имело место новое выступление, в котором приняли участие 3000 человек. За год до этого вспыхнуло восстание жителей Судака. В связи с подавлением выступления в Судаке протекторы банка Св. Георгия писали консулу Каффы: «Мы одобряем, что вы вместе с Мамачио подавили беспорядки в Судаке. Желаем, чтобы вы там сохранили спокойствие и в дальнейшем стремились не допустить такие беспорядки, так как это зависит от вас»⁴.

Помимо участия в этих выступлениях, социальное движение среди армянских масс нашло отражение также и в религиозных противоборствах, которые велись под различной окраской. Памятные записи некоторых армянских рукописей из Крыма указывают на наличие в армянских поселениях религиозной борьбы, на существование различных религиозных сект. Речь в данном случае идет о раздорах не только между католиками и армянами-григорианами, но и других сект, о которых, к сожалению, писцы не сообщают подробностей. Уже в XIV в. в армянской общине Каффы были сектанты. Писец Антон в своей рукописи 1357 г. сетует на то, что на его долю выпало «немало испытаний и раздоров от сектантов»⁵. Автор другой памятной записи, относящейся к 1359 г. и написанной в Старом Крыму, приводит имя хранителя обители Св. Григория Тер-Оганеса, «который верхов-

¹ Там же, VII, р. I, с. 345.

² Там же, VII, р. II, с. 228; см. также С. Секиринский, указ. соч., с. 228.

³ ЗООИД, т. 8, с. 116.

⁴ «Atti», t. VII, р. I, с. 735.

⁵ L. U. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, էջ 428–429:

нопрестольной властью правил» там армянским народом и вышел победителем в борьбе «против ариосаканцев и еретиков»¹.

В 1365 г. борьба между армянами-католиками и григорианами в Каффе приняла столь острый характер, что одна из борющихся сторон захватила у другой церковь. «И в этом году (1365 г. — В. М.) взволновался народ города вместе со священниками, траур и печаль овладели вообще всеми; и злой и интриган, враг злопыхательски проникли в душу знатных и еретиков, которые отняли церковь Св. Аствацацина (Богоматери — В. М.) у правоверных (т.е. армян-григориан) и присвоили себе; и большая печаль овладела правоверными от всякой беды»². Под словом «еретики» писец Карапет подразумевает армян-католиков и вообще католиков, ибо только они могли бы тогда с помощью «знатных» захватить церкви. Будучи армянином-григорианцем, он просил вовеки не забывать помянуть добрым словом католикоса Месропа, духовного вожака крымских армян епископа Степаноса и царя Киликийского армянского государства Констандина.

Политическое положение в генуэзских колониях, в особенности в Каффе, еще более ухудшилось в 60—70 годах XV столетия. Усилилось недовольство и обострилась борьба масс. В 1467 г. (15 июля) протекторы банка св. Георгия письменно запретили гражданам Каффы проводить собрания и сборы и требовали сохранять спокойствие между различными сословиями. Из этого документа явствует, что в области Кампания (прибрежная полоса, простиравшаяся от Ялты и Балаклавы до Кеок-Тебе, по другим данным от Азовского моря до Инкермеша³) в 1466 г. происходили большие беспорядки, и она еще не была умиротворена⁴.

Именно в тот период, начиная с 1471 г., среди каффских армян возникает сильное противоборство из-за кандидатуры армянского епископа, которое, расширившись и углубившись, превратилось в чисто социальное движение, направленное против генуэзской администрации и собственной колониальной верхушки. Борьба эта, длившаяся до 1475 г., расколола армянское население города на две части: одна представляла богатую верхушку торгово-ростовщического сословия, связанную с генуэзской администрацией, а другая — армянских трудящихся города. Борьба городских трудящихся своим острием была направлена против эксплуататорских классов.

¹ Там же, с. 442.

² Там же, с. 469.

³ ИГУАК, т. 54, с. 131; т. 55, с. 155.

⁴ «Atti», vol. VII, p. I, с. 486—487.

Сохранилось немало достоверных сведений об этой борьбе: в основном донесения консулов и других чиновников в Геную, ответы протекторов банка Св. Георгия, а также жалобы самих каффских армян и доносы генуэзских чиновников друг на друга.

Богатая верхушка армян во главе с сыном банкира Кутлук бея Каяресом пыталась любой ценой посадить на епископский престол своего кандидата Тер-Карапета. Между тем подавляющее большинство армянского населения города поддерживало кандидатуру Тер-Оганеса. В течение довольно длительной борьбы (1471 — 1475 гг.) епископский престол попеременно занимали то Тер-Карапет, то Тер-Оганес. Но важен не этот факт, а та борьба, которая развернулась. «Большинство народа на стороне Тер-Оганеса, и только какая-нибудь дюжина богатых и беспокойных поддерживает второго»¹, — докладывал в Геную консул Кабелла в феврале 1475 г., официально подтверждая, что большинство народа боролось против кучки богачей, что это было общенародным движением.

Еще в 1473 г. легаты константинопольского армянского патриарха, прибывшие в Каффу, сместили Тер-Карапета и на его место назначили Тер-Оганеса. Это вызвало протесты со стороны его богатых покровителей. В 1474 г. те отправили своего человека в Константинополь к патриарху, которого, однако, уже не было в живых. Посыльный каффских богачей возвратился из Константинополя с указом заместителя патриарха о назначении Тер-Карапета, и ему вновь поручается предводительство епархии. Это дало новый повод для массовых волнений армянского населения. Его выступление было направлено против властей, потакавших требованиям богачей-армян. Имея в виду именно это, Кабелла в сентябре 1474 г. доносил протекторам, что в городе вновь начались «враждебные демонстрации, заговоры, угрозы закрыть церкви и гневные беспорядки, вызывающие зловредные столкновения в отношениях народа с властями»². Вероятно, это и заставило Кабеллу пойти навстречу желаниям большинства армян и опять посадить на престол Тер-Оганеса, тем более, что легаты константинопольского армянского патриарха письменно подтвердили согласие на это умершего патриарха³. Каярес и его богатые соратники не простили этого консулу. Сначала они пытались подкупить его. Любой ценой они хотели выиграть

¹ ИТУАК, N 55, с. 164.

² Там же, с. 148.

³ «Atti», vol. VII, p. II, с. 332.

дело, ибо с ним связывалось также решение и другого вопроса — о похищении армянки, что зависело от епископа.

Генуэзская администрация Каффы, невзирая на строгие наставления из центра не вмешиваться во внутренние дела армян, все же не оставалась в стороне. В политико-экономическом отношении она была тесно связана с верхушкой армянской колонии. В то же время необходимость поддержания спокойствия в городе и интересы его обороноспособности вынуждали консула заниматься делами армян, учитывая желание большинства. Многие же чиновники пытались использовать раздоры среди армян в своих корыстных целях. Дело дошло до того, что Каярес пытался подкупить консула Кабеллу, послав ему 200 золотых червонцев, но последний отказался взять их. «Этот последний (Каярес — В. М.) вследствие того, что он богат и кредитор больших сумм, утверждает, что он все может делать деньгами. Вы, мои протекторы, справедливо поступили бы, если бы вызвали Каяреса в Геную и укротили его дерзость»¹.

Встретив сопротивление со стороны Кабеллы, Каярес и его сторонники стали действовать через других чиновников: массаров Оберто Скварчиафико, Франческо Фиески, генуэзского начальника области Кампания Николо Торильи и латинского епископа Панисари, а также посредством некоторых армян — начальника рынка Асатура и некоего Аветика, поверенных Тер-Карапета и др.² Все они, подкупленные Каяресом, защищают кандидатуру Тер-Карапета, а Кабеллу цинично обвиняют во взяточничестве и других грехах. Чтобы отвести от себя вину и добиться своей цели, они неоднократно обращаются к протекторам банка Св. Георгия с доносами на консула Кабеллу. Еще в сентябре 1474 г. Оберто Скварчиафико сообщил протекторам, что он уже четыре раза обращался в банк относительно спора вокруг кандидатуры епископа армян. «Вопрос о споре за кандидатуру епископа армян, — писал он 14 сентября 1474 г., — ... который почти был разрешен, снова вспыхнул». И это Скварчиафико относит к неправильному поведению Кабеллы, который якобы не хотел внять сообщению патриарших легатов о назначении Тер-Карапета. «Наш консул захотел и хочет самолично решить это дело. И это вызвало большое недовольство армян и всей канцелярии, ибо говорят, что эти дела совершились посредством крупных взяток... этим наносится величайший вред этому городу и

¹ ИТУАК, N 55, с. 148.

² «Atti», vol. VII, p. II, с. 185 — 186, 325, 343 и др.

нашей чести»¹. В другом доносе, написанном 18 января 1475 г., Скварчияфико и Франческо Фиески уже без околичностей обвиняют Кабеллу во взяточничестве. «Кабелла не сделал нас участниками мероприятий, принятых с его стороны для решения этих споров, как это он обязан был сделать... для решения этих споров в предстоящем должны быть приняты такие меры... которые вскрыли бы бесстыдство взяточников... Ясно видно и об этом все открыто говорят, что эти дела (назначение епископа — В. М.) совершены посредством денег и взяток и даже посредством крупных взяток, так как этот епископ Панджиаджер (Тер-Оганес — В. М.) держится на кафедре консулом, без нашего участия и избранный другой епископ смещен с должности...»²

Определенный интерес представляет письмо поверенных Тер-Карапета Асатура и Аветика на имя Кабеллы и других чиновников, написанное 21 октября 1474 г. Оно грешит тенденциозностью, односторонностью, полно несправедливых намеков в адрес Кабеллы, но все же содержит немало сведений, которые проливают свет на эту историю и на нормы поведения генуэзских чиновников. Поэтому считаем уместным привести некоторые выдержки из их письма. «... События получили такой оборот, — писали они, имея в виду смещение Тер-Карапета, — ибо почтенный консул протянул к Тер-Карапету руки помощи. Тер-Оганес и Тер-Карапет, выступая якобы в роли патриарших легатов (они действительно были легатами — В. М.), представили данное письмо (патриаршее — В. М.) в качестве буллы — письма. Этим письмом они претендуют, что будто от патриаршей кафедры имеют буллу сместить вышеуказанного Тер-Карапета...» Обвиняя легатов в фальсификации, поверенные далее пишут: «Но для своего заговора они (легаты — В. М.) подождали времени консульства Батисты Джустиниани. ...Каярес говорил от имени Паули де Путео, близкого человека консула и от своего имени. И они (чиновники — В. М.) сказали Каяресу, что никогда не потерпят, чтобы вышеуказанный Тер-Карапет занимал кафедру, иначе, кроме как даст деньги... Конечно Каярес знает, сколько потратил со своими сторонниками Панджиаджер и сколько денег он отдал чиновникам. Вышеуказанный Паули, высмеивая такое незначительное дело, потребовал только 150 дукатов, а получив их, держал в течение многих дней, а упомянутый Каярес, увидев, что дело остается в таком худшем состоянии и, что указанный Паули находится в повседневных сношениях с единомышленниками другой стороны,

---

¹ Там же, с. 326.

² Там же, с. 186.

Хоран (автор Христосатур, XIV в.)

понял и стал сомневаться в том, что Паули может уговорить эту сторону, чтобы от нее получить еще больше денег... и захотел, чтобы Паули вернул бы себе деньги... и Паули сказал Каяресу и другим лицам и дал довольно ясно понять, что необходимо платить больше. Действительно, из слов посредника видно, что вышеуказанный Паули захотел еще большую сумму, чем вначале дали ему, и получил лишь 200 дукатов или их стоимость в аспрах, предлагал 100 дукатов консулу и 50 дукат — для него, и второй раз получив деньги, держал их много дней. И когда Каярес жаловался на затяжку, Паули ему говорил и уверял, что все согласовано с консулом, и что консул часть этой суммы уже потратил или сам Паули заплатил за него, консула на содержание в его дворце невольников. Каярес и другие замечают, что Паули держит связь и с противной стороной и это вызвало сомнение и убеждение, что упомянутый Паули постоянно предает их и эксплуатирует имя консула.

...Не является смягчающим обстоятельством и то, что Вы (т.е. Кабелла — В. М.) заявляете, что указанный Панджиаджер является епископом. ... Они (легаты патриарха — В. М.) дают понять, что народы латиняне, греки, армяне, евреи, сарацинцы (татары — В. М.) желают Панджиаджера и что консул Джустиниани был... сторонником Панджиаджера и таким был и его преемник... Приходят к заключению, что палата (консульская — В. М.) так пожелала, ибо иначе поступить не смогла бы из-за страха перед турками ... не является смягчающим обстоятельством и то, что некоторые пускают пыль в глаза канцелярии, заявляя о том, что имеется опасность восстания. В самом деле, высокочтимая канцелярия хорошо знает, что ей достаточно того, чтобы она отправила бы приказ вместе со своими силами, и в этом городе народы будут подчиняться верховной власти»¹.

Из письма поверенных следует, что каффские чиновники занимались взяточничеством, а последние консулы, учитывая внутривосточное состояние колонии и угрозу турецко-татарского вторжения, не могли не идти навстречу желаниям

¹ «Atti», vol. VII, p. II, c. 331 — 338.

большинства народа выдвинуть их кандидатуры на епископскую кафедру. Вопреки своему желанию даже авторы писем не могли отрицать всего этого. Они признавали также наличие опасности восстания, хотя и предполагали, что его можно было предотвратить вооруженной силой.

В своем письме от 12 февраля 1475 г. Кабелла ставил протекторов в известность, что богатые армяне обещали управляющему Кампании Торильи «в вопросе об армянском епископе и в другом, об увезенной девице ... 400 каффинских сом или даже 1000 червонцев», «если он выиграет дело»¹. Каяреса и его сторонников рьяно поддерживал массар Скварчафико, которому «желательно согласиться с Каяресом и посадить на кафедру его любимца, а я хочу ждать вашего решения»². Документы свидетельствуют о том, что консулы, массары и другие колониальные чиновники, не жалея слов, обвиняют друг друга во взяточничестве, в злоупотреблении занимаемой должностью, предательстве и т.д. Надо полагать, что они все в основном были правы: мало кто из них остался непричастным к подобным махинациям. Может быть, разве только Кабелла.

Принимая участие в споре, но не будучи в состоянии принять решение, которое удовлетворило бы обе стороны, Кабелла поневоле затягивал дело, вызывавшее в народе волнения, споры и драки. «Вследствие этого, — писал Кабелла в указанном письме, — произошло большое брожение и недоразумение в городе, дошедшее до столкновения даже в церкви, где собрались две партии, до трехсот душ, готовых дойти до драки. Я тотчас отправил туда моего верхового, чтобы прекратить волнение и привести ко мне шесть вождей — агитаторов с обеих сторон, которых заставил уплатить две тысячи сом штрафа. Для тушения пожара монета лучшее средство, нежели вода. Однако для возбуждения еще больших беспорядков явилась вредная рука Каяреса с его приятелем Николо Торильи, помощником и другом Деркарабета (Тер-Карапет — В. М.), которые ко всем привязались с угрозами, протестами и бумагами в защиту своего фаворита»³.

Генуэзские власти так и не смогли потушить этот пожар. Вскоре турецкое вторжение положило конец не только этому спору, но и самому существованию генуэзских поселений. Оно принесло смерть, горе и разорение крымским армянам.

¹ ИТУАК, N 55, с. 165.

² Там же, см. «Atti», vol. VII. p. II, doc. MCXVIII.

³ ИТУАК, N 55, с. 164.

События 1475 года
и таврические армяне

В июне 1475 г. войска турецкого султана Магомета II, после пятидневной осады и артиллерийского обстрела, с помощью татар заняли город Каффу — административный центр генуэзской торговой колонии в Крыму. С того дня установилось господство оттоманской Турции над Крымом, длившееся три столетия. Падение Каффы было обусловлено целым рядом внутренних и внешних причин. Начиная с 50-х годов XV в. в Каффе создалось тяжелое положение. Возрастало недовольство масс, проявлявшееся как на социальной, так и национальной почве. С другой стороны, для Генуэзской Республики, следовательно и для Каффы, все неблагоприятнее становилась внешнеполитическая обстановка, обусловленная всем ходом развития международных отношений того времени и, в частности, завоеваниями турок. Внешнеполитическое и внутриэкономическое положение торговых поселений генуэзцев в Крыму осложнялось по двум причинам: созданием в Крыму самостоятельного ханства, первый правитель которого Гаджи-Гирей проявлял открытую вражду к генуэзцам, и захватом в 1453 г. проливов турками, что нанесло смертельный удар по генуэзской торговле.

Султан Магомет II с самого начала чинил серьезные препятствия черноморской торговле, закрыв проливы. Подобная обстановка делала бессмысленным и бесперспективным само существование генуэзских торговых факторий в Черноморском бассейне. Положение еще более обострил договор, заключенный между султаном Магометом II и Гаджи-Гирей ханом: последний обязался осадить Каффу с суши, султан же должен был осуществить нападение на город с моря¹. Каффа становилась владением хана с условием, чтобы ее жители считались подданными султана.

Султан и хан от слов перешли к делу. Согласно сообщению секретаря консула Каффы, турецкий флот в составе 500 галеров в июле вошел в Черное море и напал на крепость Монкастро (Аккерман, ныне город Белгород-Днестровский). Получив отпор, турки отступили и направились к Каффе. В тот момент у стен города появились и войска Гаджи-Гирей хана. Командующий турецкими войсками Темир-Кай, вызвав к себе представителей города, вынудил их пойти на уступки. Был заключен договор,

¹ ЗООИД, т. 8, с. 114 (статья Н. Н. Мурзакевича «Четыре года г. Каффы»).

согласно которому каффинцы обязались ежегодно платить татарскому хану 600 сом, а туркам отдавать заложников. Кроме того, Каффа должна была ежегодно отправлять турецкому султану 4000—8000 червонцев¹. Исходя из создавшегося положения, правление банка Св. Георгия в октябре 1454 г. отправило особую депутацию к Магомету II, прося не нарушать мира. В свою очередь, консул Каффы Деметрио де Вивальди тоже отправил посольство в Константинополь. Послы консула Антонио дель Пино и Батиста Альджеро прибыли в Константинополь раньше, чем представители республики. В связи с этим прибывшие на остров Хиос генуэзские послы получили из центра распоряжение не вмешиваться в переговоры каффинцев с турками². Вероятно, отчасти этим объясняется то, что до 1475 г. турки не предпринимали нападения на Каффу. Но основная причина «миролюбивой политики» турок заключалась в ином. Военные действия против Венеции и Венгрии вынуждали турок откладывать планы захвата Крыма на более удобное время. И поэтому на условиях ежегодной дани турки тогда разрешили каффинцам пользоваться проливами³. Это, конечно, не означало, что они устранили все преграды и предоставили итальянцам право свободного судоходства. Быстроходные суда генуэзцев зачастую с боем проходили через проливы. Закрытие проливов вынуждало каффинцев держать связь с метрополией по суше: через Монкастро — Львов — Будапешт. Этот путь, естественно, не мог компенсировать свободную морскую торговлю. Сама Генуя тоже находилась в неблагоприятных внешнеполитических условиях. Вражда с Венецией и Испанией ослабляла экономическую и военную мощь республики и не давала ей возможности оказать своим таврическим поселениям необходимую помощь.

Неблагоприятные внешние условия негативно сказывались и на внутренней жизни Каффы, которая и без того изо дня в день ухудшалась. Торгово-экономический кризис, возникший вследствие закрытия проливов, все более обострял классовые отношения. Торговая верхушка и генуэзская администрация старались возместить потерю прежних доходов от торговли путем увеличения налогов и повинностей, повышения цен. Все это, естественно, обостряло борьбу масс против имущих. Недовольство масс обострялось и в результате взяточничества

---

¹ Там же.

² ЗООИД, т. 8, с. 117, 122.

³ С. Секиринский, Очерки истории Суружа IX—XV вв., Симферополь, 1955, с. 53.

чиновников, отсутствия правосудия и нетерпимого отношения генуэзцев к местным жителям — негенуэзцам. Постепенно в городе росла анархия, не соблюдалась неприкосновенность личности и собственности. Опасность столь возросла, что многие в Генуе даже отказывались отправляться в Каффу для занятия должностей, между тем как совсем недавно они приобретались за определенные взносы. Из сообщения консула Томасо де Домокульты видно, что в генуэзских поселениях царил полнейший разлад, на кораблях и на берегу постоянно вспыхивали конфликты, а ряд пунктов, принадлежавших генуэзцам, занимали отдельные местные правители¹.

Царила финансовая разруха. Правление банка Св. Георгия нередко обвиняло консулов и финансовых чиновников в злоупотреблениях и нарушении законов. По подсчетам итальянского ученого Канале, годичный дефицит города к 1457 г. составлял 492 тысячи аспров². Правление банка Св. Георгия было вынуждено в 1454—1465 гг. ежегодно выделять каффской казне 25—30 тысяч генуэзских лир³.

Положение в Каффе обострялось также вследствие противоречий между различными народностями города. Армянские и греческие народные массы выступали против генуэзских эксплуататоров. В этой борьбе принимала участие также часть состоятельных торговцев и ремесленников, соперничавших с итальянцами. С другой стороны, основы владычества генуэзцев расшатывало татарское население Каффы, которое, будучи тесно связанным со своими соплеменниками за пределами города, выдавало им секреты обороны. Именно исходя из этого обстоятельства, Устав 1449 г. содержал ряд предупредительных статей, вплоть до лишения мусульманского населения города и предместий права ношения или хранения оружия. «Принять во внимание, что много сарацин^{*} живет в городе, любя оный, и что они большею частью величайшие враги христианской веры, постановляем и предписываем, для уничтожения всякого способа и мысли сделать зло, чтобы ни один сарацин, живущий в Каффе, как в собственном городе, так равно на предместий и в крепости не смел и не думал впредь иметь или держать в доме собственном или наемном никакого оружия наступательного или оборонительного, под опасением потерять в наказание

¹ ЗООИД, т. 8, с. 118, 125.

² ЗООИД, т. V, с. 630.

³ Marian Malowist, указ. соч., с. 43.

* Под «сарацинами» устав имеет в виду жителей-мусульман, в основном татар.

такое оружие и кроме того заплатить до десяти сомов штрафу, по приговору консула или управляющих»¹. Эта же статья строго-настрого запрещала приезжавшим в город турецким и татарским купцам выгружать оружие. Заметим, что этот запрет не распространяется на христианских купцов.

Однако произвол генуэзской администрации всей тяжестью ложился на плечи греческих и армянских масс; как правило, татар власть боялась трогать. Абсолютно прав видный исследователь истории генуэзских поселений в Крыму во второй половине XV в. Л. П. Колли*, который на основании тщательного исследования современных итальянских документов заключает: «Зажиточные генуэзцы из купцов или помещиков, вследствие подкупности судей, почти всегда оставались правыми, несмотря на законную правоту их бедных противников»².

Как мы уже видели, каффские служащие постоянно враждовали между собой, затягивали решение дел, брали взятки и, как правило, выносили решения в пользу генуэзцев, особенно тогда, когда противник был из армян и греков³. В своих донесениях в Геную в 1455 г. армяне и евреи жаловались на небезопасное положение торговли, на произвол служащих⁴. Подобные жалобы и протесты армян, греков и евреев вынуждают правление банка Св. Георгия издавать частные указы и постановления, требующие, чтобы правители колонии сохраняли нормальные отношения с местными народами. Протекторы неоднократно обращались непосредственно и к этим народам, вселяя в них надежду на хорошие перспективы, на розовое будущее. Ниже приводим одно из таких обращений к армянской общине города и ее епископу, принятое 13 марта 1455 г. «... Светлейшему епископу и армянской общине города, достопочтенный отец и наши уважаемые! В надежде на всемогущество бога, до получения этого нашего письма вы уже увидели нашу заботливость и то, насколько много мы руководствовались вашим благосостоянием и защитой и расцветом всего города. ...С божьей помощью мы продолжим следить за добром и способствовать ему, чтобы оно расцвело и стало еще лучшим. Ставим вас в известность, что все наши думы

¹ ЗООИД, т. V, с. 815.

² Л. П. Колли, Каффа в период владения ею банком св. Георгия, с. 22.

³ Там же.

⁴ «Atti», vol. VI, с. 351 – 352; Л. П. Колли, указ. соч., с. 35.

* Этому вопросу Л. П. Коли посвятил четыре небольшие, но весьма содержательные и интересные работы: «Исторические документы о падении Каффы», Симферополь, 1910; «Каффа в период владения ею банком св. Георгия» (1454 – 1475 гг.), Симферополь, 1911; «Падение Каффы» (ИТУАК, № 54, 55).

с божьей помощью направлены на то, чтобы этот известный город оставался (и впредь) самой знаменитой Каффой. Следовательно, будьте тверды и не жалейте ваших сил и поступайте как хорошие сеяльщики, которые не жалеют ни сил, ни энергии в надежде получить хороший урожай, в надежде на будущее.

Написано 13 марта 1455 г. ... То же самое отправлено греческому епископу и греческой общине»¹.

Однако ни инструкции и постановления, адресованные правителям колонии, ни обнадеживающие письма к грекам и армянам не могли разрядить атмосферу, которая изо дня в день накалялась на почве экономических, политических и национальных отношений, необузданного вмешательства высокопоставленных чиновников во внутренние дела этих народов. «Падение нравов в Каффе чувствуется все сильнее и сильнее при постепенном анализе генуэзских документов за эти годы агонии большого города. Подобное своевольное настроение народа создало, несомненно, одну из веских причин этого крушения. Ведь при столь кипучей торговой деятельности семидесятитысячного населения, с его индивидуальной разоренностью и враждебностью в религиозных и социальных понятиях и стремлениях, требовалась сильная власть, а в действительности власть была далеко в Генуе, отделенной от него непроницаемой стеной султанского флота. Вот почему кажется, что все слои этого населения — татары, греки, армяне, евреи, генуэзцы, судьи, купцы, менялы, банкиры, чиновники, духовные лица, моряки, носильщики и чернорабочие, очертя голову, стремятся все к неминуемой пропасти»², — заключает Л. П. Коли.

Не внушала доверия и организация обороны города. Не имелось пушек³, хотя из Аахена и Страсбурга были приглашены два специалиста, чтобы руководить артиллерией, которую собирались организовать на месте, но, видимо, ничего не вышло. В Каффу отправили маленькую группу наемников, а также военного инженера Антонио Бонино⁴. Капитан наемников Джиованни Пичино 8 июля 1455 г. сообщал в Геную, что хотя принятые им меры по укреплению города встретили одобрение армян и греков, однако предстоит еще многое сделать⁵. Войска, посланного Генуей, было недостаточно. Протекторы даже

---

¹ «Atti», vol. VI, c. 296.

² ИТУАК, № 54, с. 142.

³ ЗООИД, т. V, с. 834.

⁴ ИТУАК, № 54, с. 139.

⁵ «Atti», vol. VI, p. I, c. 310.

предлагали по миновании опасности ограничить число солдат вместе с городовыми до 200 человек¹. В эти критические годы Генуе лишь один раз удалось отправить по суше небольшое подкрепление каффинцам. Меры, предпринятые в целях повышения обороноспособности города, были неэффективны. В 1463 г. представитель Каффы некий Гамацио с разрешения польского короля набрал в Подолье отряд в составе 500 человек для отправки в Каффу. Но в пути наемники стали бесчинствовать и разорили г. Брацлав. Воевода Михаил Чарторийский преследовал и разгромил их². Еще задолго до этого, в 1455 г. банк Св. Георгия попытался послать в Каффу два военных судна, но одно из них было потоплено турками у самих проливов, а другое вернулось назад. Остались безрезультатными просьбы к венгерскому, французскому, английскому и португальскому королям об оказании помощи каффинцам, а также неоднократные обращения римского папы с щедрыми обещаниями выдачи индульгенций³.

Недальновидной была политика, проводимая правлением Каффы с целью укрепления связей города с внешним миром. С татарской стороны городу угрожали явно враждебные силы, хотя Менгли-Гирей, ставший ханом после Гаджи-Гирея, благосклонно относился к каффинцам: из восьми братьев, боровшихся за ханскую власть, генуэзцы поддерживали кандидатуру Менгли-Гирея, получившего у них воспитание. Его братья, особенно старший брат Нур-Девлет, и их сторонники враждебно относились к нему и Каффе. Они вели тайные переговоры с турецким везирем. Нур-Девлету помогли некоторые из генуэзцев, по той или иной причине недовольные властями Каффы. Среди них был некий Якобо Гримальди, который, скрываясь в Тамани, вступил в тайные сношения с братьями и предложил Нур-Девлету свои услуги в деле вербовки вооруженных отрядов для нападения на Солхат и Каффу. После взятия этих городов он собирался объявить Нур-Девлета ханом. Но заговор был раскрыт, Гримальди понес наказание, а Нур-Девлет со своими братьями был взят под арест⁴.

В 1468 г. по приглашению консула Джентиле де-Камиллы и других высокопоставленных чиновников Менгли-Гирей в качестве высокого гостя посетил Каффу, где был заключен договор,

¹ Там же, vol. VII, p. I, док. ДСССХLII.

² Н. Н. Мурзакевич, История генуэзских поселений в Крыму, Одесса, 1837, с. 71.

³ Там же.

⁴ ИТУАК. № 54, с. 133 – 135.

по которому восстанавливались статьи соглашения 1381 г., и между Каффой и ханством устанавливался постоянный мир; договаривающиеся стороны обязывались помогать друг другу в случае внешней опасности¹. В данном случае имелась в виду опасность, грозившая со стороны турецкого султана. Однако этот договор, как и договор об установлении дружественных отношений с мангупским князем Саиком, были ненадежными мерами перед надвигавшейся турецкой опасностью. К тому же сближение с соседями, а также отдельные неудачи турок на Балканах в какой-то мере дезориентировали руководство банка Св. Георгия. Все это привело к самоуспокоению, ослабило мероприятия по укреплению обороны города. Беспечность протекторов дошла до крайней черты; они стали бахвалиться, что-де, если даже Менгли-Гирей откажется выполнить свои договорные обязательства, с имеющимися в городе силами можно отбросить назад турок и не бояться их². После того, как ханом стал Менгли-Гирей, консул Каффы получил указание сократить в городе военную силу, а число наемников довести до 200 человек, но не более³. Этот недальновидный шаг мотивировался победой сербов и венгров над войсками Магомета II под Белградом и появлением в Черном море папского флота⁴. Роль того и другого явно преувеличивалась.

Таким образом, ослабленная во всех отношениях Каффа, одинокая и беззащитная стояла перед турецко-татарскими объединенными силами: достаточно было одного серьезного удара, чтобы ее падение стало фактом. Надвигавшееся бедствие ускорили бездарные генуэзские правители города, открыто вмешавшись в запутанное дело, связанное с отстранением от должности татарского тудуна (префекта) области Кампания. Магомет II готовился рано или поздно напасть на Каффу. В начале 1475 г. его войска, как уже отмечалось, осадили Монкастро⁵. Вмешательство генуэзской администрации во внутренние дела татар послужило новым толчком к объединению татарских и турецких сил, и без того тяготевших друг к другу.

Это вмешательство выразилось в следующем. В 1473 г. умер тудун (наместник) Кампании Мамак. Перед смертью он выразил желание передать эту должность своему брату Эминьку,

¹ Там же, с. 132.

² «Atti», vol. VII, p. I, док. DCCCCXLI.

³ ЗООИД, т. 8, с. 143; ИТУАК, № 54, с. 154.

⁴ Там же, т. 8, с. 143.

⁵ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях («Исторические Записки», 1940, № 7).

лишив, тем самым, своего сына Сайтаха права наследства¹. Через некоторое время после вступления на должность Эминек проявил антигенуэзские тенденции, запретив ввоз продуктов из Кампании в Каффу². Это, естественно, было не по душе генуэзцам, и они вступили в сговор с матерью Сайтаха — тщеславной Агриппиной, стремившейся отстранить Эминек и посадить на его место своего сына. Ей удалось подкупить почти всех каффских чиновников, в том числе, вероятно, и консула Кабеллу, а также массаров Скварчиафико и Фиеско³. Подкупленный ею генуэзец Константино Пиетраросса, по сообщению летописца Джустиниани, «начинает уговаривать Николо Торильи (генуэзского управляющего Кампании — В. М.), обещая ему две тысячи червонцев, Оберто Скварчиафико две тысячи, и, все обещая тому и другому деньги, то консулу, то другим чиновникам, дошел до шести тысяч червонцев, и все, будучи бедны и скарены, дали себя подкупить и вместе сговорились удовлетворить желание вдовы и устроить назначение Сайтаха наместником Кампании, пригласив его в Каффу. Он в сопровождении двадцати пяти всадников прибыл в город в первый день декабря 1474 года»⁴.

В то же время в Каффу в качестве гостя был приглашен также Менгли-Гирей, который должен был дать свое согласие на назначение Сайтаха наместником. Целую неделю хан провел в Каффе, но колебался назначить вместо Эминек Сайтаха, опасаясь своих противников Кара-Мурзы и его союзника Айдара. Каффинцы делали вид, что согласны с ханом, а хан предоставил Кара-Мурзе право предводителя рода Ширинов⁵. Почувствовав опасность и, видимо, будучи осведомленным о готовившемся заговоре, Эминек скрылся со своими людьми в неизвестном направлении. Тем временем генуэзская администрация продолжала оказывать давление на Менгли-Гирея, угрожая ему в случае несогласия не выпустить на свободу его брата, что, конечно, обострило бы борьбу между ханом и его братьями за ханский престол. И хан был вынужден согласиться на выбор Сайтаха. Это, как правильно замечает Мариан Маловист, было очень опасно как для хана, так и для колонии⁶.

¹ ИТУАК, № 54, с. 160; № 55, с. 155.

² «Atti», vol. VII, p. II, с. 85.

³ В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, с. 35.

⁴ ИТУАК, № 55, с. 155 — 156.

⁵ Marian Malowist, указ соч., с. 56.

⁶ Там же.

Между тем, Эминек действовал более решительно. Сбежав с помощью своего приятеля генуэзца Андреа Фатинанты из Каффы, он уехал в Константинополь, где получил согласие султана на совместные действия против итальянцев в Крыму. В феврале 1475 года по призыву Кара-Мурзы и Айдара Эминек вернулся из Константинополя, и весь полуостров оказался в руках восставших. Хан и Сайтах стали искать себе убежища в Каффе. Даже в тот критический момент генуэзцы, подкупленные сторонниками Сайтаха, не дали возможности Менгли-Гирею урегулировать вопрос в пользу Эминек¹.

Магомет II не преминул воспользоваться удачной ситуацией. Заключив мир с Венгрией, он дал приказ своему флоту, направлявшемуся во главе с великим везирем Кетик-Ахмет пашой на Аккерман, высадиться в Крыму². Из срочного донесения венецианского посла при венгерском короле Себастиане Бадоро от 10 июня 1475 г. явствует, что к туркам присоединились татары, а также заальпийцы (вероятно, иностранцы — немцы и поляки³). При приближении высадившихся турецких сил к Каффе на расстоянии 7 км от города, в Пасидине, между татарскими военачальниками и командованием турок было заключено соглашение о совместных военных действиях, выработан конкретный план общего наступления. Один из очевидцев событий, попавший в числе пленных в Константинополь, писал, что Каффа была окружена со всех сторон, как с суши, так и с моря⁴.

Со стороны моря город осадили сотни военных кораблей, оснащенных артиллерией. Армянские источники насчитывают 300 — 400 кораблей⁵. Защитники города, лишённые артиллерии и помощи извне, могли рассчитывать лишь на собственные силы. Однако они чувствовали острую нужду не только в боеприпасах, но и в продовольствии, необходимых для того, чтобы выдержать долговременную осаду. Между тем, как об этом сообщали представители венгерского короля при молдавском воеводе Стефане Доминико д'Альба-Реале и его товарищ Гаспар, к туркам присоединились 60.000 татар⁶. А анонимный автор письма с острова Хиос сообщал, что охваченный ужасом Менгли-Гирей, чувствуя свою беспомощность, во главе войска, состоявшего из

¹ Там же.

² Там же.

³ Л. П. Колли, Исторические документы о падении Каффы, Симферополь, 1910, с. 8.

⁴ Ф. Брун, Черноморье, ч. 1, Одесса, 1879, с. 236 — 237.

⁵ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об., рукопись № 7709, л. 57.

⁶ Л. П. Колли, Исторические документы о падении Каффы, с. 12.

1500 всадников, скрылся в Каффе¹, тем самым как бы предоставив своим противникам абсолютную свободу действий среди татар. Следовательно, союз, заключенный им с Каффой, перестал играть какую-либо роль. Среди вражеских сил активно действовали выпущенные на свободу братья хана.

На протяжении пяти дней каффинцы упорно сопротивлялись. Город защищали в основном армяне, составлявшие тогда 2/3 его населения, и греки; татары, наоборот, вели себя явно враждебно и выдавали секреты осажденных. Генуэзцы же в силу своей немногочисленности (их было всего в городе 1000 человек²) не могли сыграть решающей роли. «Тогда сопротивлялись наши князья и дворяне и не хотели сдать крепость»³, — сообщает памятная запись крымских армян. Генуэзский гражданин Джакомо Джустиниани, проживавший на острове Хиос, 10 июля 1475 г. писал: «Татарский хан, увидя, что для него нет спасения, укрылся в Каффу с 1500 солдатами, оставив на поле прочих татар под начальством своего Бассы. Этот же со всем татарским народом заключил союз с турецким адмиралом и оказал ему помощь в жизненных припасах и другим, необходимым для осады. Тогда же со стороны суши турки начали проламывать стены в продолжение четырех суток. На пятый день возмутились городские греки и армяне, заявив латинцам о своем отказе дальше противиться туркам и требовали сдачи. Тогда латинцы, увидев свое бессилие одним защищаться, сдались на условиях пока неизвестных»⁴.

Если оставим в стороне тенденциозный подход генуэзского хрониста, то рациональное зерно его сообщения состоит в том, что татары предавали, латинцев было ничтожное число, а армяне и греки в силу безвыходного положения не могли дальше продолжать сопротивление. Это подтверждается и сообщением армянского источника. Последний повествует о том, что армяне и греки не в силах были дальше противостоять туркам, оснащенным «пушками и винтовками», т. е. последним словом тогдашней военной техники⁵, тем более, что врагу удалось лишить горожан продовольствия и даже питьевой воды и пробить брешь в оборонительных стенах города. Современник и очевидец событий армянский поэт Нерсес Каффаяеци, скорбя о падении города, писал:

¹ Там же, с. 14.

² «Atti», vol. VII, p. II, с. 248, 345; С. Секиринский, указ. дисс., с. 35.

³ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 28 об.

⁴ Л. П. Колли, Исторические документы... с. 16.

⁵ Матенадаран, рукопись № 7709, л. 57 — 58.

Армянского летосчисления 924 (1475 г.) года
По наущению злоумышленника,
Когда объединились все турки,
Татары напали на Каффу.
Лишив весь город воды,
Они ударили по нему.
Много крови пролилось,
Потом явились ханские корабли
Числом более четырехсот
И объединившись (с татарами), высадились.
Город Каффу окружили,
Всадников очень много, не исчислить.
Имели они много пушек и винтовок.

.....
Когда из пушек ударили,
Земля и небо задрожали,
Большой ущерб причинили,
Дома и церкви разрушили¹.

Аналогичные сведения об этом событии сообщает поэт Мартирос Крымеци, один из известных армянских политических и культурных деятелей XVII в., видимо, основываясь на сохранившихся достоверных источниках. Он говорит, что объединенные турецко-татарские силы, «окружив город с моря и суши», «вели страшную войну»².

Упомянутый уже нами выше анонимный автор, весьма вероятно, генуэзец, говорит, что «Эминек увлек на свою сторону всех татар... и помог туркам против каффинцев, и в продолжение четырех суток турки проламывали стены города. На пятый день Каффа сдалась, потому что горожане, греки и армяне, восстали против латинцев. Эти последние (т. е. генуэзцы — В. М.), чувствуя себя численностью слишком слабыми, чтобы дальше защищаться, объявили турецкому начальнику, что желают сдаться, иначе было бы перерезано столько латинцев, сколько их нашлось бы в Каффе»³. Таким образом, Дж. Джустиниани и анонимный автор пытаются все объяснить «возмущением» или «восстанием» армян и греков, умалчивая об объективных причинах не только этого «возмущения», но и падения города. Это и не удивительно. Как генуэзцы, они стремились защитить

¹ Матенадаран, рукопись № 7709, л. 57 — 58.

² Ц. Սարգիսյան, Մարտիրոս Գրիսեցի, Երևան, 1958, էջ 140 (А. А. Мартиросян, Мартирос Крымеци, Ереван, 1958, с. 140).

³ Л. П. Колли, Исторические документы... с. 14 — 15.

«честь» своих соотечественников. Но все же и они не могли скрыть ту истину, что защитниками города были армяне и греки, которые «возмутились» лишь тогда, когда оказались в безвыходном положении. А туркам официально сдались не они, а генуэзская администрация. Решение греков и армян о сдаче объясняется не только невозможностью дальнейшего сопротивления, но и желанием сохранить жизнь хотя бы части населения, что генуэзцев мало беспокоило.

Потерявшая голову генуэзская администрация передала руководство обороной города и командование войсками в руки армянина¹. Консул и его заместители, несомненно, не могли игнорировать то обстоятельство, что армяне, составлявшие большинство населения города, были основной силой сопротивления. Заявление о невозможности дальнейшего сопротивления защитники города сделали генуэзской администрации лишь тогда, когда падение города, окруженного со всех сторон, ни у кого не вызвало сомнения. К тому же решение о сдаче города неприятелю было принято лишь после того, как составлявшие ничтожное число генуэзские наемники полностью растерялись, а их главарь бежал. «Наши князья и дворяне, увидев слабость генуэзского князя и его войск, особенно когда генуэзский князь обратился в бегство, остались беспомощными перед голодом, взяли клятву и город сдали туркам»², — повествует история крымских армян.

Сейчас трудно вскрыть в деталях причины падения города, но главная причина состоит в том, что оно было обусловлено всем ходом развития международных отношений, и особенно тогдашними турецкими завоеваниями. Успеху турок в Крыму во многом способствовал их союз с татарами. В создавшемся положении, когда продвижение турок вызывало панику государств, ни генуэзцы, ни армяне и ни греки в Каффе не в силах были противостоять мощному союзу турецко-татарских сил. Именно в этом заключена историческая правда.

• • •

Овладев городом, турки и татары, по своему обыкновению, не сдержали обещаний и устроили в Каффе в настоящую бойню. Армянские и итальянские источники свидетельствуют, что население

¹ В. Х. Кондораки, Универсальное описание Крыма, т. 3, ч. 9, с. 37.

² Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об.

предавалось смерти, а город — разрушению. «Армянского летосчисления 924 г. (1475 г.), когда было написано сие святое евангелие, турки взяли Каффу и совершили многочисленные пленения и разрушения; и воцарились великая печаль и горе»¹, — читаем в памятной записи одной из армянских рукописей. Источники не называют число убитых. Но все они сообщают, что было вырезано огромное число христиан — армян, греков, а также генуэзцев.

За убийствами и грабежами последовали взятие в плен и налогообложение. Турецкое командование провело опись имущества и поголовную перепись населения. Переписи подлежали все «дети и взрослые», сообщает Нерсес Каффаеци². Вначале Кетик Ахмед паша объявил, что приказал составить точный список имущества жителей для того, чтобы справедливо распределить налоги. На самом же деле учет был нужен ему для выявления имущества и его захвата. И действительно, турки «все (ценности — В. М.) в городе собрали» и «захватив» все, ограбили³ жителей», — говорит Нерсес Каффаеци.

От иностранных купцов паша потребовал 20 — 25 тысяч дукатов, а от генуэзцев сумму, равную половине стоимости их собственности⁴. В крайне тяжелом положении оказались основные жители города — армяне, греки, а также евреи. Описав их дома, сады и другое имущество, турецкое командование «затребовало три четверти» всей его стоимости, и лишь после мольбы жителей согласилось взять половину. По словам очевидца, «все плакали и скорбили», но «из-за отсутствия», т. е. закрытия дорог, никуда не могли уйти⁵.

Представитель венгерского короля у молдавского воеводы Стефана, настоятель церкви Альба Юлия (теперешний Карлсбург) папский протонотарий Доминик, будучи во время этих событий в Молдавии, впоследствии в своем донесении о падении Каффы писал: «Турок, по своему старому обычаю, завладев городом, нарушил договор (с татарами — В. М.) и, считая всю добычу своей, лишил татарина права владеть взятым городом и взятой добычей. Люди зрелого возраста, которых средства и ум подавали повод к опасению, для того, чтобы не составили какого-либо против него умысла, были отведены в Константинополь, а в Каффе

¹ L. U. Խաչիկյան, ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մաս Բ, Երևան, 1955, էջ 390 («Памятные записи армянских рукописей XV в.», часть II, Ереван, 1955, с. 390).

² Матенадаран, рукопись № 7709, л. 58.

³ Там же.

⁴ «Сын Отечества», 1848 г., книга 10, с. 68.

⁵ Матенадаран, рукопись № 7709, л. 59.

оставлен только простой народ, над которым поставлен начальником с 10 тыс. пехоты для защиты города, какой-то грек из Трапезунда... из добычи этого города посланы были турку (султану — В. М.) 1011 кожаных мешков, полных денег, не считая другой утвари, драгоценных камней и других драгоценных вещей, каждый же мешок у этого народа обыкновенно заключает 600 дукатов»¹. По другим данным, турки взяли 25 тысяч червонцев выкупа за товары иностранные, половину городского имущества (это полностью совпадает с сообщением Нерсеса Каффаеци) и от 15 до 100 аспров с каждого жителя².

По некоторым сведениям, 40 тысяч каффинцев турки перевезли в Константинополь³. Одна их часть пополняет ряды янычаров, а другая — угоняется в гарем⁴. Турки не пожалели даже высокопоставленных гегуэзских чиновников: массара Оберта Скварчиафико они повесили, а консула Кабеллу наказали вечной каторгой на галерах⁵.

Турецкий меч повис над армянским населением Каффы. Людские потери и лишения крымских армян нашли отражение в их памятной записи-истории. Она повествует о том, что, нарушив взятые обязательства, турки «вынуждали наших князей и дворян перейти в магометанскую веру, чтобы легче завоевать и престолюдина»⁶.

Великий везир Кетик Ахмед паша, приглашая к себе на обед знатных армян, предлагал им перейти в веру ислама. Однако всякий раз он получал решительный отказ. Тогда паша прибегнул к коварному методу, излюбленному турками-завоевателями. Вновь пригласив армянских князей на пир, он заявил им, что коль они уже являются его друзьями, то для него весьма оскорбительно, что они приходят к нему вооруженные. «Не подобает вам, — заявил паша, — ко мне приходиться на обед, неся на себе кинжал»⁷. Армянские князья попались на эту удочку. Они явились к нему на обед без оружия. «После обеда, когда спускались по длинным лестницам дворца, палачи по приказу паши, убив их всех по одному, бросили в море... Затем приказал [паша] туркам и татарам вырезать весь армянский народ [Каффы], которые

---

¹ «Заседание Одесского общества истории и древностей», Заседание 269, 3 марта 1893 г., Одесса, с. 8.

² Там же.

³ В. Х. Кондораки, указ. соч., с. 37.

⁴ Там же.

⁵ «Црпр», 1911, N 10–11, тp 119:

⁶ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 об.

⁷ Там же.

(турки и татары — В. М.) многолюдный город Феодосию превратили в малонаселенное (место), так как стариков и детей, мужчин и женщин они предали мечу, и их кровь потекла рекой по улицам». Затем, захватив в плен «неисчислимое количество девиц, детей и подростков», турки перевезли их в Константинополь¹. Это свидетельство памятной записи крымских армян подтверждается сообщением Нерсеса Каффаеци:

«Людей отважных вырезали, дочерей и сыновей собрали,
Головы отцов отрубили, а детей в плен взяли,
Собрали без пощады, двух братьев в одно место,
Зятя и невестку — новобрачных посадили на судна»².

Участь каффских армян постигла также и их соотечественников в Казарате и Сурхате. По всей вероятности, некогда цветущий Казарат — армянский городок и важный укрепленный пункт — именно в тот период был стерт с лица земли, так как в рукописях XVI—XVIII веков его название уже не встречается. Это подтверждается и тем, что будучи укрепленным пунктом на пути набегов татар на Каффу, Казарат мешал им, и, воспользовавшись ситуацией, они, по всей вероятности, решили раз и навсегда с ним покончить.

Завладев полуостровом, турецкие войска в следующем году «морем и с суши», как сообщает армянский историк Григор Даранахци, напали на «воеводу Стефана», т. е. на Молдавию. Турки вступили в эту страну и учинили кровавую расправу над местным населением. Несчастье постигло и молдавских армян. Они, а также бессарабские армяне, особенно пострадали во время правления султана Баязита. В 1484 г., после захвата порта Килии в устье Дуная, турки многочисленной армией вновь напали на Аккерман. Г. Даранахци говорит, что султан «тамошних армян, а также греков и проживавших там всех народов с женами и детьми, всех подверг депортации и перевел в Истамбол»³.

...

Установление турецкого владычества в Крыму, особенно в первоначальный период, имело роковое значение для армянских колоний. Разбой и грабеж 1475 г. и последовавшие за ними

¹ Там же, л. 282.

² Там же, рукопись 7709, л. 58.

³ Գրիգոր Դարանախցի, ժամանակագրություն, Երուսաղեմ, 1915, էջ 11 (Григор Даранахци, Хроника, Иерусалим, 1915, с. 11).

насилия и непомерные налоги послужили причиной ухода армян с полуострова. Потоки переселенцев крымских армян переселялись в Каменец, Львов и другие районы Галиции, а также в Трансильванию, Молдавию¹, в районы, где издавна уже имелось армянское население.

Молдавский воевода Стефан гостеприимно приютил прибывших в его страну армянских беженцев. Для поселения крымских армян он отвел места в городах Сучава, Яссы, Фокшан и Потушан². Но большая часть переселенцев-армян из Крыма, вероятно, осела во Львове и в других районах Галиции. Уменьшению численности армян в Крыму во многом способствовала политика султана, направленная на заселение Константинополя. В 1475 г. из Каффы было перевезено в Константинополь много людей, в том числе и армян³.

Массовый уход армян из Крыма приходится, в основном, на первый период турецкого господства. Некоторое время спустя, когда турки начали придавать своему господству уже постоянный характер и помышляли о «вечном» верховенстве над полуостровом, их правитель в Крыму, чувствуя необходимость задобрить армян, возвратил им ряд церквей в Каффе⁴. Уход армян в первые годы турецкого господства не означал, конечно, что наступил конец существованию колоний в Крыму. Как мы уже видели, в XVI—XVIII вв. армяне являлись активными участниками экономической и политической жизни полуострова и по своей численности занимали в Крыму второе место после татар. Это были не только те из армян, которые остались в Крыму после трагических событий 1475 г., но и новые их соотечественники-переселенцы из самой Армении и других мест, прибывшие туда в XVI, особенно в XVII вв.

Крупное переселение армян из Армении на Таврический полуостров произошло в начале XVII в. в связи с голодом и движением джелалиев. По свидетельству армянского историка Аракела Даврижеци и Степаноса Тохатеци, один из путей переселения армян вел в Крым. Об этом рассказывает также памятная запись-история крымских армян. «В 1602 г., — говорится в ней, — во время опустошения джелалиев в стране персов, уходя оттуда, (переселенцы) из нашего народа пришли в Крым

¹ ЗООИД, т. VI, с. 554.

² Архив Института истории АН Арм.ССР, см. работу Р. Ачаряна «История армянских переселенцев», отдел «Крым», с. 9.

³ «Հանդես ամսօրեայ», 1911, էջ 81:

⁴ Ա. Ա. Սարտիրոսյան. Սարտիրոս Դրիմեցի, էջ 150:

(г. Старый Крым — В. М.), Феодосию, Карасубазар, Бахчисарай и Кеозлов»¹. А. Даврижеци сообщает, что один из переселенческих потоков осел в Каффе: «И в это время (во время движения джелалиев — В. М.) рассеялся армянский народ и каждый уходил туда, где находил место для житья. Некоторые ушли в Урмелию, некоторые в Бухдан (в Молдавию — В. М.), некоторые в Польшу, некоторые в Каффу»². В другом разделе своей истории А. Даврижеци, сообщая те же самые сведения, подчеркивает причину ухода армян: «Итак, и по этой причине, и по причине большого голода и движения джелалиев, как это уже было сказано, весь армянский народ оставил всякое место и области жительства своих предков, печально ушел и рассеялся по всему миру — на Кипр, в Константинополь, в города, находящиеся вокруг него, в Урумели, в Бухдан, в страну лехов (поляков — В. М.), на остров Каффу (в Крым — В. М.), на побережье Понта»³.

Ту же информацию мы находим и у Степаноса Тохатеци, которого движение Кара-Язычи также вынудило в числе многотысячных своих соотечественников в начале XVII в. убежать в Крым⁴.

Вначале он жил в Каффе, затем — монастыре Сурб-Хач. Из памятной записи, написанной им в 1604 г. в Каффе, мы узнаем, что из-за набегов джелалиев, опустошивших его родной город Тохат, Степанос ушел оттуда и искал приюта в Каффе⁵. Мартирос Крымечи отмечает, что спасшиеся от погрома джелалиев армяне поселились не только в Каффе, но и Карасубазаре, Бахчисарае, Кеозлеве⁶.

Весьма заслуживает внимания повествование армянского автора Григора Даранахци, который являлся современником событий и, будучи в 1605 г. в Крыму, непосредственно общался с недавно прибывшими туда переселенцами-армянами. «25 апреля 1605 г. мы прибыли из Понтоса (имеет в виду Константинополь — В. М.) и с большим трудом еле добрались в сторону Каффы, которую именуют Палхлу (Балаклава — В. М.), и оттуда проплыли в город Козлов. Там было много армян, которые, опасаясь джелалиев, как изгнанники прибыли из наших краев

¹ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282.

² «Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Ղափրիժեցոյ», Վաղարշ, 1896, էջ 88 («История архимандрита Аракеда Даврижеци», Вагаршапат, 1896, с. 88).

³ Там же, с. 147—148.

⁴ Ս. Ալիճյան, Հինգ ւանդուխտ տաղասացներ, Վիեննա, 1921, էջ 125 (Н. Акинян, Пять поэтов странников, Вена, 1921, с. 125).

⁵ Матенадаран, рукопись № 7744, л. 180.

⁶ Ս. Ա. Մարտիրոսյան, указ. соч., с. 151.

и со всеми семьями утвердились там (в Крыму — В. М.)»¹. Таким образом, уход армян в связи с движением джелалиев охватил не отдельные районы, а «целые края» («ашхары» — области). И в самом деле «джелали разорили всю страну», скорбит Гр. Даранахци, постоянно указывая, что из-за их разбоя многие перебрались в Молдавию, Польшу, Чехию, Каффу и др. места². Во время пребывания Гр. Даранахци в Крыму армянские переселенцы еще продолжали прибывать на полуостров³.

Не лишено основания предположение о том, что армянские колонии в Крыму в XVII в. пополнились за счет львовских армян из-за развернувшейся там антиуниатской борьбы. Та часть польских армян, которая выступала против посягательств римской церкви, в конце концов оставила польские пределы. Уход польских армян подтверждается свидетельством Аракела Даврижеци, который сообщает, что очень многие из польских армян, преданные отечественной религии, «оставили свои дома и обжитые места, ушли с коренной земли, отколовшись от своих семей и родственников, как чужестранцы и изгнанники, странствуют на чужбине»⁴.

Весьма вероятно, что один из потоков переселенцев достиг Крыма. Такой вывод подкрепляется двумя обстоятельствами: во-первых, польские армяне постоянно поддерживали тесные связи со своими соотечественниками в Крыму, где в тот период деятельность католических миссионеров фактически не представляла опасности. Эти вековые экономические и культурные связи не могли не послужить для польских армян притягательной силой в период, когда они вынуждены были оставить свой очаг. И они перебирались в Крым точно так, как в 1475 г. крымские армяне переселялись во Львов и другие польские населенные пункты. Во-вторых, возможно, что в Таврикию стекались те из армян, которые в тот момент имели там определенные экономические интересы и были связаны с семьями крымских армян родственными узами.

Таким образом, армянские колонии в Крыму в средние века зачастую меняли свой облик: их контингент то пополнялся, то редел, — все зависело от исторически сложившихся условий не только в Крыму, но и в самой Армении и сопредельных ей странах, а также от тех связей, которые крымские армяне поддерживали с родиной и с армянскими общинами в других странах.

¹ Չրիճոր Ղարաճաղճի, указ. соч., с. 51.

² Там же, с. 322—323.

³ Там же, с. 69.

⁴ Առաքել Ղալիճեցի, указ. соч., с. 384.

Мы отметили деловые связи крымских армян с Арменией, Киликией, армянскими колониями во Львове, Константинополе, Молдавии и других местах. Было бы, однако, односторонне сводить их связи с родиной и со своими соотечественниками в других странах лишь к сфере торговой деятельности. Дошедшие до нас даже немногочисленные сведения достоверно свидетельствуют, что эти связи касались также культурных, церковных и других сфер жизни крымских армян. С самого начала своего существования армянские колонии в Крыму привлекали к себе внимание культурных и церковных деятелей Армении, по разным причинам посещавших их. Так, из памятной записи армянской рукописи, составленной в Сурхате, мы узнаем, что ее автор Тертер Ереванци, оставив родину, через Грузию, прибыл в Каффу по морю, так как имел разногласия с другими священниками¹. В 1344 г. в Каффу приехал священник Мкртыч, «родом из Баберта» (Западная Армения), по заказу которого переписывалось евангелие². В 1359 г. писец Аслан из Эрзерума занимался в Сурхате рукописным делом³. В том же столетии «знаменитый и плодотворный» писец Натер из Баберта переселился в Крым⁴. Можно предположить, что в первой половине XVI в., когда потоки армянских переселенцев из Золотой Орды прибыли на полуостров, их ряды там частично пополнили также переселенцы из самой Армении.

Армянские колонии в Крыму были объектом постоянного посещения «духовных отцов» из Эчмиадзина. В 1368 г. в Крым прибыл некий Тер-Оганес с целью «кафедрального посвящения Северной страны»⁵. В 1443 г. в Каффе жил известный церковный деятель и тахасац (поэт) Мкртыч Нагаш⁶. В 1477 г. он вновь посетил Каффу и увез оттуда церковную утварь и одеяния⁷.

Представители Эчмиадзина и «духовные отцы» из других мест постоянно посещали Крым с целью сбора пожертвований. Строгая периодичность такого рода мероприятий зачастую

¹ L. U. Խաչիկյան, ԺՂ դարի հիշատակարաններ, էջ 287.

² Там же, с. 341.

³ Там же, с. 443.

⁴ Там же, с. 730.

⁵ Там же, с. 485.

⁶ Ղ. Ալիշան, Հայաստանում, Վենետիկ, 1902, էջ 574 (Г. Алишан, Айапатум, Венеция, 1902, с. 574).

⁷ L. U. Խաչիկյան, ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մաս Ա, Երևան, 1955, էջ 625 (Л. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XV в., часть I, Ереван, 1955, с. 625).

придавала им характер налогообложения. В 1449 г. с таким поручением Крым посетил посланец католикоса Тер-Мартирос¹, а в 1506 г. в Каффу прибыли сразу три посланца Эчмиадзина — епископы Оганес и Саркис и иеромонах Давид². Из Каффы, с той же целью, они направились в Молдавию, что свидетельствует о существовании там армянской колонии.

Армянские рукописи сохранили особенно богатые сведения о деятельности сборщиков пожертвований в XVII в. В 1629 — 1631 гг. представитель Эчмиадзина архимандрит Хачатур для сбора пожертвований назначил в Крым даже своих исполнителей, которых послал «в Кеозлев, Бахчисарай, в деревни, расположенные около реки Кара-су, вообще всю крымскую страну». От каффских армян он требовал деньги, и писец Хачатур Каффаяци жалуется, что «не было возможности для сбора денег». Затем представитель Эчмиадзина, по-видимому, недовольный собранными средствами, сам лично обходит все армянские поселения на полуострове, требуя пожертвований. Остановившись в Карасубазаре, он заставил каффских «богачей» и «священников» явиться к нему и внести деньги за армянские церкви. «От трех церквей потребовал 100 курушей, от двух церквей — 30 курушей, от нашей церкви св. Тороса — взял 30»³. Такую же деятельность развернул архимандрит Габриэл, в 1650г. посетивший Каффу, Карасубазар, Бахчисарай, Евпаторию и армянские деревни⁴. Скандальная история произошла с Григором Даранахци, которого вместе с Тер-Симоном и Тер-Минасом армяне каффского предместья Кашот прогнали, приняв за авантюристов, так как накануне некий Воскан из Джуги, выдав себя за ученика архимандрита Азария, обманул их и вынудил собрать пожертвования⁵. В 1732 г. «для сбора денег»⁶ в пользу Эчмиадзина прибыл в Крым архимандрит Микаел, а в 1744 г. — теолог епископ Даниэл. Мирской приговор, предъявленный последнему крымскими армянами, свидетельствовал о том, что посещения католикосских посланцев носили традиционный характер. «По обыкновению наших предков, — писали они, — приходят к нам и в нашу страну верховные посланцы из Святого Эчмиадзина»⁷. С конца

¹ Там же, с. 641.

² «Հայոց նոր վանքեր, Վաղարշապատ, 1903, էջ 340 («Новые армянские мученики», Вагнат, 1903, с. 340).

³ Վ. Հալոբեյաճի, Սան Ժամանակագրություններ, հատ. 1, էջ 218:

⁴ Там же, с. 226.

⁵ Գրիգոր Դարանահի, указ. соч., с. 60 — 68.

⁶ Матенадаран, рукопись № 1050, л. 310 — 311.

⁷ Там же, архив, фонд Канцелярия католикоса, папка I, док. 43.

XVIII и начала XIX вв. сбор пожертвований стал регулироваться особыми канонами главы армянской церкви и эчмиадзинского синода.

Каковы бы ни были цели прибываний католикосских посланцев, все же нельзя игнорировать то, что они играли определенную роль в деле поддержания связей с родиной. Этому способствовали также паломничества: из Крыма на родину и наоборот. Известным святым местом был знаменитый армянский монастырь Сурб-Хач. Одна из рукописей свидетельствует, что в 1423 г. здесь побывал паломник из Ахалциха Степанос, заказавший эту же рукопись. В Каффе он встретил архиепископа Матеоса, ученика известного философа и мыслителя Григора Татеваци¹. Значит, из Крыма приезжали учиться в Татевский университет в Армении или некоторые из его выпускников продолжали свою деятельность среди таврических армян.

Тесную связь поддерживали крымские армяне со своими соотечественниками во Львове и других местах, подвластных Польше. В их отношениях большую роль сыграла торговля Востока с Западом, идущая через Крым и Львов, а также то обстоятельство, что польско-армянские поселения периодически пополнялись выходцами из армянских колоний на Таврическом полуострове. Одним из ярких проявлений связей между польскими и крымскими армянами служит кафедральный собор, построенный армянскими купцами из Каффы во Львове в 1363 г.² Эта церковь и поныне возвышается в центре Львова, на Армянской улице. Армянские колонии в Крыму постоянно посещали армянские писцы из Западной Украины. В 1639 г., например, переписал четвинеи Хачатур Лехаци, родом из г. Каменца³.

С целью сбора пожертвований в армянские колонии Крыма прибывали также священники-армяне из Львова, Каменца и др. мест Западной Украины. В 1630 г., например, «из польского дома» приехал в Каффу Тер-Хачатур, а в 1650 г. — архимандрит Оганес. О первом из них хронист Хачатур пишет: «посланец архимандрит осудил священников, 4—5 священникам запретил (вести богослужение), оштрафовал, брал золото, книги, кресты, чаши, часть — добровольно, часть — недобровольно, а народ отлучил... Обошел все церкви города, что ни дали, брал,

¹ L. U. Խաչիկյան, Ժե դարի հիշատակարաններ, մաս Ա, էջ 312:

² Մանկոպսկի Տադեոզ, Արվեստը հայ գաղութներու մեջ, «Հանդես անսորեայ», 1934, 3-4, էջ 125 (Т. Манковский, Искусство в армянских колониях, «Андэс амсореа», 1934, № 3—4, с. 125).

³ Матенадаран, рукопись № 7368, л. 218—450.

дали ему посохи, книги...»¹. В школе униатов, открытой во Львове, учились и дети крымских армян².

Армянские колонии в Крыму имели вековые связи с константинопольскими армянами, а также с Киликийским армянским государством. Как уже было сказано, свои религиозные споры, начиная с 70-х годов XV в., они улаживали по указаниям константинопольского армянского патриарха. В 1391 г. каффские армянские купцы построили в Константинополе церковь Св. Григория Просветителя.

Связи с Киликийской Арменией таврические армяне поддерживали как в период существования там армянского государства, так и после утраты армянской государственности. Киликийский армянский католикос имел в Каффе своего наместника. В 1430—1437 гг. в армянской епархии в Крыму предводительствовал посланец сисского (Киликийского) армянского католикоса Карапет³. Вообще Крым и г. Каффа в частности упоминается как место постоянного пребывания киликийцев. В 20-х годах XIV в. в Каффе жил епископ Степанос, который, отправляясь на родину, оставил в Каффе евангелие, привезенное им из Киликии. Рукопись иллюстрировали восемь армянских киликийских художников, в их числе такие выдающиеся мастера как Торос Рослин и Саркис Пицак⁴. О тесных отношениях с Киликией свидетельствует, безусловно, и тот факт, что в памятных записях крымских армянских писцов XIV в. очень часто упоминаются имена киликийских армянских царей и католикосов, чем как бы подчеркивается признание их светского и духовного верховенства.

Сношения с родиной и армянскими колониями на чужбине, какой бы характер они ни принимали, во многом способствовали сохранению и развитию армянской национальной культуры и ее традиций в средневековых армянских колониях на Таврическом полуострове.

¹ «Մանր ժամանակագրություններ», հ. I, էջ 218:

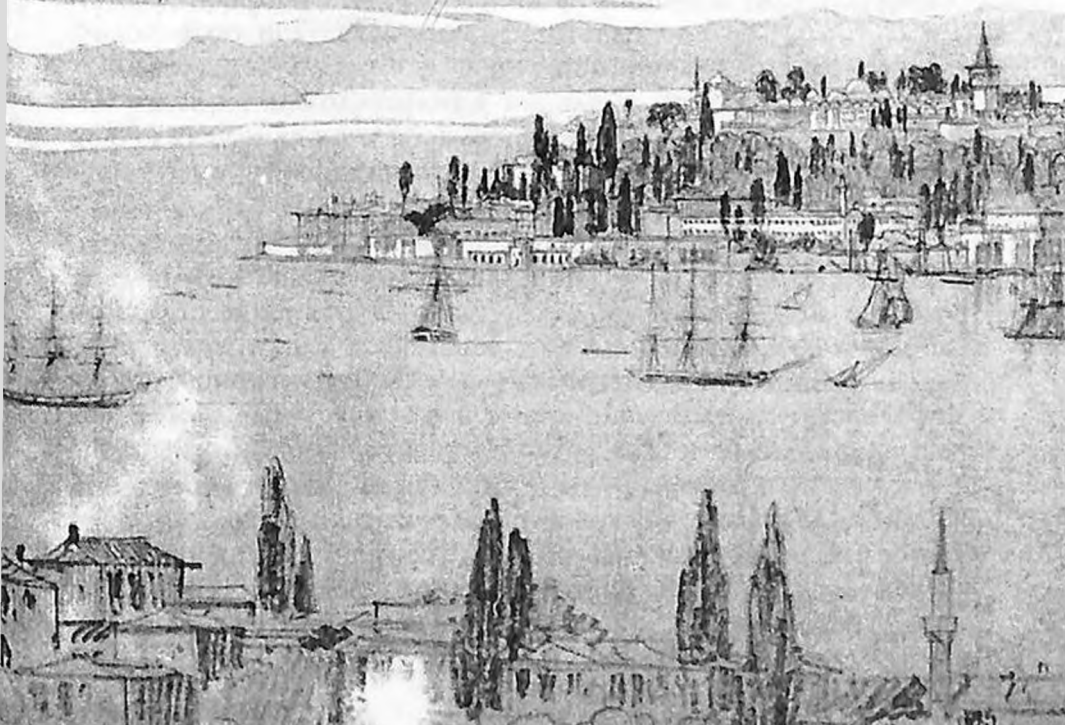
² «Բռնի միութիւն», էջ 128:

³ «Դանդէս անսօրեայ», 1935, դ 1—2, էջ 34, 37:

⁴ L. U. Խաչիկյան, ԺԴ դարի հիշատակարաններ, էջ 162—163:

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Крым — видный центр
средневековой армянской
культуры

Во всех своих проявлениях (архитектура, школа, живопись (миниатюра), литература, художественные ремесла, рукописное дело и др.) культура крымских армян продолжала и развивала лучшие традиции многовековой культуры армянского народа. Она сумела пройти сквозь столетия и сохранить свой национальный облик, несмотря на то, что в Крыму, в этом пестром клубке национальных отношений, претерпевала неизбежные изменения, обусловленные чужой средой и инородным влиянием. Однако влияние это носило обоюдный характер: армянская культура, в свою очередь, наложила свой отпечаток на различные области культуры других местных народов, в частности, на их архитектуру и керамику.

***

В развитии средневековой армянской культуры в Крыму важную роль сыграли школы. По сведениям армянских письменных памятников, при армянских церквях и монастырях в Крыму в средние века существовали школы, в которых наряду с богословием ученики получали светские знания, изучая грамматику, арифметику, географию, рукописное дело, риторику, философию, искусство миниатюры и др.

Одна из школ в XV в. функционировала при монастыре Св. Антона, находившемся недалеко от Каффы. Из всех каффских школ того времени она, вероятно, была наиболее популярной. Воспитанники этой школы — известные писцы Тадеос Авраменц и Христосатур — оставили о ней достоверные сведения. Учащиеся в школе при монастыре св. Антона, среди них и Тадеос Авраменц, в 1427 — 1428 гг. слушали лекции архимандрита Саркиса по древнегреческой философии, в том числе по философии Аристотеля и Порфирия. Писец Христосатур называет архимандрита Саркиса «великим учителем». Его воспитанники знакомились также с философскими взглядами армянских мыслителей Давида Непобедимого, Ована Воротнеци и др. «Великий учитель» и «оратор» Саркис был не кто иной, как наместник Киликийского армянского католикоса в Крыму. Впоследствии он возглавил армянскую делегацию на флорентийский вселенский собор. Именно его стараниями был восстановлен монастырь

Св. Антона, при котором он открыл школу. По мнению А. Алпояджяна, эта школа функционировала с 1425 г. по 1475 г.¹

Среди крымских армянских школ особое место занимала школа при монастыре Сурб-Хач, деятельность которой, начиная с XIV в., с перерывами продолжалась на протяжении веков. Прибывавшие сюда в разное время из Армении и других мест ученые люди, писцы, миниатюристы годами жили в монастыре, занимаясь преподавательской деятельностью, рукописным делом и т. д. Одним из них был поэт Степанос Тохатеци, у которого в 1614 г. здесь было много учеников². Но Сурб-Хач в этом отношении не являлся исключением. Немало школ имелось при церквях и монастырях Каффы, Карасубазара и Сурхата. Косвенные и прямые упоминания об этих школах содержат памятные записи и произведения тогдашних поэтов. Одним из знаменитых учителей конца XVI начала XVII вв. был, например, «мудрейший и гениальный» Мкртыч, у которого получил образование Оганес, впоследствии также ставший известным педагогом³. У него, в свою очередь, учились такие выдающиеся личности, как Хаспек (Хачатур Каффаеци) — известный крымский армянский поэт XVII в. Поэт Симеон Каффаеци именует его — «воспитателем души», «великим философом», «глубокомыслящим оратором», «толкователем древних и новых сочинений» и т. д.⁴. Будучи разносторонне развитым человеком — преподавателем, писцом, Хаспек, естественно, передавал своим ученикам богатые знания. Он учительствовал как в Каффе, так и в Старом Крыму⁵.

В 30—40 гг. XVII в. в Сурхате широкой популярностью пользовался педагог иеромонах Захар. Его ученики в числе других предметов изучали также летосчисление. Примерно в этот же период в Каффе функционировала и школа священника Нерсеса⁶.

Недостаточность материала не дает возможности подробно остановиться на деятельности каждой школы. Однако несомненно то, что в городах Каффа, Сурхат и Карасубазар, в

¹ Ա. ԱլփոյձՅան, Պատմութիւն հայ գաղթականութեան, հ. Բ, Գահիրե, 1955, էջ 367 (А. Алпояджян, История армянских поселенцев, т. II, Каир, 1955, с. 367).

² Ա. ԱլփոյձՅան, Հինգ Կաթողիկոս տաղասացներ, էջ 126:

³ «Հանդես անսօրեայ», 1935, 5—7, էջ 336—337:

⁴ Там же, с. 343.

⁵ Там же, с. 338.

⁶ Ա. Բրրահանյան, Վարդան Կաֆայեցու շափածո տոմարը, «Էջմիածին», 1954, դ 9, էջ 28 («Эчмиадин», жур. 1954, № 9, статья А. Абраамяна «Стихотворное летоисчисление Вардана Каффаеци»).

известных центрах создания армянских рукописей в XIV—XVIII вв. имелось немало очагов образования, в которых, по упоминанию современников, ученикам давались более или менее существенные светские знания.

• • •

Средневековый Крым был одним из значительных армянских рукописных центров. До нас дошли сотни рукописей, созданных в Крыму. Но много рукописей и других культурных ценностей, вероятно, были уничтожены во время религиозных преследований, постоянных междоусобиц и распрей татарских феодалов, внутривосточных неурядиц в ханстве. Несмотря на это, дошедшее до нас культурное наследие крымских армянских писцов и миниатюристов свидетельствует о высоком мастерстве рукописного дела в колонии. Многих из местных мастеров можно по праву поставить в один ряд со знаменитыми армянскими писцами и художниками средних веков.

Среди рукописных очагов большой славой пользовалась Каффа. Представители каффской школы оставили потомкам многочисленные рукописи, культурно-историческое и научное значение которых трудно переоценить. По своему мастерству от каффских писцов и художников мало в чем отстают сурхатские рукописцы. В городском квартале, носившем название «Верин Охетнер», при церквях Св. Богоматери, Св. Григория Просветителя и при монастыре Сурб-Хач они создали много рукописей, часть которых дошла до нас.

Основываясь на письменных свидетельствах, необходимо к рукописным очагам крымских армян причислить также Карасубазар, Кеозлев, Бахчисарай и другие места средневекового Крыма.

Из среды крымских армян в XIV—XVIII вв. вышло немало выдающихся мастеров — писцов, которые были продолжателями лучших традиций армянского рукописного искусства.

Особое место среди всех крымских армянских писцов занимает «знаменитый и плодотворный» Натер со всей своей семьей: сыновьями, внуками и правнуками. Деятельность его относится к первой половине XIV в. До нас дошло 10 рукописей, переписанных Натером. Девять из них ныне хранятся в Матенадаране (Ереван). Натер был не просто переписчиком. Сделанные им в рукописях памятные записи содержат ценные сведения о современных событиях и свидетельствуют о его широком

кругозоре и большой эрудиции. Известными писцами были также сыновья Натера: Аветис, Степанос, Оганес и Григор. Из них самым плодотворным был Аветис, который одновременно пользовался славой отличного миниатюриста. Примеру деда и отцов следовали и внуки.

Школа Натера оказала значительное влияние на искусство армянских писцов в Крыму. Слава Натера и его последователей пронеслась сквозь века, и в одной из рукописей, относящейся к 1718 г., Крым именуется не иначе, как «домом Натеранц, мудрых писцов»¹.

В XIV в. известными писцами были также Григор Сукиасанц, Симеон и Антон и др. Двое первых работали в Сурхате, а последний — в Каффе. В ереванском Матенадаране и в книгохранилищах других городов сохранилось много рукописей XIV в., принадлежащих их перу и созданных другими мастерами. Они, в основном, переписаны в 1332 — 1359 гг. Особенно плодотворным был труд Гр. Сукиасанц, который двадцать лет своей жизни (1332 — 1352 гг.) посвятил рукописному искусству. До нас дошли переписанные им в Сурхате четыре рукописные книги².

Последующий, XV в. также характеризуется расцветом творческих сил писцов и художников-иллюстраторов, миниатюристов. В первой половине XV столетия развернули активную деятельность такие выдающиеся представители крымской школы рукописного дела, как Христосатур, Тадеос Авраменц, Оксент и др. Христосатур сам составлял, переписывал и иллюстрировал рукописи³. Он работал в различных армянских поселениях в Крыму, и, в основном, близ Каффы, в монастыре Св. Антона, настоятелем которого он был начиная с 1449 г.⁴ В числе рукописей, переписанных и иллюстрированных Христосатуром, имеется сборник стихотворений Нерсеса Шнорали⁵, одного из видных представителей средневековой армянской поэзии. До нас дошли 7 рукописей, принадлежащих перу Христосатура и ныне хранящихся в ереванском Матенадаране.

Почти в эти же годы, в том же монастыре Св. Антона работал другой писец, уже известный нам Тадеос Авраменц,

---

¹ Матенадаран, рукопись № 3343, л. 338.

² Матенадаран, рукопись №№ 7664, 7048, 591, 3046.

³ Там же, рукопись № 7686, л. 280 об.; см. также Л. У. Խաչիկյան, ժեղարհի հիշատակարաններ, մաս Ա, էջ 395:

⁴ Л. У. Խաչիկյան, ժեղարհի հիշատակարաններ, մաս Ա, էջ 641:

⁵ Там же, с. 798.

который здесь слушал лекции по философии. Занятия философией оставили свой отпечаток на характере творчества Тадеоса. Среди переписанных им рукописей преобладают философские произведения, в их числе «Толкование философских произведений Ована Воротнеци» и «Сборник», включающий в себя философские труды¹. Переписанная им другая работа — «Житие святых» — свидетельствует о том, что Тадеос составил эту рукопись на основе сличения многих свидетельств и рукописей, а также с использованием греческого оригинала².

Установление турецкого господства и усиление татарской власти отрицательно повлияли на культурное развитие Крыма. Многочисленные армянские рукописи, относящиеся к XIV—XV вв., видимо, были уничтожены во время татарских бесчинств, и особенно в период падения Каффы, когда все предавалось огню и мечу. Об этом говорит и тот факт, что из дошедших до нас примерно 250 армянских рукописей, созданных в Крыму, более 170 рукописей относятся к XVII—XVIII вв., т.е. созданы спустя более чем 100 лет после событий, связанных с завоеванием Крыма Турцией.

В XVII—XVIII вв. известным очагом создания рукописей наряду с Каффой являлся и Карасубазар. Многие из писцов этих городов оставили по 10 и более книг³. Заслуживают упоминания и уважения Захария Абега, Никогос Меланавор, Оваким Ерец, Хаспек, Давид Ерец, Христосатур и другие.

подавляющее большинство армянских рукописей было церковного характера, но это не умаляет их научной ценности. Они представляют большой интерес не только для исследователей, занимающихся изучением средневековых рукописей, но и для историков, археологов, искусствоведов и других специалистов, так как содержат большой фактический материал. Эти рукописи, особенно их памятные записи, дают богатую пищу для изучения истории не только самого Крыма, но и Украины, Молдавии, Северного Кавказа и территории Азовского и Черноморского бассейнов.

В истории армянского искусства заметный след оставило наследие крымских армянских художников-миниатюристов, творчество которых развивалось под непосредственным влиянием

¹ Там же, с. 394.

² Там же, с. 400 и 701.

³ Матенадаран. см. «Именной-алфавитный хронологический список писцов».

произведений различных письменных центров Армении. Несмотря на это и на отдельные заимствования из творчества византийских и итальянских мастеров, работы армянских миниатюристов в Крыму имели свои специфические черты и особый почерк. Творчески развивая лучшие традиции отечественной живописи, армянские мастера здесь создали свою особую крымскую армянскую школу книжной миниатюры¹. В середине XIV в. в числе представителей этой школы выдвинулись сын Натера Аветис и Аракел, творчеству которых присуща некоторая монументальность. В своем исследовании, посвященном творчеству Аветиса, Э. Корхмазян справедливо отмечает, что любовь к глубокому синему цвету, подчеркнутые контуры и восточный тип лиц связывают работы Аракела с коренной Арменией, хотя он многое заимствовал и у киликийских армянских мастеров². Талантливым был и миниатюрист Аракел, для творчества которого характерны насыщенность тона, своеобразный колорит, монументализм, торжественность³.

Особенно сильное влияние на творчество крымских (да и не только на крымских) армянских миниатюристов оказывали работы киликийских мастеров. К числу таких художников относятся, например, Христосатур и Оксент. Работы Христосатура ничем не отличаются от миниатюр киликийских мастеров. Оксент же является автором миниатюр небольших рукописей, оформленных с большим вкусом⁴. Известным художником был также внук прославленного Натера Оганес, исполнивший некоторые работы в графическом стиле.

Среди миниатюристов Крыма XVII в. выделяются имена Хачатура, Никогоса и др. Хотя по своему мастерству их работы уступают наследию художников XIV—XV вв., все же они представляют определенную художественную ценность, ибо многие из миниатюристов этого периода достигли большого профессионализма. Плодотворным был Никогос, за изящную работу получивший прозвище Меланавор. В ереванском

¹ Э. Корхмазян, Искусство крымских армян (статья, написанная для трехтомника «Истории армянского искусства»), рукопись, с. 4.

² Է. Կորխմազյան, Դրիմի հայ մանրանկարիչների մի ընտանիքի մասին, «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1968, դ 2, էջ 184–190 (Э. Корхмазян, Об одной семье армянских миниатюристов в Крыму, «Историко-филологический журнал», 1968, № 2, с. 184–190, на арм. языке).

³ «Բանբեր Սատենադարանի», դ 6, էջ 321–335, Է. Կորխմազյանի հոդվածը, «Դրիմի հայ մանրանկարիչ Սաքելը» («Вестник Матенадарана, № 6, с. 321–335, статья Э. Корхмазян «Крымский армянский миниатюрист Аракел»).

⁴ Э. Корхмазян, Искусство крымских армян, с. 12–14.

Матенадаране ныне хранятся 26 рукописей, иллюстрированных Никогосом. В своих работах Никогос широко использовал традиции таких выдающихся мастеров киликийской армянской живописи, как Саркис Пицак, Торос Рослин и др.¹.

Наряду с развитием миниатюры у крымских армян получили широкое распространение и другие виды искусства, например, фрески и рельефы. Хотя эти произведения дошли до нас в весьма ограниченном количестве, все же они свидетельствуют о большом мастерстве их исполнителей, свободно владевших средствами художественной выразительности и достигших совершенства в своем деле. Некоторые из рельефов представлены в работах А. Л. Якобсона², фрески изучены О. И. Домбровским³.

...

Несомненный литературно-исторический интерес представляет наследие армянских тахасацев (поэтов, певцов) в Крыму. Это одна из прекрасных страниц средневековой армянской поэзии. Творчество крымских поэтов-тахасацев достигло особого расцвета в XVII в. В Крыму, вдали от родных берегов, тахасацы своим творчеством стимулировали расцвет национальной культуры и родной речи, в меру своих сил и возможностей удовлетворяя духовные потребности местного армянского населения. В противовес мрачному средневековому аскетизму основным мотивом произведений армянских поэтов в Крыму является интерес к природе и к светской жизни. Они воспевают любовь и природу, отчизну, положение странника на чужбине. Их творчеству не чужды юмор и острая сатира. Они бичуют сторонников отсталости и тьмы. В некоторых произведениях этих поэтов проскальзывают интонации социального протеста, глухое (порой и явное) недовольство классом имущих.

Творчество тахасацев, вероятно, пользовалось большой популярностью среди армянского населения в Крыму, о чем говорят народный стиль и доступный язык их произведений, разнообразная тематика, охватывающая различные стороны жизни армянских поселений.

Кратце остановимся на характеристике творчества некоторых тахасацев.

¹ «Երկնայան Երևան», դ120, 1969 («Ерекоян Ереван», № 120, 1969).

² «Византийский временник», 1956. VII, с. 166 — 191.

³ О. И. Домбровский, Фрески средневекового Крыма, Киев, 1966, с. 74 — 77.

Симеон Каффаеци (Хрмпейоглы). Родился в Каффе и всю жизнь провел там. Точно неизвестны даты его рождения и смерти. Достоверно лишь то, что его песни (тахы) относятся к 1683—1686 гг.¹ Симеон происходил из семьи ремесленников, по специальности был сапожником и даже собирался по каким-то причинам оставить это занятие, ибо в песне «Красива роза средь всех цветов», словно упрекая себя, восклицает: «брось сапожное дело!»².

Постоянное общение с простыми людьми и трудовой образ жизни оставили свой отпечаток на его творчестве, придав ему народный характер.

Симеон Каффаеци — преимущественно певец любви и природы, наделенный выразительным поэтическим талантом. Достаточно упомянуть названия некоторых стихов Симеона, чтобы составить представление о его поэтических наклонностях, об основной теме его творчества. Вот некоторые из них: «Любовной радости час наступил, знай!», «Красива роза средь всех цветов», «Сердце мое любовью уязвлено», «Прилетай, соловей весенний, возвещай радостную весть», «Прошли и холод, и зима, и печаль земная» и др.

Мотивы любви у Симеона нашли лирическое воплощение в стихотворении «Любовной радости час наступил, знай!» («О радости»), начинающемся с нежного послания любимой девушке. Поэт не скупится на слова, во всей красе изображая свою возлюбленную. В соответствии с канонами средневековой восточной поэзии, у Симеона в качестве знаков красоты выступают дары природы — цветы и фрукты. Именно ими он украшает свою девушку, именуя ее «плодоносным деревом», «цветообильной лилией» и «королевой средь всех цветов»³.

Одой природе и любви звучит стихотворение Симеона «Прилетай, соловей весенний». Весеннего соловья поэт объявляет «гласом, возвещающим радость», а южный ветерок — это утешитель в ожидании наступления весны.

Соловей весенний, прилетай,
Гласом радости возвещай,
Дуновением юга сладким,
Приходом своим утешай⁴.

¹ «Հանդես անօրինայ», 1936, դ 3-4, էջ 200 («Андэс амореа», 1936, № 3—4, с. 200).

² Матенадаран, рукопись 1638, л. 217 об.

³ Կ. Վրուտանյան, Լոր ժողովածու, արևի Գ, Թիֆլիս, 1896, էջ 54—56 (К. Костанян, Новый сборник, т. III, Тифлис, 1896).

⁴ Матенадаран, рукопись № 1636, л. 91, 98. Перевод с армянского на русской язык как этого, так и последующих стихов сделан нами (В. М.).

⁵ Там же, л. 98 об. — 101.

В творчестве Симеона весна, в противовес зиме, являет собой символ любви, радости и красоты¹. Вместе с цветами и зеленью полей она приносит «ликование всем» и «поруг радости». Песня о природе, о человеческом ликовании при виде обновления, возрождения жизни достигла поэтического совершенства в тахе «Прошли и холод, и зима, и печаль земная». Весна, по словам поэта, дарит всем жизнь и счастье, расцветает роза, соловей прилетает повидаться с ней, а птицы хором поют радостную песню. Самое совершенное существо природы — человек не остается в стороне от этой общей симфонии природы: для него тоже весна — это «пора ликования, время отрицания печали».

Естественно, в мрачной тьме средневековья и в фанатичном мусульманском окружении, отравленном ядом ислама и суеверий, ненавистью к другим народам, поэзия Симеона Каффаеци звучала диссонансом эпохе. Его творчеству не чужда и грусть — в песнях, посвященных тяжелому положению странника на чужбине («Песня о страннике»²), выражающих тоску по родине. Это мотивы, характерные для жизни армянских колоний и тысяч странников (пандухтов) армян, которые ради куска хлеба уходят в чужие края.

Хаспек Ерец (Хачатур Каффаеци) (1610—1686). Является одним из знаменитых армянских тахасацев Крыма. Он обладал большим багажом знаний и, как уже отмечалось, был писцом, художником и поэтом. Хаспек жил и творил в Каффе и Сурхате, а в 1665—1671 гг., в течение 5—6 лет, — в Константинополе³. Возвратившись оттуда, он до конца своей жизни (1686 г.) не покидал Крым.

Часть творчества Хаспека, хотя оно и не полностью свободно от церковного влияния, относится к светской поэзии, так как ее лейтмотивом является воспевание людской любви и радости, восхваление природы с ее чудесными дарами. «Песня о любви и радости»⁴, написанная Хаспеком в 1670 г., одновременно является песней о природе. Восход весеннего солнца в его представлении — это то мгновение, которое дарит людям, и особенно влюбленным парам, радость и веселье. Именно в это

¹ Там же, л. 98 об. — 101.

² «13-18-րդ դարերի հայ աշխարհիկ գրականություն», Կազմեց Ս. Սվրյանը, Երևան, 1938, էջ 216: («Армянская светская литература XIII—XVIII вв.», составил М. Мкрян, Ереван, 1938, на арм. языке).

³ «Գիտական», գիրք Ա, խմբագրեց Յ. Ս. Պոլոսոբյան, Պոլսրեշտ, 1923, էջ 139 («Дицаван», книга I, ред. А. М. Путурян, Бухарест, 1923, с. 139, на арм. языке).

⁴ Կ. Կուսանյան, указ. соч., с. 12—15.

мгновение призывает поэт свою любимую ликовать на лоне природы. Изображение природы Хаспек доводит до полного совершенства в «Песне о розе и благоуханных цветах»¹, где воспеваает и красоту сада цветов, и чудесную песнь птиц.

В рукописях ереванского Матенадарана сохранились и другие песни Хаспека, которые в основном написаны на различные религиозные темы.

Вардан Каффаеци (1615—1712). Родился в Каффе и дожил до глубокой старости. Образование получил в Сурхате у педагога Захара, а затем в Каффе у епископа Хачатура². В 1680 г., идя навстречу письменной просьбе — посредничеству армянских общин в Крыму, католикос всех армян Акоп Джугаеци возвел его в епископский сан. Приняв его, Вардан становится духовным предводителем армянской епархии в Крыму и до конца жизни остается на этой должности. Его стихи, кроме одного («Песня о розе»), церковной тематики и не представляют особой художественной ценности, но они содержат важный материал по истории строительного дела в Каффе в XVII в. и в этом отношении имеют определенное историческое значение. «Песня о розе» написана Варданом в 1659 г. в пути, когда он из Иерусалима возвращался на родину, в Крым. В ней певец широко использовал народные мотивы, что характерно и для других армянских поэтов XVII—XVIII вв.

Вртанес Каффаеци — тахасац XVI в. Он был родом из села Гилан Араратской области Великой Армении. Вместе со своим другом детства он переселился в Сучаву. Последние десятилетия (1560—1570) своей жизни он проводит в Каффе, в качестве епископа местных армян. Здесь в 1567 г. он стал очевидцем мытарств Парон-Луйса и об этом оставил памятную запись и мартирологическую песню³.

Некоторые из тахов, написанных Вртанесом, затрагивают чисто социальные темы и являются отражением многих реальных сторон жизни крымских армян во второй половине XVI в. и именно этим представляют значительный интерес. Его перу принадлежат, например, стихи «О нужде Каффы» и «О некоем богаче». Первое написано в Каффе в 1560 г.⁴ Это стихотворение представляет ценность особенно в историческом плане, так как оно в образной форме передает сведения о тяжелом положении, возникшем в городе вследствие всеобщего голода.

¹ «13–18-րդ դարերի հայ աշխարհիկ գրականությունը», էջ 204–205:

² «Էջմիածին», 1954, դ 9, էջ 28:

³ «Հայոց նոր վկայներ», էջ 394; Матенадаран, рукопись № 2939, л. 465.

⁴ Матенадаран, рукопись № 3081, л. 119—120 с об.

Был голод очень страшный,
Косил он многих безжалостно,
А татары, озверевшие,
Выкопав мертвецов, съедали.
Ни кошек, ни собак не оставили,
Без разбора все съели,
Все разбойниками стали,
И друг друга убивали¹.

Это же стихотворение повествует о том, что многие горожане распродали все свое состояние (а другие обратились в бегство в другие страны). «Многие из горожан», по словам Вртанеса, даже «продавали своих детей татарам и туркам», а другие «выгоняли из домов своих родителей».

Простым и понятным языком в стихотворении «О некоем богаче»² Вртанес высмеивает представителя армян из богатого сословия города, который прячет книги — эти источники света и знаний — в чемоданах, сам не читает их и не дает читать другим. Вртанес образно сравнивает его с невеждой, который убивает «светящуюся свечу и прячет ее в своем чемодане», или с человеком, «закрывающим родники и лишаящим людей источника питья». Бичуя невежество и его сторонников, Вртанес в этом стихотворении, состоящем из 50 четверостиший, выступает поборником распространения знаний, образования, восхваляет людей, преданных этому делу. Все это дает основание заключить, что Вртанес в вопросах образования и просвещения стоял в ряду передовых людей своего времени.

Степанос Тохатеци. Вртанес не составлял исключения среди тех, которые переселялись из Армении в Крым и продолжали там свою творческую деятельность. Таким был и Степанос Тохатеци, который жил в Крыму в первые два десятилетия XVII в. Он слагал стихи о Каффе, ее церквах, священниках. Имеются также сатирические стихотворения, написанные Степаносом с большим мастерством и отражающие различные стороны жизни каффских армян.

Хев Каффаеци. Биографические сведения о нем не сохранились. Судя по содержанию двух написанных им стихотворений, нетрудно заключить, что он был родом из Каффы и жил там в XVII в. Оба эти лирических произведения³ посвящены теме любви, передают переживания самого автора. Они

¹ Там же, л. 119 об.

² Там же, с. 67–71 с об.

³ Матенадаран, рукопись № 7715, л. 13 с об.

написаны в стиле средневековой ашугской поэзии и, вероятно, в свое время имели широкое распространение среди крымских армян в качестве песен. Одна из них, носившая название «Личико ее прекрасно и светло», — это страстная мольба, обращенная к любимой девушке, где личные переживания юноши воплощены в красивых поэтических образах. Другая начинается со слов «Увидел я ее неожиданно», — это песня о любви, возникшей с первого взгляда.

Мартирос Крымеци (умер в 1683 г.). Этот известный церковно-политический и культурный деятель является в то же время одним из знаменитых тахасацев XVII в. Его творчеству, в котором «правдиво отражены общественная жизнь и нравы того времени»¹, присущи также юмор и сатира. В исследовании А. Мартиросяна обстоятельно изучено творчество Мартироса Крымеци и опубликованы его 20 стихотворений. В них М. Крымеци оплакивает горькую судьбу родного народа, его историческое прошлое, в жанре сатиры высмеивает теневые стороны современной жизни. Некоторые из его произведений, например, «История страны Крыма», содержат ценный исторический материал. В указанном произведении Мартирос Крымеци в стихотворной форме рассказывает историю Крыма и крымских армян. Особенно ценны сведения, касающиеся падения Каффы, налогов, турецко-татарских бесчинств, освободительного движения армянского населения и т.д. Он доводит свое повествование до 1672 г.

В числе крымских армянских поэтов-тахасацев XV — XVIII вв. достойны упоминания Григор Рабунапет, Степанос, Нерсес и другие, которые в основном жили и творили в Каффе.

Творчество поэтов-тахасацев, вероятно, пользовалось широкой популярностью среди народных масс, удовлетворяло их духовные потребности. Об этом говорят сохранившиеся стихотворные сборники и народные песни, большое число дошедших до нас имен поэтов и их произведений, написанных ярким, образным языком, близких к стилю народного творчества.

• • •

В армянской колонии Крыма определенное развитие получили такие науки как анатомия, естествознание, философия, богословие, летосчисление, риторика. О живом интересе

¹ Ա. Ա. Մարտիրոսյան, Մարտիրոս Դրիմեցի, էջ 8:

крымских армян к наукам свидетельствует тот факт, что местные писцы переписывали также философские, медицинские, грамматические и другие труды. Таврические армяне, по всей вероятности, добились особых успехов в области медицины. Это, в частности, подтверждается тем, что личными врачами ханов зачастую были армяне.

В XV в. в Каффе в качестве мыслителя и богослова пользовался известностью архимандрит Саркис. Саркис особенно прославился в искусстве риторики. В этой области также блистал «гениальный и мудрый оратор» Матеос, как уже было отмечено, ученик знаменитого Григора Татеваци¹. Почти в это же время получил свое образование в Татеве Тума Каффаеци — ученик Мхитаря Татеваци².

В последующие века из среды крымских армян также вышло немало ученых людей, мыслителей. Как уже отмечалось, в XVII в. широкой популярностью «мудрого мыслителя» и «толкователя древних и новых письменностей» пользовался Хаспек, а его современник Вардан был большим знатоком летосчисления. Составленное им в 1676 г. летосчисление в стихах является хорошим пособием и охватывает все летосчислительные варианты³.

Крымские армяне испытывали большую тягу к словесности, к художественному слову и народным песням. Именно им принадлежит приоритет в создании письменного сборника армянских народных песен. Первый такой песенник составил Хачгроз (Хачик Ерец, Хачатур Каффаеци). В него вошли 20 народных песен, из которых лишь четыре сохранились в других рукописях, остальные 16 до нас дошли благодаря Хачгрозу, которому при составлении песенника было всего лишь 16 лет⁴. Он же является автором «летописи» событий в Крыму первой половины XVII в. (1608—1656 гг.). Летопись содержит важные сведения об истории Крыма, русско-турецких отношений, о борьбе за Азов, турецко-татарских набегах и по многим другим вопросам⁵.

¹ L. U. h ա չ ի կ յ ա ն, Ժ Ե ր ա ի հ ի շ ա տ ա կ ա ր ա ն ն Եր, մ ա ս Ա, է ջ 312:

² Ղ. Ա ի ի շ ա ն, Մ ի ս ա կ ա ն, Վ Ե ն Ե տ ի կ, 1893, է ջ 241 (Г. Алишан, Сисакан, Венеция, 1893, с. 241, на арм. языке).

³ Ա. Գ. Ա ր ր ա հ ա մ յ ա ն, Վ ար դ ա ն Կ ա ֆ ա յ Ե ջ ու չ ա փ ա ծ ը տ ո մ ա ր ը, «Է ջ ը Ի ա ծ ի ն», 1954, դ 9, է ջ 30—31:

⁴ Ա. Մ ն ա ց ա կ ա ն յ ա ն, Հ ա յ կ ա կ ա ն մ ի ջ ն ա դ ա ր յ ա ն ժ ող ո լ թ ր ա կ ա ն Եր գ Եր, Եր կ ա ն, 1956, է ջ 10—11 (Ас. Мнацаканян, Армянские средневековые народные песни, Ереван, 1956, с. 10—11, на арм. языке); см. также Матенадаран, рукопись 7709.

⁵ «Ա մ ն ը ժ ա մ ա ն ա կ ա զ ու թ յ ու ն ն Եր», է ջ 205—236:

За время своего многовекового существования армянская колония развернула на полуострове широкую строительную деятельность, воздвигнув многочисленные сооружения, архитектура которых, претерпев некоторое влияние окружающей среды, в основном сохранила лучшие традиции армянского зодчества. К сожалению, до нас дошло сравнительно малое число этих памятников. Периодические войны, постоянные татарские набеги, а также стихийные бедствия оставили печальный отпечаток на армянских памятниках, превратив многие из них в развалины. Однако все же до нас дошло несколько церквей в Феодосии и в бывших армянских деревнях, находившихся между Белогорском и Феодосией, а также два монастыря: один — в селе Бахчели (Богатое), другой — в лесу, недалеко от Старого Крыма¹. Имеются также остатки гражданских и оборонительных сооружений, разбросанных в различных местах Крыма.

Среди всех армянских памятников особую архитектурную ценность представляет монастырь Сурб-Хач вблизи Старого Крыма. Его смело можно поставить в один ряд с крупнейшими архитектурными памятниками средневековой Армении. Надпись, опоясывающая купол храма, сообщает, что он построен в 1358 г. при пособничестве священника Оганеса и его товарищей. Монастырь состоит из храма и вспомогательных сооружений. Храм — высокое купольное сооружение. Его авторы, наверное, ставили перед собой задачу при сооружении весьма строго следовать национальным традициям, что им в основном и удалось, хотя в некоторых местах присутствуют отдельные детали, характерные для греческой и татарской архитектуры. Несмотря на то, что эти детали (например, капители) хранят черты влияния сельджукской архитектуры, по своему происхождению они чисто армянские², тем более, что архитектурный стиль самого храма остался верным армянскому национальному строительному искусству³.

---

¹ Армянская средневековая архитектура в Крыму нашла всестороннее и обстоятельное освещение в трудах известного ученого А. Л. Якобсона, см. его труды: «Средневековый Херсонес» (XII—XIV вв.), М.-Л., 1950; «Армянская средневековая архитектура в Крыму» («Византийский временник», VIII, 1956); «Армянский монастырь XIV века близ Белогорска в Крыму». («Историко-филологический журнал», Ереван, 1964, № 4). Об армянском средневековом искусстве в Крыму смотри также недавно вышедшие книги Е. А. Айбабиной «Декоративная каменная резьба Каффы XIV—XVIII вв.», Симферополь, 2001 и Е. Катюшина «Феодосия — Каффа — Кефе», Феодосия, 1998.

² «Византийский временник», VIII, 1956, с. 177—178 (статья А. Л. Якобсона).

³ Там же, с. 179—180.

Храм монастыря Сурб-Хач является таким архитектурным сооружением, которое современники ставили в один ряд с церквями Рима. Дортели д'Асколи, например, восхищаясь храмом монастыря, писал: «Этот храм, достойный Рима, и много высоких каменных жилищ широких размеров построены были братьями-армянами, которые и погребены в церкви»¹.

Огромный поток армянских переселенцев, прибывших в Крым в 30-х годах XIV в., развернул на полуострове широкую строительную деятельность. К памятникам, сооруженным в этот период, относится церковь Иоанна Крестителя в феодосийском карантине. А. Л. Якобсон подчеркивает, что эта церковь и некоторые другие сооружения были построены с некоторыми неизбежными отклонениями от родных образцов, «которые (т.е. отклонения — В. М.) вызваны были применением местных строительных материалов и связанной с ними местной строительной техники бутовой кладки»². Несмотря на это, церковь Иоанна Крестителя, построенная в 1348 г., является интересным памятником армянской средневековой архитектуры, на котором «можно наблюдать» «черты собственно армянской архитектуры»³. Церковь Иоанна Крестителя известна рельефными фигурами святых — двенадцати апостолов, в центре которых крупная фигура Христа, — изображающими сцену евхаристии. Такое изображение святых не имеет себе подобных в армянском зодчестве, и поэтому О. Х. Халпахчян считает его «творчеством армян-зодчих Крыма»⁴. А. Л. Якобсон в связи с этим отмечает, что хотя передача сцены евхаристии в рельефе не имеет аналогов, «зато изображение евангельских сцен, а также всей сцены евхаристии в рельефе известны в Армении». Он подчеркивает, что изображение святых в Армении стилистически очень близко к той манере, «в какой выполнены рельефы армянской церкви Крыма»⁵, т.е. церкви Иоанна Предтечи (Крестителя).

Близ городских стен, внутри города находится армянская церковь св. Архангелов Гавриила и Михаила. Сохранившаяся надпись гласит, что она построена в 1408 г. «Сей храм построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила, служителей бо-

¹ ЗООИД, т. 24, II, с. 106.

² «Византийский временник», VIII, с. 173.

³ Там же, с. 181.

⁴ О. Х. Халпахчян, Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957, с. 21.

⁵ «Византийский временник», VIII, 1956, с. 183.

гослова, на праведные средства Аствацатура, супруги Ахут-Хатун Садата и Хатун, детей Хачатура, Леона, Иоаннеса, Магсуди, Мелика. Лета 857»¹, т.е. 1408 г. Можно предположить, что церковь принадлежала армянской католической общине, о чем говорят итальянский стиль ее архитектуры и ее местонахождение — внутри городских стен, где по запрету генуэзских властей не разрешалось строить армяно-григорианские церкви. А. Л. Якобсон находит, что этот храм построен «в форме провинциальной западноевропейской базилики с трансептом»², что, естественно, явилось результатом армяно-генуэзских отношений, нашедших отражение также в архитектуре.

По предположению некоторых ученых, из дошедших до нас армянских памятников в Крыму самым древним является церковь Св. Саркиса в Феодосии. Тот факт, что Устав 1449 г. не упоминает о ней, вовсе не означает, что она была построена после него³. Устав вообще не упоминает об армянских церквях, однако они существовали до его появления. Определенно известно, что церковь Св. Саркиса построена, как уже отмечалось, до прихода генуэзцев, т.е. до второй половины XIII в. Сооружение имеет притвор-гавит, колокольню, два придела. В стены церкви вделаны хачкары и плиты с надписями, относящимися к различным периодам истории.

При всем своем различии армянские церкви в Каффе имеют много общих черт. Помимо алтаря, почти все церкви состояли из двух отделений: близкой к ризнице части, т.е. из самого храма, и из гавита, находящегося подальше⁴. Второе отделение, т.е. гавит, снаружи отделялось от самого храма, и люди, находившиеся там, могли только через открытые двери следить за богослужением. Каффские армяне, видимо, следовали тому древнему обычаю своих соотечественников, согласно которому местонахождение верующих в церкви отделялось от места святых. Х. Кушнерян отмечает, что эта осторожность соблюдалась для того, чтобы не дать возможности неверным, иноверцам и маловерным нанести какое-либо оскорбление святым началам армянской церкви⁵.

¹ Х. Кучук-Иоаннисов, Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму, М., 1892, с. 37.

² «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1964, դ 4, էջ 231:

³ «Византийский временник», VIII, 1956, с. 170.

⁴ «Հանդես գրականագիտական և պատմական», Մոսկվա, 1894, էջ 217 («Историко-литературный журнал», М., 1894, с. 217, на арм. азыке); см. также Բ. Բուշմեյրյան, Պատմություն գաղղականության հարմու հայոց, Վենետիկ, 1895, էջ 128:

⁵ Բ. Բուշմեյրյան, указ. соч., с. 128.

В Каффе в разные периоды ее существования одновременно функционировали десятки армянских церквей. Дортели д'Асколи, уже известный нам префект Каффы, Татарии и прочих мест, имея в виду 1634 г., писал, что каффские армяне имеют 28 церквей¹. Сообщение д'Асколи находит косвенное подтверждение в оде Степаноса Тохатеци, посвященной армянским священникам города в начале XVII в. В ней приводятся имена 27 армянских священников, в том числе 3 епископов, проводивших богослужение в различных богоугодных заведениях города². Пейсонель, в 1775 г. побывавший в Каффе, отмечал факт существования там 24 армянских церквей³. То же самое сообщает современная ему стихотворная история, посвященная армянским церквам Каффы. В ней упоминаются названия всех армянских церквей, а именно: Св. Анны, Св. Аствацацина, Св. Тороса, Св. Геворка, Св. Архангелов, Св. Саркиса, Св. Григора Просветителя, Св. Антона, Св. Карапета, Св. Оганеса, Св. Степаноса, Св. Никогайоса, Св. Воскресения, Св. Минаса и др. — всего 24 церкви⁴. Сведения Пейсонеля и приведенного стихотворения соответствуют содержанию памятной записи армянской рукописи, автор которой обстоятельно повествует о податях, взимаемых в XVIII в. с армянских церквей Каффы в пользу султана. Он также приводит названия почти всех вышеуказанных церквей, добавляя данные о том, сколько платила каждая церковь⁵.

В Феодосии до сих пор сохранились здания армянских церквей Св. Саркиса, Св. Геворка, Св. Степаноса, Св. Никогайоса, Св. Оганеса (Предтечи), Св. Михаила и Гавриила (архангелов), а также развалины других церквей как в городской черте, так и в других местах, например, в Двукорной бухте и близ Коктебеля.

В архитектурном отношении заслуживает внимания церковь армянского монастыря Св. Спасителя близ села Богатое (бывшее армянское село Бахчели) к юго-востоку от г. Белогорска. В свое время монастырь окружала стена, но сейчас от нее не осталось даже следов. Не осталось никаких следов также и от памятника-родника.

¹ ЗООИД, т. 24, II, с. 118—119.

² «Ազգագրական հանդես», 1902, էջ 71—72 («Этнографический журнал», 1902, с. 71—72, на арм. языке).

³ П. Кеппен, Крымский сборник, СПб., 1837, с. (8) 9.

⁴ Բ. Քուչուկյան, ԱԶԳ. աշխ., էջ. 139-141:

⁵ Матенадаран, рукопись № 2939, л. 471 с об.

Церковь в монастыре Св. Спасителя построена из камня, имеет три входа, ризницу. В храме много рельефов на евангельские темы. В ризнице имеется тайный проход, ведущий на крышу здания. По обоснованному заключению А. Л. Якобсона, «храм этот занимает промежуточное положение между собственно армянской и европеизирующей»¹ архитектурой. В нем, в отличие от церкви Михаила и Гавриила, где не осталось признаков армянской архитектуры, «армянские формы еще не были изгнаны и не были поглощены западноевропейскими, которые только начали заявлять о себе»². И поэтому нетрудно предположить, что он построен в первой половине XIV в., в период массовой миграции армян в Крым.

Сохранилась также церковь в некогда армянской деревне Топли (ныне Тополевка), на невысокой возвышенности. Она небольшая и напоминает армянские церкви Св. Никогайоса и Св. Степаноса в феодосийском карантине.

Строительная деятельность крымских армян охватила также объекты обороны, воздвигнутые с целью защиты от постоянных набегов извне. В этом отношении определенный интерес представляет армянская крепостная стена в Каффе, носившая название Айоц-берд (Армянская крепость). Она опоясывала генуэзскую оборонительную стену, которую современники именовали Френкхисар (крепость католиков).

Оборонительную стену армяне воздвигли после переселения из Аксария в Крым. В одной из армянских рукописей Крыма, в которой приведен отрывок из «Истории» Абраама Кретацци, сказано, что армянские князья, заключив соглашение с генуэзским консулом, «от него получили разрешение на постройку новой крепости рядом со старой крепостью и начали строить более 40 лет и закончили; три года пользовались ею, а после трех лет турки захватили (Каффу)»³. Турки заняли Каффу в 1475 г. Как явствует из рукописи, армяне начали строительство крепостной стены за 43 года до этого, т.е. в 1432 г. Это почти на сто лет позднее даты, указанной в книге Тунманна. Последний, видимо, основываясь на латинском материале, пишет, что в 1357 г. Каффу обводили новыми крепкими стенами⁴. Это совпадает со сведениями памятной записи — истории крымских армян, где говорится, что после прихода в Крым, т.е. после

¹ «Պատմա-բանասիրական հանդես», 1964, դ 4, էջ 231:

² Там же, с. 235.

³ Матенадаран, рукопись № 1781, с. 66 об.

⁴ Тунмани, Крымское ханство, Симферополь, 1936, с. 38.

1330 г., армяне «из-за страха перед татарами обвели крепостной стеной город Феодосию. А в 1391 г. появился великий татарский хан и, сражаясь, преследовал кипчагов и завладел всем Крымом, но, не будучи в силах взять Феодосию, невольно заключил дружбу с генуэзским консулом»¹. Значит, армяне, видимо, начали постройку этого оборонительного сооружения еще в XIV в., а в 30-х годах XV в., вследствие усиления татаро-турецкой опасности, продолжили и закончили ее.

Сообщение армянского источника о сооружении армянами крепостной стены полностью подтверждается сведениями, содержащимися в официальном генуэзском документе того времени. В письме протекторов банка св. Георгия от 31 июня 1464 г. на имя армянского епископа Каффы, между прочим, сказано: «Чем больше мы обращаем внимание на Вашу добродетель и вспоминаем Ваши добрые дела, совершенные во имя благосостояния и величия этого города, особенно в строительстве стен, тем больше мы убеждаемся в том, что Вы желаете вечное существование нашей власти...»². Значит, в 1464 г. еще был жив тот армянский епископ, который проявлял большое усердие в указанном деле.

Армянская оборонительная стена начиналась с южной бухты, доходила до северной части города — до крепостных ворот генуэзской стены, именуемых Гуле-габу, а оттуда простиралась до ворот Искеле-габу³. Армяне выстроили стену силами всей колонии, в соответствии с состоянием каждого. Знатные люди в своих участках оставляли мемориальные надписи, повествующие о них. В конце XVII в. на остатках стен еще можно было прочесть имена отдельных князей-армян, например, священника Магакия и его родственника Петроса на воротах Сель-габу, за церковью Св. Григора Просветителя⁴. Стена была выстроена из тесаного камня, имела готические башни, отстоящие друг от друга на расстоянии 20, 40 и 60 локтей. В XIX в. еще сохранялись остатки армянской стены. В 20-х годах XIX в. М. Бжишкян, например, видел здесь развалины церкви Воскресения. «В глубине фундамента большой стены, — отмечал М. Бжишкян, — мы увидели крупные пьедесталы, в которые вделаны хачкары ростом с человека и надписи, которые были перевезены в

¹ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 281 с об.

² «Atti», vol. VII, p. I, c. 277.

³ Մ. Բժշկյան, ԲՅԽԻՇԿՅԱՆՆԵՐԻՆԻՆ, էջ 332:

⁴ Матенадаран, рукопись № 7442, л. 282 об.

Петербург»¹. Оборонительную стену Айоц-берд опоясывал глубокий ров шириною в 25 шагов, облицованный камнями². Это делало крепость более неприступной для врагов.

Заметное участие армяне принимали в водоснабжении населения юго-восточной части полуострова, где это издревле было сложной проблемой. Водопроводы, сооруженные армянами, во многом облегчали решение этой задачи. Как уже было отмечено, в 1316 г. армянский епископ в Каффе провел водопровод. Начинание армян привлекло к себе внимание генуэзского правительства, узаконившего и охранявшего сооружение духовного предводителя армянской епархии в Крыму. Да и сами генуэзские власти тоже старались изыскать средства на строительство бассейнов. Устав 1316 г. по этому поводу отмечал: «Генуэзский консул в Каффе должен за счет излишних денег от поземельного налога, если такие деньги окажутся, начать строить цистерны»³. Можно констатировать, что, видимо, до 1316 г. генуэзцы не имели в Каффе бассейнов. Трудно сказать, строили ли они там водопроводы или бассейны после 1316 г., так как сведений об этом не имеется. Зато в связи с этим становится очевидной причина той заинтересованности, которую проявляли они к армянскому водопроводу.

Закон о водопроводе епископа армян гласил: «Излагается и публикуется закон, согласно которому никто из горожан или пользующийся правом горожанина, или житель Каффы, не должен посметь, или в какой бы то ни было форме и причине, с открытым или тайным намерением, частично или полностью отводить воду, которую армянский епископ для спасения своей души заказал привести через водопровод в Каффу; запрещается также каким-либо образом взять или поручить взять воду из этого водопровода; эта вода должна быть употреблена только в Каффе и подвластных ей местах; иначе для людей, в какой-либо форме нарушивших этот закон, предусматривается штраф в размере 3000 баликат аспров и, кроме того, предусматривается, что изменивший направление водопровода должен восстановить его в прежнем положении; сумма этого штрафа должна находиться в распоряжении консула Каффы, чтобы он был обязан израсходовать ее на полезные сооружения или дела только в Каффе»⁴.

¹ Մ. Բժշկյաւն, Եղ. աշխ., էջ. 333-334:

² Там же, с. 333.

³ И. А. Гольдшмидт, указ. дисс., с. 224.

⁴ «Monumenta historiae patriae», т. II, с. 380.

Закон показывает, что водопровод армян был одним из основных источников (если не самым основным) снабжения города и его округа водой, что, видимо, и заставило генуэзских правителей взять его под свою защиту. Водопровод был сложным сооружением с цистернами, трубами и своеобразными конденсаторами, «расположенными на окружающих Феодосию горных склонах, целью которых является извлечение из воздуха атмосферной влаги»¹.

Водопроводы армяне проводили и в других частях юго-восточного Крыма, например, недалеко от Каффы (на расстоянии 12 км от города) в Двукорной бухте. И. И. Бабков, подвергший остатки этого водопровода детальному инженерно-археологическому исследованию, пришел к заключению, что он являлся сложным сооружением, сочетавшим местные условия и технические возможности того времени². Его соорудили для водоснабжения армянского монастыря Двукорной бухты. Сооружение водопровода И. И. Бабков относит к XV в., т.е. ко времени постройки монастырской армянской церкви, находившейся там. Но церковь относится к более раннему периоду и, возможно, водопровод тоже. Около этой церкви И. И. Бабков обнаружил остатки основных водоснабженческих зданий: резервуар со своими строениями, фонтан с бассейном и др. Описывая весь водопровод, И. И. Бабков замечает: «Чьи-то досужие руки вскрыли канал, сняли прикрывавшие его сверху плоские камни и в поисках источника воды и, по-видимому, гончарных труб, разорили древний водопровод, устроенный с большим терпением и искусством. Обломки этих труб встречаются здесь по дну всей балочки. Канал огибает холм, идет по лощинке, но не везде по самому дну ее, а несколько сбоку, становится все сырее и сырее; наконец, в нем показывается вода, и он превращается в уширенное углубление, обложенное камнями, где воду можно черпать. Однако главный источник еще не здесь. Канал продолжается далее, принимает на себя слева и справа еще три струи, заметные по концам гончарных труб, торчащих под выходом известковых скал, извивается по дну лощинки и шагах в пятистах от нижних развалин заканчивается небольшим бассейном, аккуратно обложенным крупными тесаными камнями.

¹ И. А. Гольдшмидт, указ. дисс. с. 223.

² И. И. Бабков, Очерки по исторической и культурной географии Крыма. I. Водоснабжение армянского монастыря XV в. в Двукорной бухте в Феодосии (к истории древних водопроводов в Крыму); «Известия Гос. Географического общ-ва», № 71, вып. 7, 1939.

Здесь, несомненно, голова древнего армянского водопровода... Поднимаясь по балочке, начинаешь встречать выходы на поверхность конгломератов: полоса их идет здесь вдоль хребта, и они, по-видимому, являются вместилищем грунтовых вод»¹.

Строители водопровода, расположенного на боковом склоне хребта Биюк-Янышар, обнаруживали выходы родниковых вод, очищали каждую струю, заключали их в гончарные трубы, присоединенные затем к общему, главному каналу, имевшему два смотровых колодца и заканчивавшемся внизу фонтаном².

Подобные водопроводы, почти одинаковые по своей конструкции, замыслу и выполнению, И.И.Бабков исследовал также на хребте Тете Оба в балочках, идущих к Феодосии (видимо, вышеуказанный водопровод армянского епископа 1316 г.), в армянском монастыре Сурб-Хач, в бывшем тополевском (с. Топли) армянском монастыре. «Все они, — заключает И. И. Бабков, — устроены, в сущности, по одному плану и свидетельствуют о большом умении использовать и сохранить влагу и о большой заботливости древнего населения этих мест, проявленной к вопросам водоснабжения»³.

Как на родине — в Армении, так и в армянских колониях Крыма имели широкое распространение родники-памятники. Армянские мастера строили много родников-памятников в Каффе, Двукорной бухте, в монастырях Сурб-Хач, Спасителя и др. местах. Родник-памятник в монастыре Сурб-Хач, сохранившийся до сих пор, по своему архитектурному замыслу сродни подобным сооружениям в Армении.

По национальной традиции крымские армяне также имели обычай воздвигать мемориальные памятники — хачкары, плиты. Чаще всего они вставлялись в стены церквей, как с внутренней, так и с наружной стороны. За редким исключением все они, как правило, украшались резьбой, имели на себе надписи⁴. Много хачкаров, мемориальных плит имелось в церквях Св. Саркиса, Св. Иоанна (в Феодосии), села Орталанк, в армянской оборонительной стене⁵. Часть их дошла и до нас.

Архитектурные сооружения, воздвигнутые крымскими армянами, естественно, не смогли избежать инородного влияния.

---

¹ «Известия Гос. географ. общ-ва», № 71, вып. 7, 1939, с. 1044.

² Там же.

³ Там же.

⁴ О. Х. Халпахчян, указ. соч., с. 22.

⁵ Մ. Բժշկյաևի, Եջ. տշխ., էջ. 261, 334:

Армянские памятники в Крыму несли на себе некоторое влияние итальянской, сельджукской, а несколько позднее и русской архитектуры. Влияние такое диктовалось и окружающей средой, и политическими мотивами. Однако, при всем при этом, армянские памятники в Крыму в основном сохранили и развили черты национального зодчества, в свою очередь, оказывая значительное влияние на средневековые сооружения Крыма. Сравнение зданий бань Херсонеса и Амберда в Армении свидетельствует о том, что первое было построено по типу второго. Аналогичны не только здания этих бань, но также использованные в них предметы. Так, ступка с ручкой в виде головы быка, обнаруженная в Амберде, абсолютно тождественна такой же ступке, найденной в херсонесской бане. При возведении зданий итальянские мастера в Крыму порой применяли методы армянского строительного искусства. В 1468 г. протекторы банка Св. Георгия в своем отношении на имя каффского консула Джентилие Камилии советовали ему при покрытии зданий, в подражание местным армянским церквям, использовать каменные плиты¹. Влияние армянской архитектуры особенно заметно сказалось на татарских строениях, воздвигнутых в основном руками армянских и греческих мастеров, которые, как уже отмечалось, зачастую отрабатывали барщину на строительстве различных сооружений.

***

Культурное наследие крымских армян, таким образом, показывает, что, поддерживая постоянные контакты с родиной и со своими соотечественниками в других странах, таврические армяне сохранили верность многовековым культурным традициям армянского народа и внесли свой ценный вклад в развитие его культуры.

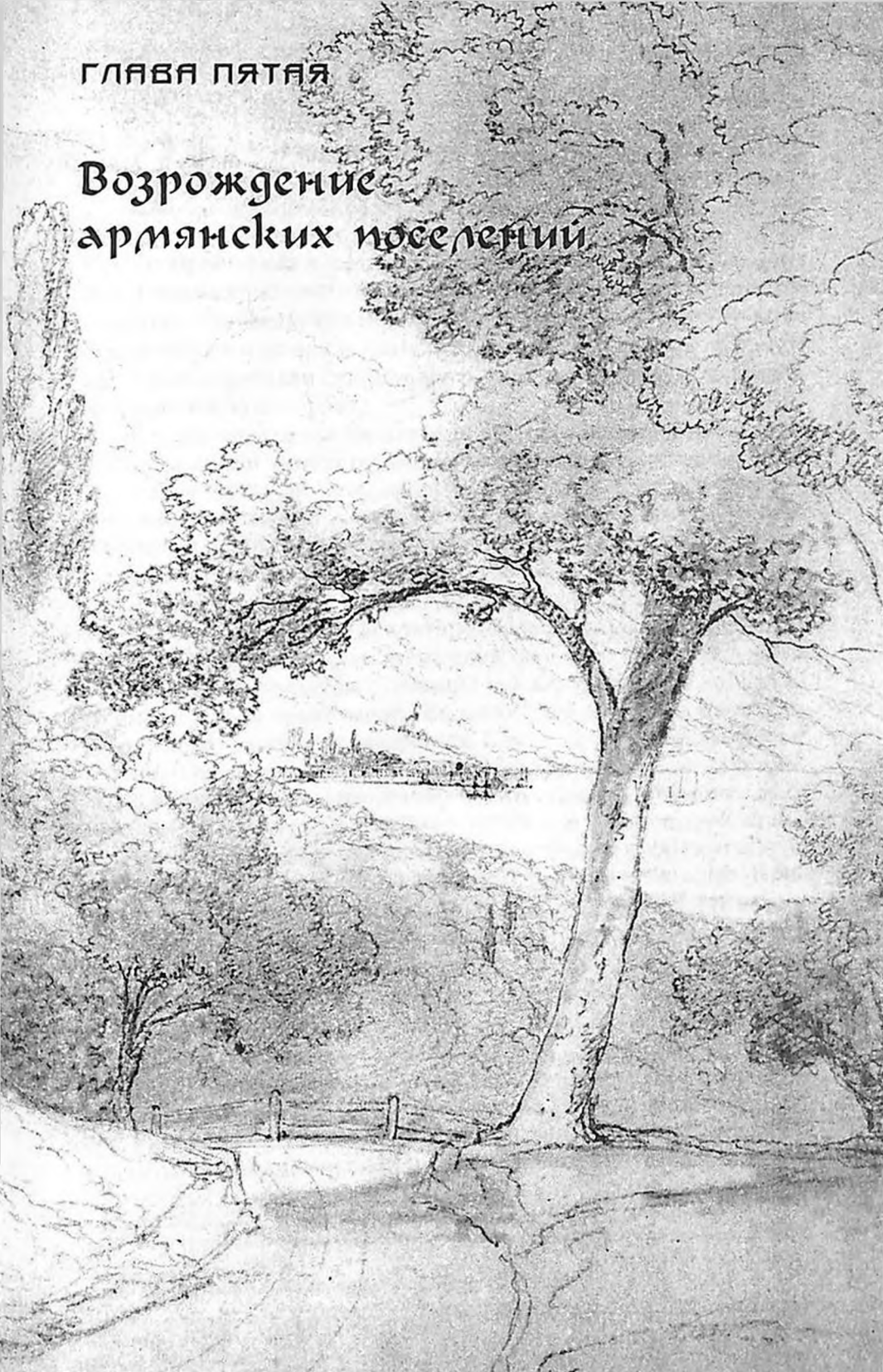
---

¹ А. П. Колли, Каффа в период владения ею банком Св. Георгия, с. 8.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возрождение
армянских поселений

Русско-турецкая война 1768 — 1774 годов сыграла роковую роль в жизни средневековых армянских поселений в Крыму. В борьбе с Турцией за Крым правительство Екатерины II, исходя из определенных политических соображений, в частности финансового и материального подчинения крымского хана российскому двору, а также из необходимости заселения юга России, переселило крымских христиан-греков и армян в Азовскую губернию. С выводом армян из Крыма перестали существовать их колонии, насчитывавшие многовековую историю.

В самом начале войны Екатерина II поставила перед высокопоставленными чиновниками империи задачу освобождения ханства от турецкой зависимости. Выполнение этой задачи означало бы важный шаг на пути присоединения Крыма к России, жизненно необходимого для нее в военно-политическом, а также в экономическом отношениях. «Мы благорассудили сделать испытание, — писала императрица графу Н. И. Панину, — не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства. Сочинена здесь форма письма от нашего имени к хану крымскому. Письмо в Крым удобнее всего отправить через татарских пленников. Если крымские начальники к Вам не отзовутся, в таком случае остается возбудить сообщая в татарах внимание через рассеяние копий с письма по разным местам, чем по малой мере разврат в татарах от разномыслия произойти может»¹. Такая независимость коренным образом облегчала осуществление главной цели русского правительства. Присутствие русских войск на полуострове дало возможность назначить ханом Шагин-Гирея. Турецкий ставленник Девлет-Гирей вынужденно оставил Крым. Затем новый хан и крымские мурзы попросили русское правительство для установления и соблюдения порядка оставить свои войска в Крыму².

Турция, однако, и не думала скидывать оружие: она наводила полуостров своими агентами, и в сентябре 1777 года по ее подстрекательству в Крыму вспыхнуло восстание против Шагин-Гирей хана. На помощь восставшим из Константинополя в Крым поспешили эмигранты-мурзы во главе с бывшим ханом

¹ В. М. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Османской порты в XVIII в., Одесса, 1889, с. 119.

² П. Надинский, Суворов в Крыму, Симферополь, 1950, с. 28.

Селим-Гиреем и восемь турецких военных кораблей¹. Мятеж, принявший довольно широкий масштаб, был подавлен в феврале 1778 г. при непосредственном участии русских войск. Потерпела провал и последующая попытка Турции: высадить в Крым десант и вновь поднять восстание.

В период противоборства с Турцией за Крым русское правительство решило лишить хана одной из основных статей его дохода и поставить его перед «необходимостью пользоваться жалованием русского двора и вообще благодеяниями его; для этого Румянцеву вздумалось подавить промышленность Крыма и тем уничтожить доходы хана; а так как промышленность, торговля, садоводство и земледелие находились в руках христиан-греков и армян и составляли главные откупные статьи доходов хана, то решено было выселить из Крыма все христианство»², — пишет знаток крымской истории А. Маркевич, и с ним нельзя не согласиться. Необходимо, однако, уточнить, что это мероприятие не «Румянцеву вздумалось», а соответствовало общей задаче присоединения Крыма к России, по возможности, за краткий срок.

О мотивах вывода христиан из Крыма такого же мнения придерживается подавляющее большинство историков, и в их числе автор чертырехтомного сборника «Присоединение Крыма к России» Н. Дубровин, который, исходя из доступного ему фактического материала, заключает: «Не успев прийти на помощь татарам, Порта долго не признавала Шагин-Гирея в ханском достоинстве. Дипломатические переговоры по этому предмету тянулись почти целый год, а между тем Россия успела в этом промежутке времени поставить Шагин-Гирея в еще более зависимое положение (курсив — В. М.). В Крыму находилось в то время много христиан, труд которых составлял главные статьи доходов хана. В руках христиан находилась промышленность, садоводство и земледелие всей горной части Крыма. С выселением их вся культура ослаблялась и доходы хана ограничивались. Под предлогом опасности, которой подвергались христиане при всякого рода возмущениях татар, русское правительство успело вывести из Крыма в Россию до 30000 человек греков и армян. Хану в первое время были заплачены все убытки, а влиятельным лицам назначены подарки, и спокойствие в Крыму снова водворено»³.

---

¹ Там же, с. 32.

² А. Маркевич, Переселение греков и армян из Крыма в Екатеринославскую губернию в 1778 г., см. «Екатеринославские губернские ведомости», газета, 1872, № 16.

³ «Присоединение Крыма к России», рескрипты, письма, реляции и донесения, том первый, 1775 — 1777, СПб., 1885, с. V.

Иллюстрированная страница (каллиграф-миниатюрист Никогайос Меланавор, XVII в.)

В 1777 г. фельдмаршал Румянцев-Задунайский первым выступил с конкретной программой переселения христиан. В следующем году, 9-го марта, Екатерина II особым рескриптом и указом поручила фельдмаршалу и Г. А. Потемкину привести в исполнение указанное дело. Для практического осуществления этой задачи сомневавшегося в ее успехе А. Прозоровского заменил энергичный А. Суворов. Во всех документах, касавшихся вывода армян и греков, подчеркивалась необходимость уговорить их, склонить к идее переселения. Дело в том, что, несмотря на их явную русскую ориентацию и помощь, оказанную им русскими войсками в Крыму, армяне и греки вначале не были склонны переселиться, оста-

вить свой родной очаг. Об этом они через своих предводителей не раз заявляли татарским старшинам и самому хану. Вопрос русской ориентации крымских армян и греков, их симпатии к России и посильную помощь, всемерное содействие мероприятиям русского правительства по присоединению Крыма к России не следует противопоставлять их нежеланию покидать веками обжитые края. Пребывание русских войск в Крыму не могло не вселить в них надежду на то, что рано или поздно полуостров станет частью России, а они — русскими подданными. Это — одна сторона вопроса. Другая же сторона заключалась в том, что трудовой народ, невзирая на щедрые обещания, не мог не предвидеть той перспективы, которая ожидала его после вывода. Для трудового люда было невероятно трудно оставить свои дома, сады, засеянные поля, промыслы и на пустом месте все начать сначала. Именно последнее обстоятельство составляло материальную основу их негативного отношения, а порою явного сопротивления переселению.

У трудовой прослойки, связанной с земледелием и ремеслами, не могло быть каких-либо оптимистических надежд. Вывод

принес бы им только лишения и непомерное ухудшение материального состояния. Поэтому, невзирая на их симпатии к России и желание видеть в Крыму русское верховенство, они не желали переселяться. Очевидец событий караим Рабби-Азария констатировал, что «армяне и греки, живущие по деревням, бедные и занимающиеся ремеслом, не хотели переселиться в другую страну, потому что многие из них имели огороды, сады и поля, доставляющие им доходы»¹.

Ранее всех согласие на переселение дала знатная верхушка — представители высшего духовенства и зажиточной части купечества. Эта верхушка лелеяла надежду, что на новых местах, в условиях больших привилегий, обещанных русским правительством, для нее откроются широкие просторы для торгово-промышленной деятельности и обогащения.

Таким образом, противоборство между сторонниками и противниками переселения в армянских поселениях имело социальную подоплеку, являлось затаенной формой классовой борьбы. Духовные предводители армян архимандрит Петрос Маркосян и Акоп Вардересович (предводитель армян-католиков), сознавая сложность создавшейся ситуации, не сразу дали свое согласие на переселение. Однако перед лицом материальной выгоды они уступили: греческий митрополит Игнатий получил 6550, Петрос Маркосян — 2820 и Акоп Вардересович — 1250 руб. в качестве вознаграждения, вернее говоря — взятки.

Одновременно, чтобы сломить сопротивление армян и греков, стали распространять слухи о том, будто русские войска оставляют Крым, и татары вырежут всех христиан за их симпатии к русским во время войны и особенно в период последнего мятежа. Сам Суворов писал по этому поводу Шагин-Гирею 22-го июля 1778 г., что христиан выводят из Крыма с целью избавления их «от предгрозных бедствий и сущего истребления, которым огорченные во время бывшего мятежа татары мстить им при случае удобном явно обещались»². Армянам и грекам угрожали также тем, что кто выводу «воспротивится, тот как от хана, так и от России непременно жестоко наказан будет»³. Призвав к себе представителей духовенства и богатого сословия армян и греков, Суворов заявил, что «скоро придет турецкое войско, которое

¹ «События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей Хана», перевод с еврейской рукописи, сочиненной караимом Рабби-Азария, сыном Илии, перев. А. С. Фиркевич, с. 127.

² «Присоединение Крыма к России», т. II, с. 583.

³ Там же, с. 581.

истребит их, русское войско не будет в то время защищать их. Избирайте теперь, — говорил им, — дорогу, которая вам нравится. Положение их было самое затруднительное, они просили у князя (Суворова — В. М.), чтобы поселили их на хорошей земле»¹.

Обещания и угрозы в конце концов возымели действие: 16-го июля 1778 года армяне и греки представили Суворову свое постановление о согласии на переселение, в котором выдвигались их основные требования. Они сводились к четырем пунктам:

«1. Бедные семьи крестьян перевозятся за счет государства; для поселения им отводятся земли между реками Днепром, Самарью и Орелью, обещанные Суворовым от монаршего имени; на этой земле строятся город и деревни, населяемые только греками и армянами, «без смеси других и какого рода и звания людей»; позволить свободную торговлю и «всякий промысел отправлять и из рек рыбную ловлю и из лесов дровами без платежа довольствоваться».

2. Митрополит Игнатий остается во главе греческой епархии, свою должность отправляет «по собственным обыкновениям» и «рукополагает всех священников и других церковников».

3. На десять лет переселенцы освобождаются от всяких сборов, налогов и повинностей.

4. Вечно освободить от постоев в домах, не брать рекрут. Сейчас же «единожды навсегда» назначить ту рекрутскую подать, которую они должны будут платить по прошествии десятилетнего срока. Для сбора налогов, как и для «судовых расправ» общины из своей среды «вольными голосами» выбирают временных начальников, «которые дают во всем отчет губернии, пребывая под защитой оной от всякого оскорбления их достоинств и особ»².

Хотя и после этого постановления часть греков и армян продолжала сопротивляться переселению, но оно изо дня в день становилось более реальным. Естественно, переселение 30 тысяч людей причиняло правительству большие хлопоты. 25-го июля 1778 г. Суворов сообщил Потемкину, что на переселение необходимо минимум 100000 руб. «кроме ханского пенсионна»³. Во второй половине июля Суворов уже торопил азовского губернатора В. Черткова выслать в Крым 6 тысяч подвод. В рапорте Румянцеву эту спешку он объяснил тем, что «дальние отлагательства сомнительны в перемене иногда принятых ими (армянами и греками — В. М.)

¹ «События, случившиеся в Крыму», с. 127.

² «Присоединение Крыма к России», т. II, с. 556—557.

³ «Присоединение Крыма к России», т. II, с. 588.

намерений и опасны по внутренним и наружным беспокойствам. Число же всех христиан ныне (30-го июля -- В. М.) является превосходное, особливо в купцах армянах»¹.

По всей вероятности, было не так уж легко выслать 6000 подвод, притом из одной только Азовской губернии. 2-го августа В. Чертков ставил Суворова в известность, что может предоставить пока лишь 2000 подвод, имевших назначение перевозить переселенцев лишь только с Перекопа².

Из рапорта Черткова Суворову явствует, что в самый канун переселения правительственные чиновники игнорировали во всяком случае два очень важных вопроса, связанных непосредственно с выводом и размещением христиан: еще не было уточнено место, отводимое им, и не заботились о жилье, где должны были временно разместить их. В. Чертков, например, писал, что просимые ими земли частью заселены, а частью заселяются «государственными и владельческими слободами» и «пустых мест нет»³. За неимением свободных квартир, губернатор предлагал разместить армян и греков вместе с хозяевами в одних и тех же квартирах.

Чем конкретнее предпринимались шаги к переселению, тем больше возникало затруднений, особенно финансового порядка. 7-го августа Суворов сообщил Румянцеву о том, что «расходы на сих христиан непрестанно умножаются»⁴. Расходы увеличивались также из-за рабов-христиан, выкупленных греками и армянами у татар. Правительству не приличествовало не платить за этих невольников-христиан, в противном случае оно раскрыло бы карты и выдало бы истинные цели переселения. В самом деле, нельзя же было свободных христиан «освободить», а их пленных собратьев, выкупленных ими, оставить в неволе. За них также приходилось платить, «поелику в рассуждении такого выводу христиан не приличности и сих в неволе оставлять», — предупреждал Суворов. На это требовалось 10000 руб. Кроме того, довольно солидную сумму необходимо было заплатить переселенцам за их «оставшиеся зерновые произращения», а солдатам — за сбор этого урожая. Эта сумма составляла примерно 85000 рублей⁵.

Однако, по подсчетам Суворова, правительство в основном компенсировало убытки. Дело в том, что христиане не смогли

---

¹ Там же, с. 610.

² Там же, с. 612.

³ Там же, с. 613.

⁴ Там же, с. 635.

⁵ Там же.

взять с собой зерно и сено. Приняв их от христиан, оно больше чем наполовину выигрывало в цене, а этот выигрыш составлял не более и не менее 100000 рублей¹.

Начатый в середине августа 1778 г. вывод христиан из Крыма завершился 18-го сентября. В этот же день Суворов рапортовал Румянцеву-Задунайскому: «Вывод христиан кончен! Обоего пола отправилось в Азовскую губернию 31098 душ. О чем Вашему сиятельству ведомость прилагаю. Осталось зимовать в Еникале и Черкасе 288 душ... Примерно вышло денег на вывод сей здесь до 130000 руб. Паче на прогоны. По собрании неуступивших еще из разных мест о том ведомостей вашему сиятельству вернее донести не укусию»².

В указанном количестве армяне составляли 12598 человек. Ниже приводим часть составленной Суворовым ведомости, касающуюся только армян.

ВЕДОМОСТЬ

об армянах, выведенных из Крыма³.

Сентября 18-го дня 1778 г.

№№	Из каких мест	Обоего пола		Итого
		муж.	жен.	
1.	Из Каффы*	2781	2730	5.511
2.	Бахчисарая	702	673	1.375
3.	Карасубазара	1419	1390	2.809
4.	Козлова	667	637	1.304
5.	Акмечети	145	114	259
6.	Старого Крыма	87	73	160
7.	Татлы	112	100	212
8.	Мелик	39	33	72
9.	Камышлак	62	59	121
10.	Сале	115	109	224
11.	Чуруксу	20	20	40
12.	Бурундук-отар	17	21	38
13.	Тапчак	7	3	10
14.	Султан-Салы	34	23	57
15.	Урталак	214	192	406

¹ Там же, с. 635 – 636.

² Там же, с. 710.

³ Там же, с. 711 – 714.

* Названия мест передаются по ведомости Суворова, без необходимых исправлений.

В ведомости о выведенных христианах числились также 401 грузин и 93 валаха. Выкупленные богатыми армянами и греками из татарской неволи, они на положении ясырей работали в их хозяйстве.

Как и следовало ожидать, вывод христиан оказался делом гораздо более легким, нежели их размещение. Дальнейшие события показали, что правительственных чиновников последнее обстоятельство заботило весьма незначительно. Армянам выделили полупустынные земли около Днепра и Самари, требовали от них пошлины на 21 тыс. руб. за ввезенные в Россию с собой товары, хотя в основном это были не предметы торговли, а скот и домашняя утварь. Азовский губернатор В. Чертков, несмотря на предварительное обязательство, взятое на себя русскими властями, отказывался возратить им (армянам — В. М.) оставленные ими в Крыму долги, которые насчитывали 100 тысяч рублей¹.

Основная масса переселенцев попала в очень тяжелое материальное положение и постоянно просила помощи у властей, которая в первые месяцы оказывалась более или менее регулярно. В донесении армянского общества к Суворову от 8 апреля 1779 г. сообщалось, что «жалование сначала всем производили, а ныне некоторым совсем не выдают». Общество жаловалось, что, вопреки обещаниям, ему «отведены места таковые, где нет ни воды, ни леса», между тем чиновники «принуждают всякому расписаться, что они для нас угодны, чего нам сделать невозможно», ибо «дошли до такой крайности, что и имевшие прежде у себя хорошее пропитание збирают ныне по миру милостыню, а другие с голоду отдают вовсе за малое число денег или хлеба своих детей»².

6-го мая армяне вновь обращаются к Суворову, который перед Потемкиным поддерживает просьбу армян. Осенью положение еще более ухудшается, ибо «вышедшие из Крыма христиане, постоянного хлеба, через истребление саранчею, без остатка все лишились и пропитаться еще год сами не могут»³.

С самого начала 1779 г. армянское общество во всех своих обращениях к властям выдвигало просьбу перевести его на земли вокруг крепости св. Дмитрия-Ростовского, удобные как для коммерции, так и для развития земледелия и промыслов. Просьбу армян поддерживали А. В. Суворов, Лазаряны и начальник армянской епархии в России И. Аргутинский. Для достижения своей цели общество посылает в Петербург своих депутатов —

¹ ЦГАДА. ф. 16, с.х. 588, ч. XII, л. 279.

² Там же, л. 382.

³ Там же, л. 308.

Карапета Восканова и сына Игнатия — Арутюна, который вскоре умер. Депутаты добиваются согласия Г. А. Потемкина весной со всем обществом переселиться на просимые земли.

Так как обещание Г. А. Потемкина еще не было исполнено, то переселившиеся весной, летом и осенью 1779 г. неоднократно повторяют свою просьбу, одновременно обращаясь к посредничеству А. В. Суворова и помощи Лазарянов и И. Аргутинского. Они отправляют в Петербург новых депутатов — Саркиса Манвеляна, Акопа Аксентяна, Оганеса Абраамяна, Мкртича Петросяна, Саркиса Меджлумяна, Даниела Григоряна. Здесь их ждал Карапет Восканян. Депутаты имели с собой докладную А. В. Суворова, в которой он ходатайствовал перед Г. А. Потемкиным взять голосу армянского общества и удовлетворить просьбу его представителей.

15-го июля они ставили в известность Г. А. Потемкина о том, что, невзирая на его согласие поселиться в форштате крепости Св. Дмитрия Ростовского, губернаторский товарищ Азовской губернской канцелярии Гаресеванов всех земледельцев принуждает селиться по реке Терс и повелевает им строить там свои дома, «а как оные к тому не согласны, то из оных некоторые посажены в кандалы и употребляемы были несколько дней в канальную работу, кроме же того и все по неимению жилых домов и всегдашнего пребывания на степи от солнца и от частых дождей претерпевают крайнейшую нужду, ибо по повелению оного губернаторского товарища более уже трех месяцев как и с квартир выведены и ныне находятся на открытом воздухе, так что через сии перемены немало душ померло»¹. Одновременно при активном участии И. Лазарянов депутаты крымских армян вырабатывают свои требования для представления императрице. Они обобщены в документе под названием «Кондиции», состоящем из тринадцати пунктов. Выражая желания крымских армян, этот документ, в определенном смысле, требовал для них буржуазного равенства и свободного развития, торгового мореплавания, основания мануфактурного производства и т.д.².

Требования крымских армян были удовлетворены лишь в конце осени.

14-го ноября 1779 года Екатерина II подписывает «Высочайше жалованную грамоту», удовлетворяющую просьбу крымского армянского общества о переселении в район крепости Св. Дмитрия³.

¹ Там же, с. 319.

² ЦГИА СССР, ф. 880, оп. 1, д. 16.

³ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. 1, М., 1838, с. 178–180.

По первой статье грамоты правительство брало на себя дорожные расходы всего общества; вторая статья определяла границы земель, которые давались переселенцам на вечное пользование; для поселения армян отводилась вся дача вокруг крепости, за исключением 3000 десятин на крепостной выгон и 1/4 части реки Дон, входящей в эту дачу для рыбной ловли тамошних жителей.

В соответствии с задачей экономического развития Южной России и ее заселения правительство создало для переселенцев благоприятные условия для развития торговли и ремесленного дела. Условия развития торговли, ремесленного промысла и сельского хозяйства были зафиксированы в третьей и пятой статьях. Внимательное изучение этих статей показывает, что, за небольшим исключением, они повторяли требования армянского общества, отраженные в их прошениях и кондициях 1778 — 1779 годов.

Третья статья причисляла армян к разряду государственных жителей и на десять лет освобождала их от государственных податей и служб, а по прошествии этого времени они должны были платить в казну «ежегодно купечество, с капиталов с рубля по одному проценту, цеховые, также и мещанство, с двора по два рубля, а уездные поселяне, и имянно-земледельцы, которым полагается для каждого по тридцати десятин, будут взносить с каждой десятины в год по пяти копеек»¹. Бедным крестьянам давались семена, но с тем, чтобы через десять лет они возместили этот долг. Для построения домов грамота предоставляла переселенцам право бесплатно пользоваться лесом. Переселенцам предоставлялась возможность на отведенных им землях строить магазины, склады, заводы и др.

По пятой статье учреждался магистрат, избираемый по жребию. Ему приписывалось руководствоваться национальным «правом и обыкновениями» армян².

На основе грамоты 14 ноября 1779 г. переселившееся на новое местожительство у крепости Св. Дмитрия армянское население в 1780 году заложило город Нор-Нахичевань и несколько деревень.

После указанного переселения средневековая армянская колония в Крыму перестала существовать. И если в XIX веке в Крыму имелось значительное количество армян, то это были не потомки жителей древней колонии, а новые переселенцы, которые, опираясь на материальную и моральную поддержку России, сравнительно недавно перебрались в Крым из разных мест, в том числе из заграницы и Нор-Нахичевани.

---

¹ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. 1, с. 179.

² Там же, с. 180.

Титульный лист

Вследствие вывода христиан полуостров лишился своего деятельного населения и новоприсоединенный край предстал перед Россией «в пораженном от того виде. Она содрогнулась, найдя, что деревни превратились в развалины, сады в запущенные леса, ремесла, промышленность в тунеядство, и уверилась, что осудила на сиротство новых своих чад еще прежде их усыновления»¹, — констатировал Павел Сумароков — знаток крымских событий конца XVIII — начала XIX веков.

И в самом деле, экономическая жизнь полуострова в основных своих отраслях — торговля, ремесленное дело,

земледелие, — после ухода греков и армян пришла в упадок, и такое ее состояние продолжалось довольно долго и после присоединения Крыма (1783 г.) к России. По признанию тогдашнего правителя Таврической области В. В. Каховского, правительство «не особенно пока заботилось о нем»².

Такое поведение правительства находило оправдание в тех больших средствах, которые требовались для заселения и подъема экономической жизни новоприобретенного края.

Но какие-то шаги все же предпринимались и служили, главным образом, целям заселения полуострова. 13-го февраля 1798 г. был принят манифест о заселении Крыма иностранными колонистами. Он давал всем право без различия званий и вероисповеданий, по своему желанию обосноваться в любом месте полуострова, за исключением Севастополя как военной гавани. Манифест даровал иностранцам свободу от рекрутской повинности³.

В таких условиях многие армяне, вышедшие ранее из Крыма, а также выходцы из Западной Армении и других мест, в

¹ П. Сумароков. Досуги Крымского судьи, второе путешествие в Тавриду, ч. 1. СПб., 1803, с. 160.

² В. Х. Кондораки, В память столетия Крыма, т. 1–5, М., 1883, с. 44.

³ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 4, д. 672, л. 2 с об.

двора, им разрешалось свободно заниматься торговлей, промыслами, земледелием, иметь свой магистрат.

В деле пребывания и размещения армян в Крыму усердное участие принимал начальник армянской епархии архиепископ И. Аргутинский. Вероятно, ему не давала покоя совесть, ибо в свое время он оказывал поддержку переселению армян из Крыма. Во всяком случае, после путешествия в Крым в 1787 г. он вернулся в Новую-Нахичевань с подавленной душой: «слишком тяжело было для нас увидеть разорение наших городов, церквей и монастырей, с полною печалью вернулись оттуда (из Крыма — В. М.) в Новую Нахичевань, 24 ноября»¹, — писал он. Для содействия поселению армян на Таврическом полуострове он в 1793 г. вновь приехал в Крым, где уже имелось заметное количество перебравшихся туда армян. Он неоднократно обращался к правительству, стремясь получить разрешение на поселение армян в Крыму. В 1794 г. И. Аргутинский обращал внимание Платона Зубова на то, что он сам здесь видел «весьма довольное количество» армян. «Одни из них, оставшиеся от переселенных в губернию Новомосковскую, другие вновь прибывшие из Анатолии; из сих армян до двухсот домов, жительствоющих в Карасубазаре, изъявили мне желание свое купечеству, поселиться своим коштом в разоренном городе Феодосии, где остается много церквей армянских и монастырей, ремесленные же в Старом Крыму, так как в оном местоположение удобнее, и воды тамошние и воздух могут придавать цвету материям, фабрикантами делаемым»². И. Аргутинский подчеркивал, что такое позволение будет «небесполезно государству нашему, поелику по поводу жительства тут их множество стечется из Анатолии и других границами смежных мест и примут оные подданство престола российскому»³.

В ответ на представление И. Аргутинского, граф Платон Зубов 30 апреля того же года дает распоряжение правителю Таврической области С. С. Жегулину дозволить армянам, живущим в разных частях Крыма, переселиться в Феодосию и Старый Крым на постоянное жительство и отвести им необходимое количество земель и содействовать стараниям И. Аргутинского по размещению своих единоверцев, прибывающих из заграницы в Крым.

Летом 1794 г. И. Аргутинский вновь прибыл в Крым. На этот раз он представил С. Жегулину довольно подробный план

¹ «Դիւան իշխոց ցիւովըրժան», Թիֆլիս, 1911, գիրք Թ, էջ 14 («Архив истории армянского народа», Тифлис, 1911, книга 9, с. 14).

² ЦГИА Арм.ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, л. 54 с об.

³ Там же.

двора, им разрешалось свободно заниматься торговлей, промыслами, земледелием, иметь свой магистрат.

В деле пребывания и размещения армян в Крыму усердное участие принимал начальник армянской епархии архиепископ И. Аргутинский. Вероятно, ему не давала покоя совесть, ибо в свое время он оказывал поддержку переселению армян из Крыма. Во всяком случае, после путешествия в Крым в 1787 г. он вернулся в Новую-Нахичевань с подавленной душой: «слишком тяжело было для нас увидеть разорение наших городов, церквей и монастырей, с полною печалью вернулись оттуда (из Крыма — В. М.) в Новую Нахичевань, 24 ноября»¹, — писал он. Для содействия поселению армян на Таврическом полуострове он в 1793 г. вновь приехал в Крым, где уже имелось заметное количество перебравшихся туда армян. Он неоднократно обращался к правительству, стремясь получить разрешение на поселение армян в Крыму. В 1794 г. И. Аргутинский обращал внимание Платона Зубова на то, что он сам здесь видел «весьма довольное количество» армян. «Одни из них, оставшиеся от переселенных в губернию Новомосковскую, другие вновь прибывшие из Анатолии; из сих армян до двухсот домов, жительствоющих в Карасубазаре, изъявили мне желание свое купечествующие, поселиться своим коштом в разоренном городе Феодосии, где остается много церквей армянских и монастырей, ремесленные же в Старом Крыму, так как в оном местоположение удобнее, и воды тамошние и воздух могут придавать цвету материям, фабрикантами делаемым»². И. Аргутинский подчеркивал, что такое позволение будет «небесполезно государству нашему, поелику по поводу жительства тут их множество стечется из Анатолии и других границами смежных мест и примут оные подданство престола российскому»³.

В ответ на представление И. Аргутинского, граф Платон Зубов 30 апреля того же года дает распоряжение правителю Таврической области С. С. Жегулину дозволить армянам, живущим в разных частях Крыма, переселиться в Феодосию и Старый Крым на постоянное жительство и отвести им необходимое количество земель и содействовать стараниям И. Аргутинского по размещению своих единоверцев, прибывающих из заграницы в Крым.

Летом 1794 г. И. Аргутинский вновь прибыл в Крым. На этот раз он представил С. Жегулину довольно подробный план

¹ «Պիւան հայոց փառնութեան», Թիֆլիս, 1911, գիրք Թ, էջ 14 («Архив истории армянского народа», Тифлис, 1911, книга 9, с. 14).

² ЦГИА Арм.ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, л. 54 с об.

³ Там же.

поселения армян в Крыму. Он предлагал отводить прибывшим в Феодосию армянам места под дома, лавки, магазины, гостинные дворы и другие заведения, а также необходимое количество земли, вернуть армянской церкви Св. Саркиса караван-сарай, находящийся на ее территории; дать разрешение на ремонт древнего армянского монастыря, находящегося на вершине горы в Феодосии, по окончании работ в Феодосии послать землемера в Старый Крым для отвода места и снятия плана; выделить землемера для межевания земель монастырю Сурб-Хач и садов, пожалованных покойным Г. А. Потемкиным монастырю в Судакской долине; так как часть земель в монастырской даче роздана другим, предлагалось взамен их выдать монастырю новые участки, равно также вернуть монастырские земли, отведенные шелковому заводу; он просил вернуть в свое распоряжение древнеармянский монастырь Св. Спасителя и вывести оттуда вторгшихся татар¹.

С. С. Жегулин целиком одобряет предложения И. Аргутинского, о чем детально ставит его в известность. И. Аргутинский три месяца странствует по Крыму и предпринимает конкретные шаги, чтобы претворить в жизнь свои замыслы по поселению армян в Крыму. Однако всем его стараниям пока что не суждено было осуществиться, и поэтому через несколько лет, в 1798 г., он (в который уже раз!) поднимает этот вопрос, вновь предлагая отвести армянским переселенцам часть Феодосии и весь Старый Крым, а также вернуть монастырю Сурб-Хач его земли². Хотя указ 15 апреля 1799 г. полностью шел навстречу этим требованиям армян и узаконивал их, однако дело с места опять не двинулось.

Начиная с 1790-х годов, среди армян, перебравшихся в Крым, постепенно укореняется идея поселения на постоянное жительство в заброшенном городе — Старом Крыму, находившемся в разоренном состоянии и почти лишенном жителей. Их желание находит отражение в письменных «представлениях» различным правительственным инстанциям. В просьбах на этот предмет армяне не ограничивались получением разрешения на заселение г. Старого Крыма; они шли дальше, прося для будущего армянского города экономические привилегии и юридическое самоуправление в виде магистрата или ратуши. Правительство, наконец, пошло навстречу просьбам собравшихся в Крыму армян, предвидя в них перспективы, несомненно способствующие экономическому развитию края. 28 октября 1799 г.

¹ Там же, лл. 66 — 69.

² ЦГИА СССР, ф. 1374, оп. 2, л. 1815, лл. 21 — 22.

была принята грамота о даровании армянскому обществу Старого Крыма выгоды и преимущества. Она повторяла привилегии, данные армянам в прежние времена.

В вводной части грамоты обосновывались мотивы, побудившие удовлетворить просьбу армян. Там указывалось: «снисходя на просьбы от армян в Тавриде поселенных, нам представленные и всех под державою покровительства нашего во всероссийской империи обитающих армянских обществ со времени их поселения, отличившихся отменным трудолюбием и примерным своим поведением, и поэтому желая новыми доводами нашего к ним внимания, утвердить общества сии на прочном основании, всемилостивейше благоволили мы сею императорского нашего жалованною грамотою по различию нужд их не токмо утвердить все прежние права и преимущества их... но и для возбуждения в них вящей ревности к трудолюбию и продолжению начатых ими полезных заведений и для внушения охоты к подражанию и в прочих иностранных поселенцах, даровать сим армянским обществам разные выгоды и преимущества»¹.

Первая статья разрешала водворение армян в Старом Крыму. Вторая статья для богослужения в Феодосии армянам возвращала из их старых приходских церквей Архангельскую, Сергиевскую и загородную св. Георгия, а также монастырь на горе Успенской с землею: «Состоящее к внутри самого города Феодосии от наружной его стены до морского берега по ширине от большой мечети до Греческой слободы селение древнее Армянское, где существуют вышеозначенные церкви, соизволяем мы отдать для жительства собственного армян, именуя селение то слободою Армянскою», статья третья утверждала за монастырем Сурб-Хач близлежащие земли, а четвертая — позволяла свободное вероисповедание армян, постройку новых церквей; пятая статья разрешала армянам «по заселении обществом, в Тавриде обитающим, города Старого Крыма, и по отводе на выгон одного удобной 12000 десятин земли с водами и лесом» учредить армянский суд — магистрат; статья шестая на десять лет освобождала общество от налогов, а по истечении этого срока армяне должны были платить: купечество с рубля 1%, мещанство и цеховые — со двора по 2 рубля, а уездные поселяне — земледельцы, «коим полагается для каждого по 30 десятин, вносят с каждой десятины в год по 5 копеек отныне навсегда»; позволялось строить фабрики, заводы, дома, лавки, амбары, свободно заниматься торговлей и всеми ремеслами; военным

¹ ЦГИА СССР, ф. 1152, 1840 г., л. 129, л. 18 об.

и гражданским чиновникам вменялось в обязанность способствовать осуществлению этой грамоты.

Однако заселение Старого Крыма армянами и после принятия указанной грамоты затягивалось, и это не только по материальным, но и по другим причинам. Дело в том, что не все армяне, уже успевшие обосноваться в Карасубазаре, Симферополе и Евпатории, проявляли желание переселиться в Старый Крым. Вместе с частью армян, еще не нашедшей себе окончательного пристанища на полуострове, идею сосредоточения армян в Старом Крыму поддерживало и восхваляло духовенство и его предводитель И. Аргутинский. Заинтересованность духовенства в данном случае объяснялась тем, чтобы богослужение велось по национальным церковным обрядам. Разбросанность армян в разных частях полуострова в этом плане не могла нравиться церкви.

Заселение Старого Крыма армянами в основном развертывается в 1805—1806 гг., когда его инициативу взяли на себя поверенные общества. В 1805 г. создается проект планировки города¹. Строительство в городе и прибытие туда армян оживляются особенно после открытия старокрымской армянской городской ратуши. В рапорте Дюку де Ришелье от 7-го марта 1812 г. вице-губернатор Таврической губернии, говоря о «вновь заведенном армянском городе под именем Старый Крым», писал, что «заселение таковое по разным стекшимся обстоятельствам не приняло своего основания до 1804 г. С сего времени город Старый Крым принял совсем новый вид. Поселяющиеся в оном армяне за открытием ратуши, основывая всегдашнее в оном городе жителство, время от времени украшают оной город как построением домов, так и другими заведениями... Большая часть жителей сего вновь заселяемого города есть нахичеванские армяне, кои хотя впрочем по тому городу были записаны в ревизии, но проживают всегда по паспортам в Старом Крыму»².

И в самом деле, за 1—2 года, к августу 1807 г. в Старом Крыму армянами уже было построено 160 домов, а проживало там 1500 человек, в подавляющем большинстве армяне³. По данным армянской городской ратуши, в 1810 г. в городе числилось 1307 армян и 333 представителя разных наций. По тем же данным, армяне выстроили в городе 165 домов, 4 постоянных двора,

¹ Крымский областной государственный архив (в дальнейшем Крымоблархив), ф. 67, оп. 1, д. 28, л. 4.

² Одесский областной государственный архив (в дальнейшем Одесский облархив), ф. 1, оп. 221, д. 2, л. 134-135.

³ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 8, л. 2.

95 лавок, 6 кафеен и др.¹. Число жителей в городе в середине XIX века доходило до 4000 человек.

Инициатива восстановления армянской колонии в Крыму принадлежала прежде всего новонахичеванцам, вчерашним крымским армянам. Нежелание выйти из Крыма проявилось, по всей вероятности, и в последующие годы. Оно особенно усиливается в связи с материальными трудностями, с которыми переселенцы неминуемо столкнулись при освоении новых земель у берегов Дона.

Крым для торгово-ремесленного сословия, особенно для его средних и несостоятельных слоев, несомненно, был местом более выгодным, нежели новообитаемый край с его трудностями. «Пожелавшие остаться по городу Евпатории в купеческом и мещанском звании нахичеванские армяне, — доносил магистрат Евпатории в своем рапорте от 25 июня 1795 г. — находят главной причиною, что они будучи издревле здешние уроженцы и зная совершенно производство здешнего торгового промысла, имеют более способов производить оную и через то приобрести капитал и без нужному их содержанию, художники же и ремесленники, быв обучены до выводу их из здешней области художеству и ремеслу, подающему способы к произведению онаго по здешнему только краю; жительствующие же в Нахичевани совсем лишаются средств через произведение онаго с семейством своим нужное пропитание»².

Не в лучшем положении оказались и земледельцы. В Крыму основным источником их пропитания было не только полеводство и скотоводство, но и садоводство. Между тем последняя отрасль на новом месте не обещала тогда особых выгод.

Все это вместе взятое стимулировало уход части нахичеванских армян в Крым, в свои старые места, тем более, что областные власти здесь не препятствовали их поселению на полуострове. Спор, возникший между нахичеванским магистратом и губернскими властями вокруг бежавших из Новой Нахичевани людей, затянулся надолго и получил окончательное разрешение лишь в 1814 г.: 31-го августа правительствующий сенат разрешил 236 семьям, бежавшим из Нахичевани, остаться в Крыму. Это были семьи, не имевшие в Нахичевани недвижимого имущества³. Остальные беженцы обязаны были вернуться в Новую Нахичевань. Однако и эта часть нахичеванцев в основном осталась в Крыму. Таким образом, в Крым уходили относительно неимущие и несостоятельные слои нахичеванских армян.

---

¹ Там же, д. 35, л. 24.

² ЦГИА Арм.ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, лл. 172 об. и 184.

³ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 143, л. 2.

Число крымских армян увеличивалось за счет григориопольских армян. По высочайшему указу правительствующего сената от 30-го января 1802 г. жителям армянского города Григориополя, основанного в 1792 г. недалеко от Дубоссар и неудобного для развития торговли и промыслов, разрешалось переселиться в другие места. В этом же году значительное число григориопольских армян перешло в Старый Крым. Это были бедные семьи, которым разрешили «для отвращения их от побегов за границу и восстановления тишины между другими их же единоверцами» переехать в Новую Нахичевань. Но вскоре отсюда они перешли в Крым¹.

Значительное число среди крымских армян в XIX – XX вв. составляли выходцы из Западной Армении и различных районов Турции. Из Западной Армении они уходили вследствие тяжелых экономических и политических условий, а также массовых преследований, которые из года в год все усиливались и принимали человеконенавистнический характер. Как бы обобщая мнение своих собратьев – западных армян, житель города Амасии Ованес Илинкирян в своем обращении к министру внутренних дел России в апреле 1811 г. писал: «Известно Вашему превосходительству, что армяне, находившиеся и теперь находящиеся под турецким владычеством, будучи угнетаемы несносным их игом, старались и ныне стараются избавиться жестокой их власти, дабы снискать надежнейшее себе покровительство и спокойствие в других государствах, которые и находили, большею частью, в России»².

Уже в 1794 г. 200 семей турецкоподданных армян, по разным мотивам оказавшихся в Крыму, просили архиепископа И. Аргутинского выпросить у русских властей для их поселения часть Феодосии и Старый Крым³. В 1800 г. многочисленные армянские семьи из Константинополя через своего поверенного Балтазара Азнаура, отправленного в Крым, обратились к посредничеству директора Ахтиярской (Севастопольской) таможни, армянину Айвазову с просьбой помочь их переселению в Крым. Не лишено основания предположение, что русское правительство пошло навстречу их желанию: 4-го апреля 1801 г. последовало императорское повеление князю Гагарину: просьбу константинопольских армян внести на рассмотрение правительствующего сената и удовлетворить⁴.

Не всегда водворению армян в Крыму предшествовала подобная официальная переписка. Очень часто по разным мотивам

¹ ЦГИА СССР, ф. 383, оп. 29, д. 188, л. 1 об.

² Там же, ф. 398, оп. 81, д. 1016, л. 1.

³ ЦГИА Арм.ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, л. 54.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, д. 28, л. 3 – 6.

(торговля, занятие ремеслами, садоводством и др.), оказавшись в Крыму, многие из западных армян в дальнейшем не оставляли полуострова и принимали русское подданство. А часть армян, хотя и не принимала подданства, все равно оставалась там на постоянное жительство. Эта часть попросту не придавала серьезного значения документальному оформлению подданства, но и не думала уходить из Крыма.

8-го сентября 1816 г. начальник Амасийской (в Турции) армянской епархии архиепископ Абраам специальным отношением просил наместника католикоса в Крыму архимандрита Манвела «во имя богоугодного порядка вымогать императорского указа для высылки на свою родину» всех амасийских армян, «которые уже десять-пятнадцать и тем более двадцать лет странствуют в этой стране» (в Крыму — В. М.)¹.

В 1832 г. в одном только Карасубазаре насчитывалось 18 турецкоподданных армянских семей, занятых в торговле, и 89 таких же семей, занимавшихся различными ремеслами². Но несравненно более многочисленной была категория семей, принявших русское подданство: по далеко не полным данным, начиная со второй половины прошлого столетия вплоть до первой мировой войны, их было 200³.

В 1820 г. открываются широкие возможности для умножения населения Феодосии. В этом году армяне-католики, насчитывавшие 15—20 тысяч семей, вследствие гонений, которым они подвергались в Турции, через своих агентов обращаются к феодосийскому градоначальнику Энгелю с целью получить гарантии и политическое покровительство России для эмиграции из Турции в Крым. Сообщая об этом правительству, Энгель писал: «Ныне появился неожиданно счастливый случай, который может совершенно изменить облик Феодосии и открыть для нее блестящую перспективу быстрого развития. Религиозное преследование, которое началось в последнее время, начиная от Константинополя вплоть до самых глубин Анатолии... может для Феодосии сыграть точно такую же роль, какую сыграл Нантский эдикт для Франции. Армяне-католики, угнетенные и преследуемые, с одной стороны, армянами-григорянами, с другой-магометами, наподобие гугенотов желают вывезти свою промышленность и капитал за границу и в гостеприимной стране спасти свои головы, семьи и веру своих отцов»⁴.

¹ Матенадаран, архив, ф. Канцелярия католикоса, пап. 29, док. 73.

² Крымоблархив, ф. 169, оп. 1, д. 96, лл. 8-12 и 16—23.

³ Там же, ф. 27, оп. 7, д. 1355.

⁴ Архив внешней политики России, ф. Гл. Архив II—19, 1820 г. д. 1, л. 5.

Эмиграция армян-католиков в Крым не состоялась, хотя правительство и дало свое согласие на это. Причину неосуществления их желаний, вероятно, следует искать в отказе Александра Первого открыто покровительствовать эмиграции и дать на это соответствующее распоряжение властям. Он повелел дозволить упомянутым армянам переселиться в Феодосию на общих основаниях, какими пользуются другие иностранные колонисты. «При чем угодно его величеству, — писал управляющий министерством внутренних дел Энгелю, — чтобы миссия наша в Константинополе не принимала в деле сем совершенно никакого участия; равномерно, чтобы и ваше превосходство не входило ни в какую по предмету сему заграничную переписку, дабы не компрометировать дипломатических наших с Портою сношений»¹.

Хотя массового переселения армян-католиков не произошло, однако в XIX в. среди крымских армян, помимо карасубазарского армяно-католического общества, было много западно-армянских католиков, переехавших в Крым в разное время и разными путями.

В результате вышеуказанных переселений на полуострове образовалась довольно солидная армянская колония со значительным числом населения: в 40-х годах прошлого столетия в Крыму насчитывалось 5400² армян, в 70-х годах — 7000³, к концу столетия — около 9000⁴, а в 1913—1914 гг., по неполным и сравнительным данным — 14—15 тысяч. В эти данные входит также численность армян-католиков. Армянское население в основном было сосредоточено в Симферополе, Феодосии, Карасубазаре, Старом Крыму, Евпатории, Ялте, а также в сельских местностях губернии. Заново обосновавшись на полуострове, армянское население, пользуясь дарованными привилегиями и благоприятными условиями, принимало деятельное участие в экономической и культурной жизни полуострова. В то же время оно находилось в тесных связях с родиной и по мере своих возможностей способствовало осуществлению культурных, экономических и политических устремлений всего армянского народа.

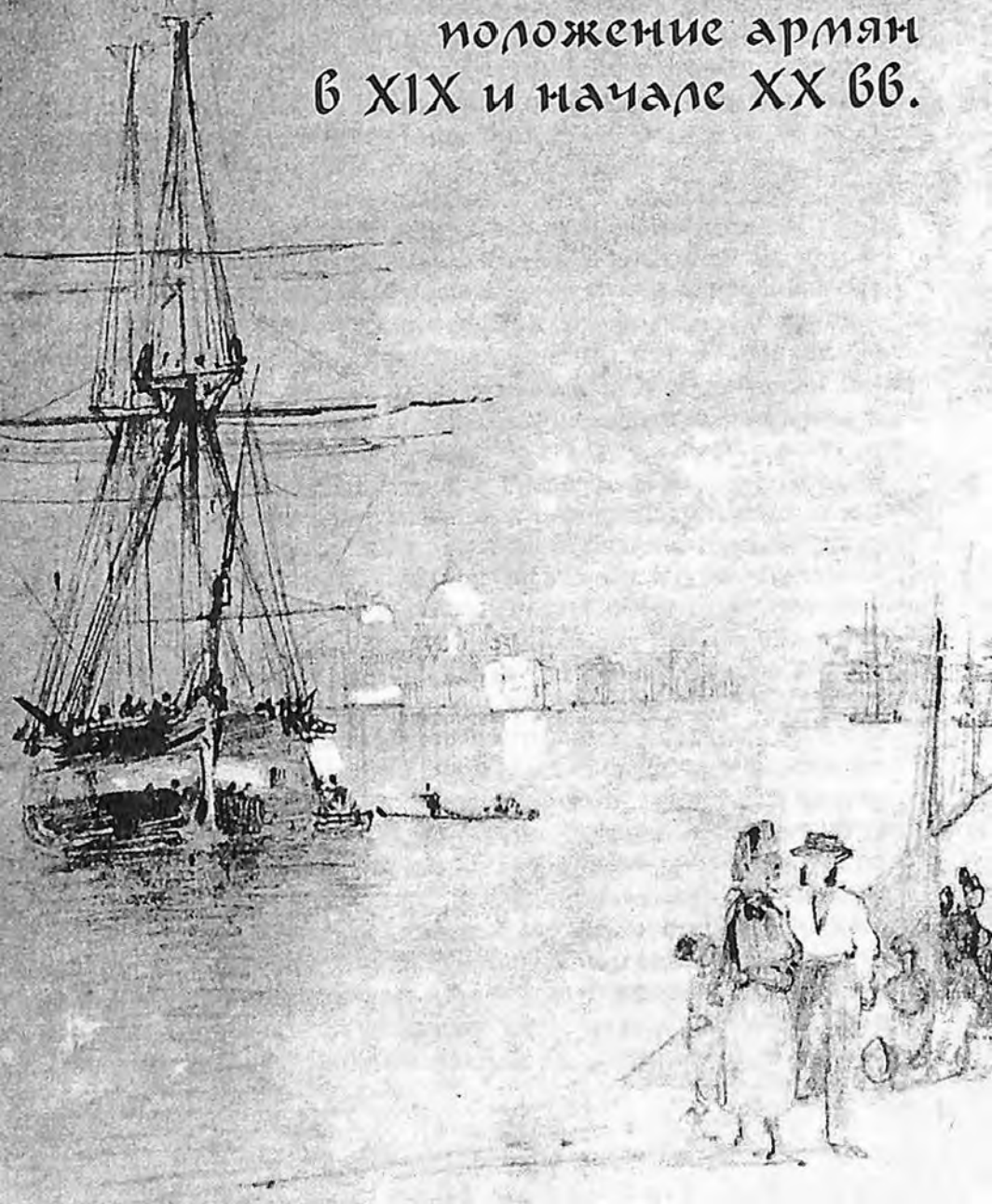
¹ Там же, л. 1 с об.

² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 4, д. 49, л. 88.

³ А. К. Завадский-Краснопольский, Крым, природа, население и особенности края, СПб., 1874, с. 6.

⁴ «Приложения к всеподданнейшему отчету о состоянии Таврической губернии за 1892—1901 гг.». Симферополь, 1893—1901 гг.

Правовое и
экономическое
положение армян
в XIX и начале XX вв.

В отношении административного управления крымские армяне полностью находились в подчинении губернских властей и их местных представителей. Наряду с этим общества старокрымских армян и карасубазарских армян-католиков пользовались определенным внутренним самоуправлением, дарованным грамотами 1779 и 1799 годов. Эти грамоты гарантировали им право учредить магистраты (ратушу или суд), функционировавшие сообразно «национальным правам и обыкновениям армян».

Старокрымская армянская городская ратуша была основана в соответствии с грамотой Павла I от 28 октября 1799 г., которая по заселении армянами Старого Крыма позволяла им «учредить собственный армянский суд, под именем магистрата, и в нем рассматривать и решать дела тяжёбые и исковые на армянском языке по прежним народа сего правам и обыкновениям, выбираемыми из общества членами, с потребным числом секретарей и канцелярских служителей... Суду сему, или магистрату, быть под апелляциею губернского правительства и управляющего губерниею...»¹.

После этой грамоты ратуша была учреждена не сразу. Понадобилось еще несколько лет, связанных с заселением города, чтобы открыть ее. 5-го августа 1807 г. армянское общество города обратилось к гражданскому губернатору Таврической губернии, прося дать распоряжение открыть ратушу на основании существующей грамоты. 28-го июля 1808 года она открылась — в этот день состоялось ее учредительное заседание. В протоколе заседания записано:

«1808 года июля 28 во вторник, Старокрымской армянской городской ратуши, прибыли бургомистр Минас Аведиков, ратманы Михаил Капрелов и Лусеген Бедросов, пополуночи, в 8-ом часу.

Слушали: По указу его императорского величества Таврической армянской городской ратуши, слушав предложение в копии учиненного в Таврическом губернском правительстве по исполнительной экспедиции определения в копии... предложения его сиятельства господина генерал-лейтенанта Херсонского военного губернатора управляющего и гражданской части здешней губернии и кавалера Эмануэла Осиповича Дюка де Ришелье в сей ратуше с нынешнего числа начать свое действие и продолжить оное по силе высочайше дарованной Таврическому

---

¹ «Собрание актов», ч. I, с. 222.

армянскому обществу в 28 день октября 1799 года грамоты и общих узаконений, о каковом открыта сея ратуша.

Приказали: по сему учинить экстракт за подписью присутствующих членов, оное дело приобщить к делам»¹.

На протяжении своей более чем 60-летней деятельности (вплоть до 1870 г.) ратуша соблюдала эту форму составления протоколов. Ее заседания всегда происходили по вечерам, 2—3 раза в неделю.

Членов ратуши избирало общество через каждые три года тайным голосованием. Избранным считался тот, кто получал больше избирательных шаров: на одну должность обычно баллотировались два-три кандидата. Избираемый должен был собрать не меньше половины голосов — существовал принцип простого большинства. После выборов члены ратуши приводились к присяге, а их список утверждало губернское правительство. В выборах участвовали купцы и мещане, избиравшие не только бургомистра и ратманов, но и городского главу и старосту.

Сохранились почти все дела старокрымской армянской городской ратуши — 1768 единиц хранения (Крымоблархив, ф. 67, оп. 1). В этих документах отражены также результаты всех выборов, проводившихся через каждые три года. Они показывают, что до середины XIX в. избирали и избирались только армяне. Начиная с 50-х годов в выборах принимают некоторое участие также русские — лишь в качестве избирателей; в состав ратуши могли избираться лишь члены армянского общества, пользовавшегося грамотой 1799 г.

Выборы старокрымской армянской городской ратуши и карасубазарского армяно-католического суда, проводившиеся в одном и том же порядке и точно по тем же правилам, по которым происходили выборы в городские магистраты во всей империи, очень часто сталкивались с большими трудностями. Дело в том, что заметная часть избирателей часто отсутствовала, так как по своим делам на долгое время отбывала в другие города губернии. Это обстоятельство заставляло ратушу и суд часто прибегать к помощи тех городов, в которых пребывали избиратели, не пожелавшие вовремя вернуться. Полицейские участки Симферополя, Бахчисарая, Феодосии и других городов заблаговременно делали публикации, предупреждая старокрымских и карасубазарских купцов о дате городских выборов². Но если и эта мера оказыва-

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 10, л. 1.

² Там же, ф. 67, оп. 1, д. 7, л. 4—5.

лась малоэффективной, то полиция, по указанию губернских властей, силой выселяла их из этих городов на выборы¹.

Члены ратуши фактически работали на общественных началах, бесплатно. Получали жалование лишь писарь, два канцелярских служащих, рассыльный и сторож. Член ратуши мог отсутствовать в городе только по решению других членов.

Деятельность карасубазарского армяно-католического суда начинается с 1790 г. и заканчивается в 1870 г. В его состав входили городской глава и три члена — заседатели. Один из заседателей считался председателем суда. Суд имел также писаря и канцелярских служащих. В отличие от старокрымской ратуши, расходы армяно-католического суда брало на себя государство.

Карасубазарский армяно-католический суд функционировал на той правовой основе, которую ему обеспечивала статья пятая грамоты 14-го ноября 1779 г. Она, в частности, гласила: «По поселении вашем иметь ратушу, которую назвать католическим судом, и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками»². Поэтому в его состав избирались только армяне-католики из подведомственных суду членов общества.

Старокрымская армянская городская ратуша и карасубазарский армяно-католический суд являлись органами местного самоуправления. Ведая административно-экономическими и судебными делами этих двух армянских обществ, они служили интересам наиболее зажиточной части купечества и землевладельцев.

Члены этих органов внутреннего самоуправления являлись проводниками распоряжений и решений центрального правительства и губернских властей. Основную отрасль их деятельности составляли вопросы, связанные с благоустройством и экономическим развитием этих городов, организацией торговли и ремесленного дела, промыслов, со своевременным сбором налогов; в их ведение входили опекунские и наследственные дела, сиротские суды. Особенно много времени занимали у них вопросы организации торговли.

Правомочность ратуши и суда ограничивалась лишь обществами, подведомственными им в Старом Крыму и Карасубазаре. Она не распространялась на те армянские общины, которые находились в Евпатории, Феодосии, Симферополе, Армянске, Бахчисарае и др. местах, а также на армян-григориан, живущих в Карасу-

¹ Там же, д. 6, л. 13, 18 — 22.

² ЦГИА СССР, ф. 1152, 1840 г., д. 129, л. 18.

базаре, так как все они, прибывшие на полуостров в основном после 1804 г., не пользовались привилегиями указанных грамот. Эти армянские общины непосредственно находились в ведении местных властей на общих основаниях. Начиная с 70-х годов, когда деятельность ратуши и суда прекращается, подведомственные им общества также переходят на общее положение жителей губернии.

Представители наиболее знатной верхушки колонии, своими экономическими интересами и политическими устремлениями связанные с царскими властями и имущей прослойкой губернии, шаг за шагом пробираются к бюрократической власти, занимая различные посты и должности в ее аппарате, добиваются привилегированного сословного положения. По городскому же положению 1892 г. основная масса крымских армян, как и все трудящиеся полуострова, лишалась права участия в выборах в городские думы, ибо в основе выборов лежал имущественный ценз. Например, из 2.206 симферопольских армян в выборах участвовало всего 80 человек, т.к. они владели недвижимым имуществом стоимостью не меньше 1000 руб.¹

***

В жизни таврических армян (как, впрочем, и других армянских колоний) деятельность церкви приобретала некоторую специфичность, объясняемую особыми условиями. В чужой среде, в глазах верующих и подавленных невежеством масс, роль церкви преувеличивалась, и перед ее предводителями открывались широкие возможности, помимо выполнения своих чисто духовных обязанностей, вмешиваться в жизнь своих прихожан. Поэтому ее деятельность в колониях в какой-то степени носила общественный характер. Крымские поселения армян в этом отношении не составляли исключения. В начале XIX века церковными делами крымских армян ведало Нахичеванское духовное правление, а с 1803 г. — Карасубазарское духовное правление. Наряду с последним, начиная с 1812 г., в Крыму появилась должность наместника католикоса всех армян. Армянские церкви в Крыму входили в Нахичевано-бессарабскую армяно-григорианскую епархию.

В 1842 г. наместник католикоса в Крыму уступает свое место главному попечителю крымских армянских церквей. Это было светское лицо, и ведение хозяйственных и финансовых

¹ «Крым», газета, 1896, № 235.

дел исключительно входило в его компетенцию. На местах при церквях имелись ктиторы и хранители церковных сумм. Все они, в соответствии с задачей защиты интересов церкви, по всякому удобному и неудобному поводу считали своим долгом вмешиваться в жизнь армянских поселенцев, вызывая всякого рода недовольства, зачастую выражавшиеся в открытом протесте.

***

Ликвидация крымского ханства с присущими ему недостатками, тормозившими развитие экономической жизни полуострова, во многом способствовала оживлению и дальнейшему подъему экономики губернии. С конца XVIII и начала XIX вв. хозяйственная жизнь постепенно входит в нормальное русло; это обстоятельство стимулирует развертывание экономической деятельности и у армянских поселенцев, оставляя свой отпечаток на таких видах их занятий, как торговля, ремесленное дело, земледелие в различных его областях.

Имея деловые связи с русским внутренним рынком, с Кавказом и торгово-ремесленными районами на Востоке, особенно в Турции и Персии, таврические армяне в этот период во многом способствовали пробуждению и развертыванию торговли новообретенного края. Они выступали в роли как непосредственных торговцев, купцов, так и инициаторов и реализаторов различных торговых сделок. Их участие было заметно и в оптовой, и в розничной торговле.

Торговая деятельность большинства армян в этот период стимулировалась привилегиями, данными известными грамотами. Однако, начиная с 1807 г., делаются попытки на основании новопринятого манифеста лишить общества старокрымских армян и карасубазарских армян-католиков привилегий, вовлекая их в гильдейскую торговлю. Общества поднимали свой голос протеста. Борьба, длившаяся более чем полтора десятилетия, закончилась в их пользу: императорский указ 29-го февраля 1832 г. сохранил их прежние привилегии. Это, разумеется, не означало, что армяне оставались за пределами гильдий, попросту они могли торговать и без них. В гильдии же записывались армяне, на которых привилегии не распространялись, а также привилегированные, но располагавшие для этого достаточным капиталом.

С самого начала присоединения Крыма к России уже перебравшиеся туда армяне, а также их соотечественники из Новой Нахичевани и Турции принимают заметное участие в торговле

на полуострове и через него с районами Азовского бассейна и Северного Кавказа, а также с Турцией. Об этом свидетельствуют, например, ведомости о прибывших к берегам Крымского полуострова судах, составленные 23-го марта, 6-го и 12-го апреля 1784 г. канцелярией генерал-поручика Игельстрома. Из этих ведомостей явствует, что большинство торговых людей, находившихся на этих судах, составляли русскоподданные и турецкоподданные армяне, причем из 7 судов 2 принадлежали армянам. Прибыли они из Константинополя, Унии (в Турции), Таганрога. Небезынтересно наименование товаров, предназначенных для продажи: лимоны, апельсины, вино, изюм, жир, табак, кофе, мука, а также разные шелковые и хлопчатобумажные материи, полотно, платки и др.¹ По другой ведомости, составленной той же канцелярией 27 апреля, в портах Феодосии и Евпатории стояли 2 армянских судна, а на других судах находились 9 служащих-армян и 49 армян — торговых людей².

Для крымских портов 1784 г., не ставших еще на ноги, прибытие торговых судов и торговцев имело, бесспорно, немало важное значение.

Наряду с этим уже в первый же год после присоединения Крыма здесь можно было встретить армян-купцов, торговля которых принимала довольно крупный размах. К их числу принадлежал, например, некий Григор-ага, державший в Евпатории целый караван-сарай³, а также только что перешедший из турецкого в русское подданство Аветик Хачатуров, товар которого оценивался в 6000 рублей⁴.

В конце XIX и начале XX вв. с осуществлением задачи заселения полуострова параллельно оживлялась и торговля. Наряду с русскими купцами в торговле продолжали заметную активность проявлять и армяне. Особенно тесные связи они поддерживали с Абхазией и Черкесией. Некоторые крымские армяне, например, феодосийский купец Торосов, в Черкесии имели даже своих торговых агентов. Кстати, по его ходатайству в 1826 г. правительство постановило впредь до устройства керчинского карантина дозволить феодосийской таможне беспошлинно пропускать товары, привозимые из Черкесии и Абхазии⁵.

---

¹ Центральный Государственный военно-исторический архив. (В дальнейшем ВИА), ф. 52, д. 336, ч. III, л. 33 об., 77 об., 81 и ч. IV, л. 8—10.

² Там же, ч. IV, л. 12.

³ В. Х. Кондораки, В память столетия Крыма, т. 1, с. 17.

⁴ ИТУАК, № 13, 1891 г., с. 15.

⁵ Крымоблархив, ф. 45, оп. 1, д. 945, л. 2 и 10.

Возможно, беспощадный пропуск товаров диктовался политическими соображениями. Торговавших в Черкесии и Абхазии армян часто использовали в качестве агентов, выполнявших поручения русских военных властей по выяснению обстановки, а также устремлений турецкой политики. В большинстве случаев это были армянские купцы из Крыма. В 1827 г. такие поручения выполняли крымские армянские купцы Даниел Петросов, Юсуф, Оваким Саркисов, Егор Черноков и др., торговавшие в Тамани, Анапе, Черкесии. В своем донесении от 1-го сентября 1827 г. буغازский комиссар Вечерковский, в частности, сообщал: «прошлого августа 30-го числа генерал-майор Сысоев прибыл в Бугаз и привез с собой торгующего в городе Тамани армянина Данилу Бедросова и на другой день отправил его с каким-то своим письменным отношением к анапскому паше; особенно дал Бедросову словесное приказание, дабы он замечал о действиях военного приготовления и о числе находившихся в Анапской крепости турецких воинов. Бедросов, если не сможет так скоро узнать обо всем поручении его посольства, то сам остался бы под каким-либо предлогом в Анапе... прислал бы непременно с каким ни на есть сведением казака Мартынючка. Ибо генерал Сысоев будет ожидать его известий и потом обязал донести генералу Эмануелу»¹. Армянский же купец Юсуф ставил русские власти в известность, что находившийся более двух недель со своими сыновьями в Анапской крепости черкесский князь Ендар в числе прочих поручений анапского паша обязался примирить с ним всех совсугских и абазехских князей. Купец Саркисов, в свою очередь, сообщал, что хотя при анапской крепости нет турецкого лагеря, но он имеется в каком-то ауле, недалеко от Екатеринодара, в составе 200 человек². Старокрымский армянский купец рассказал, что в бытность его в крепости Анапа он был «зрителем великих движений в то самое время, когда почтовое судно, доставившее с дивани (султанского правительства) важные бумаги к анапскому паше, вскорости отправилось обратно, и что анапский паша по получении с судна бумаг тот же час принял действия строгой бдительности по крепости Анапе, приводя оную разными починками в самое лучшее оборонительное состояние; приказал все орудия поставить по бастионам, сам оное осматривал и запас[ал] довольным числом снарядов. Потом делал смотр анапскому гарнизону и приказал починить испорченные ружья и делал солдатам по своему манеру учение»³.

¹ Архив внешней политики России, ф. Главный архив У-Бз, д. 232, 1824, л. 242 с об.

² Там же, л. 244 с об., 261 — 262.

³ Архив внешней политики России, ф. Главный архив У-Бз, д. 256, л. 77 с об.

Накануне русско-турецкой войны, вспыхнувшей через несколько месяцев, выполнение подобных поручений армянскими купцами нельзя отнести только к их торговым интересам. Эта их деятельность, скорее, выражала общую симпатию армянского народа к России, насчитывавшую вековую историю, а в данный момент она связывалась непосредственно с его освободительными чаяниями, связанными с победой русского оружия против Турции.

В первые десятилетия XIX в. в крымской торговле доминировали в основном предметы обихода и одежда. В Крым привозились: шелковые и хлопчатобумажные ткани, готовое платье, рис, растительное масло, кофе, стройматериалы и др. Из Крыма или через крымские порты вывозились: шерсть, кожа, мука, пшеница, рыба.

До 1870 г. торговля крымских армян носила более организованный характер в Старом Крыму и Карасубазаре. В этом деле особую роль играли старокрымская армянская городская ратуша и армяно-католический суд в Карасубазаре, тратившие солидную часть своего времени на организацию торговли. Для позволения тому или иному члену общества заниматься торговлей они получали от губернских властей торговые свидетельства и билеты и раздавали их желающим, взимая за них соответствующие пошлины. К таким документам относились: свидетельство на мелочную торговлю, билеты на содержание лавок и кофеен, гильдейские свидетельства, различные акцизные свидетельства, приказные свидетельства, патенты на продажу напитков, доверенности, свидетельство о принадлежности к купеческому сословию, паспорт на отлучку по торговым делам в другие города и др.¹ Невзирая на привилегии, получение этих документов со временем становится обязательным и для людей, подведомственных суду и ратуше. За это ратуша и суд несли полную ответственность. За каждый документ, позволявший заниматься торговлей, взималась определенная сумма и вносилась в казну. Например, годовое свидетельство на мелочную торговлю стоило 10 рублей, свидетельство 2-ой гильдии — 35 руб., свидетельство для приказчиков I-го класса — 20 руб., II класса — 5 руб. и т.д. Такие тарифы свидетельств и билетов на право торговли и промыслов относились к местностям IV класса².

После реформы 1861 г. торговая деятельность карасубазарских и старокрымских армянских обществ, подведомственных суду и ратуше, заметно расширяется. Об этом красноречиво свидетельствуют журналы о торговой и промышленной деятельности

---

¹ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 1758, л. 5 — 26; д. 10, л. 75, ф. 179, оп. 1, д. 326, л. 53 — 79.

² Там же, ф. 179, оп. 1, д. 326, л. 144.

этих обществ, составленные в 1867 и 1870 гг. В отношении старокрымского общества записано, что его члены в этом заштатном маленьком городишке держали 11 торговых лавок, 4 винных погреба, 2 азиатских кафетерия, 2 хлебопекарни, 5 питейных домов и др.¹. Все они принадлежали 37 армянам, подведомственным ратуше. Эти торговые заведения, которые содержались на основании соответствующих торговых свидетельств и билетов, в основном продавали шерстяные, хлопчатобумажные и табачные изделия, хлеб, спиртные напитки, стройматериалы, в частности кирпич, черепицу и др. От старокрымского армянского общества не отставали карасубазарские армяне-католики: семьдесят членов их общества в 1867 г. имели в городе 27 лавок с мелочными товарами, 8 лавок с красными товарами, 6 винных магазинов, 1 винный погреб, 2 водочных погреба, 2 табачные лавки, 1 магазин стройматериалов и 2 свечные лавки². Помимо армян-католиков в карасубазарской торговле заметное место занимали армяне-григориане, имевшие здесь уже солидную колонию. В 1832 г., например, по неполным данным, они вложили в торговлю города 113500 руб., не считая зажиточного торговца Погоса, открывшего в городе 16 торговых лавок³.

Заметное участие принимали крымские армяне в гильдейской торговле в таких городах Крыма, как Симферополь, Феодосия, Евпатория, Карасубазар и др. Гильдейская торговля не была чужда даже армянам Старого Крыма и Карасубазара, подведомственным суду и ратуше, если это позволял их капитал. Даже в 1826—1827 гг., когда старокрымское армянское общество состояло в подавляющем большинстве из бедных семей и в начале 20-х годов прибегло к казенному кредиту, оно имело своих представителей в гильдиях с общим капиталом 80000 рублей⁴. Число таких купцов из года в год увеличивалось. Их было еще больше среди карасубазарских католиков-армян, которые еще во времена П. Сумарокова «почитались лучшими купцами города»⁵. Каждый год из общества по 15—25 человек записывались в третью, а впоследствии и в первую гильдию. В 1829 г. купцов, записанных в гильдию, было 28, в 1855 г. — 98⁶. Особенно часто в гильдии записывались симферопольские армяне.

¹ Там же, ф. 67, оп. 1, д. 1758, л. 5—25.

² Там же, ф. 179, оп. 1, д. 326, л. 53—79.

³ Там же, ф. 169, оп. 1, д. 96, л. 8—12.

⁴ Крымоблархив, ф. 67, оп. 1, д. 454, л. 42—43.

⁵ П. Сумароков, указ. соч., ч. II, с. 70.

⁶ Крымоблархив, ф. 179, оп. 1, д. 333, л. 3, д. 226, л. 39.

В пореформенный период, с общим экономическим прогрессом, крымская торговля также разворачивается в широких масштабах. Симферополь и Керчь, Евпатория и Феодосия становятся важными торговыми центрами не только в Крыму, но и вообще в империи. Возрастает роль Карасубазара во внутренней торговле полуострова. Если товарооборот феодосийского и севастопольского портов в 1866 г. составлял 2.799.340 руб., то к концу столетия он равнялся 24 млн. руб.¹ Проведение железной дороги еще больше стимулирует развитие торговли в последней трети XIX в.

Торговое сословие армянского населения Крыма занимало не последнее место в этом подъеме. Его деятельность, начиная с 60—70 годов, заметно концентрируется в Симферополе, хотя в Феодосии, Армянске, Карасубазаре и Евпатории оно также продолжало играть заметную роль. Судя по алфавитному списку симферопольских купцов 1895 г., среди них было более 70 армянских купцов, в их числе такие состоятельные фамилии как Бояджевы, Мазлумовы, Закиевы, Спендиаровы, Гусиковы, Жамгочевы, Даутовы, Тумановы и др.² Посредством своих приказчиков и агентов они уже торговали в духе изменившейся эпохи, в полном соответствии с требованиями развивающегося капиталистического хозяйства: держали специализированные магазины, лавки, торговые фирмы, обращались к помощи рекламы и др. Вот, например, несколько рекламных объявлений армянских купцов, напечатанных в газете «Крым» в 1897 г. «С 5-го сего марта на 8 дней назначается большая распродажа на все находящиеся и ежедневно поступающие товары в суконно-мануфактурном магазине И. Б. Бояджиева». «Получен большой выбор непромокаемых брезентов в магазине Я. Г. Мазлумова в Симферополе». А Г. А. Христофоров и К_о, объявляя о продаже вин, выдержанных в собственных подвалах, от имени своей фирмы гарантировали их натуральность³.

Если оставим в стороне армян, торговавших вне гильдий на основании различных свидетельств и билетов и образовавших многочисленную массу, то даже только торговый капитал армян, занятых в гильдиях, в конце XIX — начале XX вв. составлял довольно внушительную сумму. По официальным данным, приведенным в книге П. Н. Надинского, в Крыму тогда в гильдии были записаны 4.938 купцов, среди них армянские купцы составляли 10,6%, занимающая пятое место после русских, украинцев, евреев и татар⁴. Значит,

¹ П. Н. Надинский. Очерки истории Крыма, ч. I, Симферополь, 1951, с. 156.

² Крымоблархив, ф. 63, оп. 1, д. 328.

³ «Крым», газета, 1897, №№ 53, 123, 174.

⁴ П. Н. Надинский, указ. соч., с. 204.

согласно приведенным цифрам, армянских купцов насчитывалось 523 человека, и объявленный ими капитал составлял по меньшей мере 4,5—5 млн. рублей, так как с 1863 г. третья гильдия была ликвидирована, а требуемый для второй гильдии капитал должен был равняться 5.000—10.000 руб., для первой же гильдии — не менее 10.000 руб. Если для каждого купца мы в среднем возьмем 8.000 рублей, то получится указанная сумма. В нее не входил капитал армян, торговавших вне гильдий, который не поддается подсчету и который был несравненно больше первого. Но отсюда следует, что вместе с русскими, украинцами, евреями армяне принимали живое участие в таврической торговле и в новое время.

***

Среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники. Их ряды из года в год пополнялись за счет западно-армянских ремесленников, вследствие турецких бесчинств и погромов периодически покидавших родные края. Еще в 1801 г. желающие поселиться в Крыму константинопольские армяне через своего поверенного ставили русское правительство в известность, что наряду с торговлей, главным предметом их деятельности будет завезение «разных шелковых и бумажных рукоделий»¹.

Известно, что в XIX в., особенно в его первой половине, ремесла еще не утратили своего бывшего значения в экономическом развитии Крыма. Убогое состояние обрабатывающей промышленности компенсировалось ремесленным производством, призванным отчасти удовлетворить растущие потребности населения губернии в этой области. Армяне-ремесленники пользовались славой хороших мастеров в Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе.

Вопросы организации и развития ремесленного дела занимали заметное место в деятельности старокрымской армянской ратуши. В год своего открытия на одном из первых своих заседаний (28 октября 1808 г.) она даже приняла меры по обеспечению ремесленного сословия припасами с тем, чтобы ремесленники не были «принуждены отлучиться покупкою оных» и вследствие этого не прекратили бы своей работы². В Старом Крыму армяне-

¹ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, д. 28, л. 4 об.

² Крымоблархив, ф. 67, д. 10, л. 79 об.

ремесленники имели ряд мастерских. Среди ремесленников выделялись красильщики, булочники, мастера табачного дела, каменщики, виноделы, сапожники и др. Заметное число составляли они и в Карасубазаре. В 30-х годах XIX в. только турецко-подданных армян-ремесленников в городе насчитывалось 89 человек, не считая членов их семей. В их числе были: булочники, пекари, ткачи, ювелиры, портные, маляры, парикмахеры, мыловары и др.¹

Начиная со второй половины XIX в. отдельные представители богатой верхушки торгового сословия армян стремятся умножить свой капитал также путем вложения его в фабрично-заводское производство. Возросший торговый капитал позволяет им стать владельцами небольших фабрик и заводов в Симферополе, Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре. Чаще всего это были предприятия, занимавшиеся рыболовством, производством консервов, черепицы, обработкой кожи и т. д. Еще в 20 — 30 годах XIX в. некоему А. Ариотинову принадлежали два рыбзавода в Феодосии, в которых годовой улов рыбы составил: в 1829 г. — 219 тонн, 1830 г. — 157 и 1831 г. — 231 тонну². В 60 — 70-х годах Григор Бозадян и Арутюн Чобанян в Старом Крыму имели черепичные заводы³.

Мукомольные, кожевенные, обувные, мыловаренные, свечные и др. предприятия, являвшиеся собственностью армянских купцов Момджяна, Рафаэляна и др. в Симферополе и Карасубазаре, приносили им значительный годовой доход. В начале нашего века в Севастополе ктитор армянской общины купец Г. Геворков владел паровой макаронной фабрикой⁴. В Таврической, Екатеринославской губерниях и на Кавказе широким спросом пользовались изделия обувной фабрики-мастерской, принадлежащей Срапионяну в Симферополе. Основанное им в 1906 г. предприятие работало на привозном сырье из Петербурга и Кавказа⁵.

Представители богатой верхушки армянских поселений являлись участниками более или менее крупных хозяйственных мероприятий в губернии, таких как: строительство железной дороги, добыча соли, торговые ярмарки и др. Большую инициативу проявил и великий маринист И. К. Айвазовский (брат предводителя Ново-Нахичеванской и Бессарабской армяно-григорианской епархии в 1858 — 1865 гг. архимандрита Габриеля Айвазяна) в деле снабжения города Феодосии питьевой водой. В 1887 г. он

¹ Крымоблархив, ф. 169, д. 96, лл. 16 — 23.

² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 160, л. 161, лл. 41, 45, д. 162, л. 38.

³ Крымоблархив, ф. 67, д. 1758, лл. 5 — 26.

⁴ Матенадаран, архив личн. фонды, св. 132, док. 2221.

⁵ Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 416, л. 77.

пожертвовал городу водопровод из Сибашского озера, доставлявший 50 тыс. ведер воды в сутки, благодаря чему город был обеспечен питьевой водой¹. Одним из инициаторов проведения городского освещения в Симферополе явился механик компании «Электричество» инженер Н. К. Шахвердян. По его проекту в центральной части города устанавливаются электрические фонари².

***

В экономической жизни крымских армян, как и в средние века, важное место занимало сельское хозяйство: садоводство, бахчеводство, табаководство, полеводство, отчасти также и шелководство. В формально-юридическом отношении все крымские армяне были равноправны, однако разница в их имущественном положении неизбежно вызывала различное их отношение к земле: имелись крупные землевладельцы и наряду с ними — масса бедняцких семей, работавших в хозяйствах богатей или их арендаторов.

Вначале с землей больше всех было связано старокрымское армянское общество, которому в силу грамоты 1799 г. выделялось 12 тыс. десятин земли. Получение этих земельных угодий вызвало острые споры, длившиеся почти два десятилетия. Дело в том, что в период заселения армянами Старого Крыма там не оказалось столько свободных земель, сколько предусматривала указанная грамота. Более того, «многие участки земли, занятые армянами, должны были быть возвращены прежним владельцам»³, — подтверждает Н. Мурзакевич после тщательного изучения первых дел архива армянской ратуши.

Постоянные распри и жалобы старокрымских армян и их ратуши лишь в 1820 — 1824 гг. получили решение, и то частичное: в 1820 г. Александр I распорядился вместо недостающего количества земли городу, т. е. старокрымскому армянскому обществу, отпустить 30 тыс. рублей кредита. Однако, как и предполагалось, кредит, вокруг раздачи которого возникли большие неурядицы, ничем не улучшил материальное положение трудящихся-армян, так как он в основном попал в руки кучки богатей, которые своим имуществом гарантировали своевременный возврат ссуды в казну⁴.

¹ «Крым», газета, 1889 г., № 39.

² Крымоблархив, ф. 63, д. 455, л. 1 — 2.

³ Н. Мурзакевич, Поездка в Старый Крым, ИТУАК, № 6, 1888, с. 75.

⁴ Одесский облархив, ф. 1, оп. 219, д. 10, 1823, л. 35 — 158.

Небезынтересен порядок, который регламентировал права русских, малороссиян, украинцев, греков и татар, желавших с согласия старокрымского армянского общества утвердиться в Старом Крыму и пользоваться земельными угодьями общества. По распоряжению таврического гражданского губернатора 28 апреля 1824 г. иногородцы-россияне и греки, поселившиеся в Старом Крыму на основании городского положения, должны были кроме своих исправлять также все городские повинности и подати, каковые исправляло армянское общество. Если же они не согласны с этим, то им запрещалось пользоваться городской выгодой. Совершенно иным было положение татар-земледельцев: они должны были «состоять в таком отношении к городу, в каком находятся татары на землях помещиков их живущие». На основании 28 статьи дополнения к «начертанию» бывшей в Крыму комиссии для разбора споров по землям, эти татары обязаны были «давать десятинную подать и работать условленные дни от пяти до осми в году... Споры между помещиком земель и татарами... должны быть разбираемы в присутственных местах. А так как в сем случае городское общество есть то же, что владелец, то если между городом и татарами возникнут о повинностях споры, городской глава должен обратиться с просьбой в земский суд»¹.

Нетрудно заметить, какую цель преследовало это правило в отношении татар-земледельцев. Дело в том, что в случае равноправия с армянским обществом многие татары-земледельцы последовали бы их примеру и ушли бы от своих хозяев-помещиков. А это было явно невыгодно правительству, притом в такое время, когда наблюдалось массовое стремление татар к переселению в Турцию. Таким постановлением правительство шло навстречу интересам татарской феодальной знати.

В первые десятилетия прошлого века крымские армяне в соответствии с общей правительственной программой экономического развития полуострова проявляли деловую инициативу в области распространения шелководства на полуострове.

Еще в 1800 г. в своем постановлении от 24 февраля правительствующий сенат обращал особое внимание на развитие шелководства в новозаселяемом армянами городе Старом Крыму. Поэтому одной из первоочередных задач старокрымской армянской ратуши стал вопрос развития шелководства, сохранения шелковичных деревьев. По ее поручению из Кизляра

---

¹ Крымоблархив, ф. 67, л. 359, л. 1 с об.

привезли 10 фунтов шелковичных семян¹. На втором году своего существования, на заседании от 20-го ноября 1809 г., ратуша выработала строжайшие меры к сохранению шелковичных деревьев, часть которых татары «нерадением своим и мимо сведения армян истребили»². Ратуша на этом же заседании выбрала старшину, ответственного за охрану деревьев.

Мероприятия правительства по развитию шелководства заинтересовали и западных армян, особенно амасийских, довольно опытных мастеров этого дела. Один из них, некий Ованес Илинкирян, в апреле 1811 г. обратился к министру внутренних дел России, предлагая выделить ему, опытному мастеру, земельные участки в Крыму под шелковичные деревья. «...Шелководство с лучшим успехом может быть производимо в Крыму, — хотя некоторые хотели и в настоящее время стараются развести там тутовые деревья, употребляя на то несоответствующие количеству получаемого шелка издержки, потому что недовольно знают оное искусство»³. Он, в частности, предлагал вместе с казной купить на 100 тысяч рублей земли, беря на себя 1/4 часть расходов и обещая через несколько лет вернуть казне употребленные ею 3/4 суммы. Он собирался шелк вырабатывать на своем заводе, для чего обязался привезти из Амасии свои машины. В случае успеха он намеревался «согласить и прочих армян на переселение из Амасии, для занятия тою же промышленностью в Крыму, которого пошва и климат гораздо удобнее, нежели в городе Амасии, к производству оной работы»⁴.

С такой же инициативой выступил армянин из Шамахи П. Шахвердян, который в Карасубазаре с этой целью израсходовал большую сумму⁵.

Основную массу армян, живших в сельских местностях, составляли малосостоятельные или бедные семьи, занятые в бахчеводстве, садоводстве, табаководстве. Вследствие постоянных погромов и бесчинств в Турции их ряды периодически пополнялись выходцами из Западной Армении. Наряду с ними в Крыму вплоть до 1917 г. имелось и немало армян — крупных землевладельцев. Это сословие богачей не возникло в виде феодального института на основе наследственного права. Представители это-

¹ Там же, д. 12, л. 10.

² Крымоблархив, ф. 67, д. 28, л. 4 об.

³ ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 81, д. 1016, л. 1.

⁴ Там же, л. 1 об. См. также лл. 1 — 25.

⁵ Յ. Տէր-Արրիշիւմյան, Պատմութիւն Խրիմու, մասն I, Թեղոսիւի, 1865, էջ 78 (О. Тер-Абраамян. История Крыма, ч. I, Феодосия, 1865, с. 78).

го сословия, как правило, являлись крупными купцами и предпринимателями, которые шаг за шагом проникали и в сферу сельского хозяйства. Это сословие в Крыму возникло благодаря торговому капиталу, владельцы которого, используя благоприятные условия, сложившиеся в Крыму после его присоединения к России и в начале XIX века (наличие свободных земель, сравнительно низкая стоимость земли, малочисленность населения и др.), вкладывали его также в земледелие. Со временем стали настоящими помещиками Налбандовы (895 десятин), Мирзаяны (170), Сеферяны (2425), Топалыны (1167), Цигояны (191), Алтунджяны (691), Оберяны (1440), Степаняны (2044), Туманяны (231), Кушнеряны (680), Айвазяны (1383), Бенкляяны (1054), Спендиаряны (6128) и др.¹ Естественно, указанные цифры не отражают полной картины размеров их земельной собственности. Обосновавшись в городах и не прекращая торговых сделок, они большие доходы получали и от земли, эксплуатируя трудящихся, в том числе и армян. Часть доходов, полученных от земли, они пускали в торговый оборот, расширяя масштабы своей торговой деятельности.

В Крыму крупные земельные участки оказались и в руках армянской церкви. Монастырь Сурб-хач владел неподалеку от г. Старого Крыма 1215 десятинами земли с лесом и садами, а в Перекопском уезде — участком «Ади-Кайчаг» в 2767 десятин². Все монастырские земли составляли 4000 десятин. Сравнительно небольшие участки, в основном виноградники и фруктовые сады, находились в руках и других армянских церквей Крыма.

Лишь несколько небольших виноградников церковь обрабатывала руками «своих» рабочих, остальные земли она сдавала в аренду. В 1832 — 1842 гг. (не считая 1835 — 1836 гг.) только от земледелия монастырь Сурб-хач получил 141.70 рублей³ дохода. Эта сумма из года в год увеличивалась параллельно с повышением цен на землю. Во второй половине столетия она доходила до 5000 руб.⁴ в год, в начале же XX в. только участок «Ади-Кайчаг» приносил 10.000 руб. годового дохода⁵.

Кроме земли, церковные суммы образовывались также за счет различного рода духовных податей и взносов. В 30-х годах

¹ «Статистический сборник Таврической губернии». Симферополь, 1915, вып. IV — VIII; ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 6, д. 561, л. 12, д. 994; оп. 4, д. 1581, л. 1; оп. 140, д. 735/5, л. 24 с об.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 73 б/5 и 31 об., 75; см. также «Крым», газета, 1892, № 37.

³ Матенадаран, св. 105, док. 232.

⁴ ЦГИА Арм.ССР, ф. 57, оп. 2, д. 2110, л. 4.

⁵ Там же.

XIX в. эта сумма составила 1211.58 руб.¹ В дальнейшем она постоянно возрастала, ибо церковь продолжала давать ссуду отдельным богачам-армянам, в результате чего получала большие проценты. Командированная в Крым комиссия, действовавшая на основе пресловутого закона 12июня 1903 г. о конфискации армянского церковного имущества, описала не только большое недвижимое имущество, но и десятки тысяч рублей, принадлежащих церкви². В 1905 г. все они были опять возвращены ей и, вплоть до установления Советской власти в Крыму, покрывали всякого рода ее расходы.

...

С самого начала обоснования в Крыму армянские поселенцы отличались резко очерченным классовым расслоением. Дело в том, что армяне, перешедшие из Новой Нахичевани, Западной Армении и различных городов Турции в Крым, в своем подавляющем большинстве представляли бедные слои населения; одной из основных причин, принуждавших их оставить родные и обжитые места, являлось именно их убогое материальное положение. Крым, естественно, не вносил существенных изменений в такое их положение. Как правило, они пополняли ряды неимущих, за бесценок работавших в портовых городах, у богатых землевладельцев, их бессовестных арендаторов, на церковных земельных участках и т.д.

Основная масса крымских армян, жившая в городах, относилась к сословию мещан. Она не была однородной, и по своему социально-экономическому положению представляла пеструю картину: имелись богатые мещане и наряду с ними — разоренные торговцы, ремесленники, тоже относящиеся к разряду мещан. Самый богатый слой в колонии представляли купцы, состоятельные торговцы, крупные землевладельцы. Начиная с конца 60-ых годов в их рядах появляются также фабриканты, которые, правда, еще неполностью разорвали свои связи с торговлей и земледелием. По имущественному положению крымских армян ориентировочно можно подразделить на три группы: богатое сословие крупных торговцев и землевладельцев, торговцы и ремесленники — представители средних слоев и класс

¹ Матенадаран, св. 105, док. 232.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 73 б/5, лл. 7—97.

неимущих, представлявших городских рабочих, деревенских батраков, малоземельных крестьян, разоренных торговцев и ремесленников. Эти последние являлись объектом широкой эксплуатации со стороны имущих классов.

На плечи трудящихся-армян тяжелым бременем легли налоги, подати и всякого рода повинности. Привилегии грамот 1779 и 1799 гг. распространялись только на армян, в силу этих грамот входивших в старокрымское армянское общество и общество армян-католиков в Карасубазаре. Они составляли заметное меньшинство крымских армян — едва 1/4 их часть. Да и сами грамоты часто игнорировались, и тогда эти общества облагались налогами и отбывали повинности наравне с другими. Все это вызывало их частые протесты, и в ответ на них проводились различные правительственные мероприятия, в основном призванные сохранить дух указанных грамот. Как бы там ни было, до 1870 г. общественно-хозяйственная жизнь этих обществ регламентировалась этими грамотами, а в последующие десятилетия они лишились привилегий. Гораздо хуже было положение подавляющего большинства крымских армян, оказавшихся за пределами этих грамот. Начиная с 1870 г. они и привилегированные армяне платили подушный, поземельный, рекрутский налоги, отбывали различного рода общественные и воинские повинности. Их положение становилось тяжелым также из-за церковных налогов, которые шли в пользу «отечественной» церкви: попов, духовного правительства, начальника епархии и самого патриарха. «Каноническая инструкция» начальника епархии 1821 г. устанавливала не только виды церковных повинностей, но и их размеры соответственно имущественному разделению крымских армян. «Инструкция» разделяла их на три разряда: первых, вторых и третьих. В первый разряд входили самые состоятельные, во второй — середняки, а в третий — малосостоятельные прихожане¹. Духовенство и ктитория церквей по своему усмотрению и разумению путем силы и «пропаганды» взимали подати «во имя отечественной церкви и престижа». И поэтому взимание налогов, как государственных, так и церковных, от случая к случаю сопровождалось сопротивлением трудящихся, вылившимся в глухой социальный протест против «своих» и инородных эксплуататоров. Этот протест красной нитью проходит через всю историю крымских армян XIX и начала XX вв.

¹ Матенадаран. ф. Канцелярия католикоса, св. 38, д. 195.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Общественно-культурное
развитие в новое время

Общественно-политическое и культурное развитие крымских армян в XIX — начале XX вв. прежде всего определялось условиями, в которых они жили. Однако их интересовали не только вопросы «местного» характера. Поддерживая тесную связь с родиной и с армянскими колониями в других странах, крымские армяне проявляли живой интерес к проблемам, волновавшим весь армянский народ. В свою очередь, на первый взгляд «чисто крымско-армянские» вопросы иногда получали общеармянскую окраску, становясь предметом оживленных дискуссий различных слоев армянского народа.

Общественное и культурное развитие армянских поселенцев, несмотря на наличие общенациональных забот, протекало в мирном русле. Отсутствие общности классовых интересов и, наоборот, четкое классовое расслоение оставляли свой отпечаток на их политической и культурной жизни, придавая ей определенный социальный смысл и характер. Это касалось всех без исключения сторон экономической и культурной жизни армян-поселенцев Таврической губернии.

***

В 80 — 90 годах XVIII столетия немало хлопот доставили крымским армянам и их сородичам в Азовской губернии католические миссионеры, стремившиеся, как и в средние века, отторгнуть их от национальной церкви. Миссионеры при этом использовали экономические затруднения, возникшие именно в этот период как в связи с переселением армян в Азовскую губернию, так и с недозволенным возвращением их вновь в Крым. Между тем армяне-католики в Екатеринославе в середине 80-х годов XVIII в. уже получили разрешение вернуться в Крым. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться папские проповедники. Еще в 1780 г. И. Аргутинский обратился к Г. А. Потемкину, прося запретить подобную деятельность католических патеров, ибо по их «превращению многие армяне переходят в их закон и через то производят развратность и ненависть в их семействах». Предводитель армянской церкви в России ходатайствовал также о том, чтобы католические священники «церковнослужение свое отправляли бы на своих европейских языках, а не применяясь к армянской церкви»¹.

¹ ЦГИА Арм.ССР, ф. 139, оп. 1, д. 1465, л. 13 — 14.

Следовательно, поборники католицизма по традиции теперь также проникали в армянскую действительность «со знанием дела», т.е. обычаев и языка армян. Так гораздо легче удавалось «превращение».

В эти годы И. Аргутинскому не раз приходилось с аналогичной просьбой обращаться также и к губернским властям. И надо отдать должное последним — с их помощью миссионерская деятельность представителей Рима среди российских армян была пресечена, и они не имели сколь-нибудь ощутимого успеха. Это, однако, вовсе не означало, что они вообще отказались

от своих устремлений. Наместник католикоса всех армян в Крыму Манвел Гюмушханеци в 1821 г. жаловался начальнику армянской епархии в России архиепископу Оганесу на притеснения иезуитов по отношению к старокрымским армянам¹. В свою очередь, начальник епархии этот вопрос поднимал перед Сестренцевичем-Богушем — предводителем католической церкви в России. Так как ходатайство архиепископа Оганеса Богуш оставил без внимания, то он жаловался непосредственно Александру I, одновременно ставя об этом в известность также департамент духовных дел².

В 40-х годах представители конгрегации мхитаристов из Венеции усиливают пропаганду среди крымских армян. Против них свой голос протеста поднимает великий маринист Оганес Айвазян (Иван Айвазовский). Выражая общие устремления крымских армян, И. Айвазовский в своих обращениях к правительству и католикосу Нерсесу Аштаракеци требовал «изгнания» католических патеров и запрещения ввоза в Крым их изданий. В собственноручном письме к католикосу от 17 мая 1846 г. молодой И. Айвазовский проявил глубокое понимание вреда

Памятник Ов. Айвазовскому в Феодосии

¹ Матенадаран, архив, ф. Канцелярия католикоса, пап. 38, док. 185 а.

² Там же, док. 185 б.

Мемориал Ов. Айвазовскому (1817–1900 гг.)

распространения католицизма среди своих единоверцев армян и необходимости борьбы против него. В указанном письме, написанном на полулитературном армянском языке, смешанном с диалектом крымских армян, он писал: «Я позволю себе напомнить о той просьбе, о которой имел счастье лично поговорить с Вашим святейшеством, а именно — изгнать из этих мест мхитаристов и запретить ввоз в Россию изданной ими литературы. Необходимость всего этого, кроме известных Вашему святейшеству причин, вызывается также тем, что после Вашего отъезда иезуиты — отец Ми-

нас и отец Вртанес отравили наши народы (т.е. армян-григориан и армян-католиков — В. М.) недостойными словами, и чаша их терпения переполнилась; их оскорбительные слова очень обидели наш народ, и мне неудобно об этом подробно беспокоить Ваше святейшество»¹.

И. Айвазовский сознавал, что вследствие отсталости народа католическая проповедь неизбежно вызовет «беспорядки» и поэтому считал, что «изгнание римских патеров из этих мест принесло бы большую пользу нашему народу», и «нация сможет избавиться от этого» зла, что «сейчас как раз время позволяет, чтобы мы (армяне — В. М.) занялись этим», т.е. борьбой против устремлений Рима².

В свете этого письма, продиктованного заботами национального самосохранения, легко понять настоятельные уговоры И. Айвазовского, обращенные к брату, с просьбой оставить мхитаристов и вернуться в лоно армянской церкви.

Но Рим не оставлял в покое и самих армян-католиков. Дело в том, что, как правило, армяне-католики полностью сохраняли

¹ И. Айвазовский. Документы и материалы, Ереван, 1967, с. 91–92.

² Там же.

свой национальный обряд и обычаи, и их «вероотступничество», в основном, ограничивалось лишь признанием верховенства Папы. Это все, разумеется, Риму было не по душе, но его воротилы действовали по принципу «лучше хоть что-нибудь сохранить, нежели потерять все», заранее зная, что в противном случае, т.е. при попытке ликвидировать национальные обычаи и ритуалы, запретить родной язык и др., они лишатся и тех армян, которые в силу различных обстоятельств поддались католической пропаганде. Этим именно мотивировалась «терпимость» Рима к армяно-католической церкви.

Однако при удобном случае посланники Рима нарушали этот принцип, посягая на «свободу» католических армян. Поэтому сопротивление последних римской церкви приобретало определенную национальную окраску. Вот один из инцидентов, имевших место в Крыму в 1909 — 1916 гг. Поводом послужила попытка римских священников изъять из церковного ритуала феодосийских армян-католиков национальный элемент и заставить их проводить церковную службу по латинскому обряду, на латыни. Между тем, зависимость феодосийских армян-католиков от римской церкви была настолько формальной и они пользовались такой независимостью, что благодаря этому в их общество вступали и католики других наций, недовольные Римом. Городской глава Феодосии, синдик местной армяно-католической церкви Дуранте, итальянец по национальности, в своих показаниях ревизору Г. Чарихяну, прибывшему в 1916 г. в Феодосию для проверки дел апостольского администратора, по этому поводу заявил: «В Крыму повсюду — в Феодосии, Симферополе, Карасубазаре, Керчи и других городах они (католики-неармяне) видели, что армяно-католическое духовенство держит себя в стороне от другого духовенства латинского обряда, не симпатизируя его направлению, и именно эта свобода совести от покровительства римских иезуитов привлекала (инородных католиков) в лоно армяно-католической церкви. Надо знать, что в те времена во главе армяно-католических общин стояли гуманные и просвещенные духовные отцы из конгрегации мхитаристов в Венеции, симпатия которых всегда была на стороне России, и зависимость их от Рима в церковных делах была лишь формальной, без каких-либо политических соображений»¹.

---

¹ Матенадаран, архив, личн. фонд, пап. 88, док. 5, л. 33.

В 1909 г. рьяные защитники Рима стараются взять в свои руки армяно-католическую церковь в Феодосии, принадлежавшую им по велению Екатерины II с 1787 г. В 1909 г. католический епископ Кеслер самоправно удалил из церкви армяно-католического священника Григора Сарафова и на его место назначил Варбутянского, что вызвало бурный протест армян-католиков. Прибывшие по этому поводу из Петербурга в Феодосию чиновники по особым поручениям А. В. Петров и К. П. Власов уговорили католического епископа восстановить армянского священника в его правах. Однако это длилось недолго. В 1911 г. Кеслер удалил армяно-католического священника Тер-Гуляна, так как последний отказывался вести службу на латыни, по латинскому обряду. Это вызвало большие волнения и жалобы армян в правительственные инстанции. «По телеграфному распоряжению директора департамента духовных дел иностранных исповеданий, — писала газета «Русское слово», — ввиду поступивших жалоб, что армянский священник препятствует польскому духовенству совершать богослужение в общей армяно-католической церкви, последняя опечатана; армянскому священнику, отстраненному от должности, предложено выехать из Феодосии».

«В армянской общине волнение. Отправляются телеграммы с ходатайством о возврате храма, которым армяне владеют 125 лет»¹. Водворившийся в храме польский ксендз Гудайтис захватил даже строения при храме и угрожал отобрать приходскую школу².

В своих устремлениях представители Папы находили большую поддержку у апостольского администратора армяно-католической церкви в России архимандрита Саркиса Тер-Абрамяна — ярого приверженца римской церкви; по поводу его антиармянской деятельности поступали многочисленные жалобы и протесты прихожан. В одной из них четко отражены мотивы борьбы армян-католиков: «Как верный пропагандист Рима, он (С. Тер-Абрамян — В. М.), с одной стороны, отрицательно относится к мхитаристам Венеции, которые остались верными древним обычаям армянской церкви и привилегиям армян-католиков; с другой стороны — он открыто покровительствует священникам римского колледжа, которые являются сторонниками латинского обряда, и стремится права и порядки армяно-католической церковной жизни... подчинить правилам римско-католической церкви»³.

¹ «Русское слово», газета, 21.IX — 1911 г.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 139, д. 58, л. 56 и 70.

³ Матенадаран, архив, личн. фонд, пап. 88, док. 5, л. 20.

Помимо всего прочего Тер-Абрамян первым долгом требовал «церковное богослужение совершать по латинскому обряду»¹.

Подобная деятельность апостольского администратора встретила резкие протесты и сопротивление со стороны армян-католиков не только в Крыму, но и в Закавказье. Совершенно очевидно, что их борьба, направленная против устремлений Рима, в конечном счете велась за национальное самосохранение.

***

После присоединения Крыма к России крымские армяне еще больше приобщились к русской действительности, общественно-политической жизни России. Их симпатии к русскому народу проявлялись еще со времен первых русско-турецких войн, когда они безоговорочно встали на сторону России, в меру своих сил способствуя ее победе над врагом. Крымские армяне прекрасно осознавали, что победа русского оружия сулит их соотечественникам гораздо лучшую перспективу. Такая их позиция была частью общей русской ориентации армянского народа, имевшей вековые традиции. Это одна сторона вопроса. Другая же сторона диктовалась конкретно экономическими соображениями. Все больше вовлекаясь в сферу экономических отношений с Россией, крымские армяне, и прежде всего торгово-ремесленная верхушка, непосредственно с победой России связывали расширение своей предпринимательской деятельности.

Во время русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. крымские армяне, только что переселенные в Азовскую губернию, из своей среды и на свои средства, по поручению Г. А. Потемкина, организовали волонтерную команду в составе 224 человек, которые должны были быть «употреблены против неприятеля»². «Все они, — сообщал Г. Потемкину организатор дела — городской глава Новой Нахичевани в своем письме от 14 мая 1788 г., — желают участвовать в Тавриде, яко в местах им лучше известных»³.

Особое усердие проявили крымские армяне во время Крымской войны и обороны Севастополя. Через местных армянских купцов в немалой степени осуществлялось снабжение Севастополя различными припасами. Многие крымские армяне за усердие, проявленное в период войны, были удостоены пра-

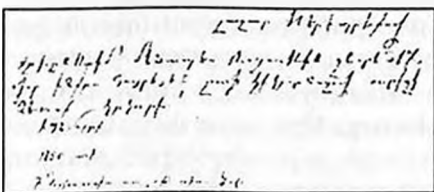
¹ Там же, с. 26.

² ВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1786 г., д. 396, л. 2.

³ ВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1786 г., д. 396, л. 2.

Адмирал Л. М. Серебряков
(К. М. Арцатагорцян)

Армянская рукопись Л. М. Серебрякова

В ИСПОЛКОМЕ ГОРСОВЕТА

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ УЛИЦЫ

Примаво решение: улицы Набережной переименовать в честь адмирала Серебрякова.

В нашем городе имя адмирала Лазаря Марковича Серебрякова известно. Его служба в военно-морском флоте началась в 1810 году, когда он поступил в канонерку в Черноморский флот, и продолжалась в течение пятидесяти лет. До 1837 года он служил попеременно на Балтике и на Черном море, исполняя различные должности, в том числе и должность командира корабля.

В 1857 году Л. М. Серебряков предстал в штаб командующего Камчатской дивизии и Черноморья на должности дежурного штаб-офицера по

делам флота и занятию морских остров на Южном берегу Черного моря. Там ему было присвоено звание капитана первого ранга, а через год — контр-адмирала.

Под руководством и при непосредственном личном участии адмирала восточными участками флота 40—50 годов XIX века адмирал Лазарь Маркович Серебряков был назначен командиром Новороссийска. До апреля 1926 года центральная улица города, давшая название улице Советов, носила его имя.

Учитывая заслуги Л. М. Серебрякова в развитии и развитии Новороссийска, постановлением городского Совета депутатов трудящихся и принял решение о присвоении улице Набережной его имени.

Постановление Новороссийского горсовета о наименовании набережной именем Л. М. Серебрякова

вительственных наград. Великий художник И. Айвазовский, кроме материальной помощи, оказанной им войскам, лично побывал в Севастополе, воодушевлял бойцов, в Петербурге и Симферополе организовывал выставки, доходы от которых шли в фонд помощи семьям погибших и раненых.

Заметную роль во время войны сыграл адмирал Казар Маркосович Арцатагорцян (Лазарь Маркович Серебряков) — сын карасубазарского армянина, прошедшего путь от рядового матроса до наивысшего военно-морского чина. В 1851 г. Серебрякова назначили командующим всей черноморской береговой линией, в этой должности он принимал непосредственное участие в войне¹. Он особенно успешно подготовил и вывел гарнизоны укреплений Новотроицкое, Тенгинское, Веляминское, Головинское и Навагинское черноморской береговой линии. Развитие военных событий вынудило Серебрякова «очистить» даже Новороссийск и Анапу².

За отличие, проявленное в период войны, Л. Серебрякову присваивается звание адмирала.

¹ ЦГА ВМФ, ф. Справочная библиотека архива, д. 965; «Общий морской сборник», т. VIII, с. 208—212 типогр.

² Н. Ф. Дубровин. История Крымской войны и обороны Севастополя. Спб., 1890, т. III, с. 469.

***

Пореформенный период характеризуется развитием капиталистических отношений и для Крыма. Общественная жизнь крымских армян также, хотя медленно, приспособляется к новому процессу развития. Она особенно оживляется в конце века и начале нового столетия. В числе многих общественных организаций особенно заметной становится деятельность церковных попечительств, существовавших почти во всех армянских поселениях Крыма. По своему

Капитан-лейтенант М. Л. Серебряков

содержанию это были типичные благотворительные учреждения, посредством которых их ведущие представители и церковь старались «поднять» нацию на уровень современной цивилизации. Широкой деятельности попечительства в конце XIX и начале XX вв. во многом содействовала организация школьного дела в армянских поселениях Крыма и помощи бедным семьям и др.

В основе деятельности всех попечительств лежали «Положения», по содержанию абсолютно идентичные, хотя каждое попечительство имело различный охват деятельности и располагало различными суммами и имуществом. В данном случае важны те принципы, которыми регулировалась их деятельность. А они были одинаковы и сводились к следующему: члены попечительства избирались на общем собрании прихожан сроком на три года; в попечительство входили также ктитор данной церкви и священнослужитель, назначенный епархиальным начальником; члены попечительства из своей среды избирали председателя, в случае отсутствия которого председательствовал священнослужитель; вопросы разрешались по большинству голосов, при их разделении поровну голос председательствующего играл решающую роль. Шестой пункт положения определял задачи попечительства: «попечительство обязано заботиться: об оказании бедным прихожанам названной церкви возможных пособий в необходимых случаях, об

Памятник над могилой Анны Тавчян в Симферополе

изыскании средств для учреждения при этой церкви училищ, богадельни и других богоугодных заведений по предварительному испрошению на сие разрешения гражданского начальства в установленном порядке»¹. Источником денежных и материальных средств попечительства были: назначенный для помощи бедным церковный капитал, завещания в благотворительных целях и добровольные приношения. Попечительства пользовались покровительством духовного и гражданского начальства, по окончании года представляли общему

собранию отчеты о своих действиях, отчеты обревизовались; после этого утвержденный общим собранием отчет с краткой выборкой представлялся епархиальному начальству, губернатору и министру внутренних дел; затем для всеобщего сведения отчеты печатались на русском и армянском языках².

На основе этих правил функционировали попечительства бедных прихожан при армянских церквях в Феодосии, Симферополе, Карасубазаре, Армянском Базаре, Керчи и Евпатории. Основным источником их существования наряду с церковным капиталом, предназначенным для них, были также завещания и приношения известных и богатых крымских армянских семей, таких как Айвазовские, Спендиаровы, Тумановы, Момджиевы, Мисировы, Топалевы и многие другие.

***

Общественная жизнь крымских армян пережила трудные времена в период 1903—1905 гг., после принятия положения 12 июля 1903 г. о конфискации армянского церковного имущества. С этой целью в Крым прибыли чиновники по особым

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 60, ч. II, л. 172 с об.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 60, ч. II, л. 173.

поручениям Гассель и Романюк. Они и конфисковали движимое и недвижимое имущество армянских церквей. От принятия этого закона в первую очередь пострадали беднейшие слои армян, ибо в основном их дети лишались возможности обучаться грамоте в приходских школах, закрытие которых и предусматривал этот закон. Это мероприятие, вызвавшее недовольство почти всех слоев крымских армян, имело и другую сторону: так или иначе оно стимулировало пробуждение антиправительственных настроений и национально-освободительных устремлений среди армян.

Известно, что в начале XX века Крым становится одним из важных центров создания социал-демократических организаций и революционного движения в России. В 1905 — 1907 гг. трудящиеся Таврической губернии, вместе с матросами Черноморского флота, принимали активное участие в первой русской революции.

Социал-демократическое движение и первая русская революция наложили свой отпечаток на общественную жизнь крымских армян. Передовые представители поселенцев, те, которые осознали необходимость социал-демократического движения, становятся в первые ряды его организаторов. Одним из них был Армен Араkelович Багатурянц, брат известной революционерки Лауры-Вардануш Багатурянц, которая в 1919 г. являлась председателем Крымского ревкома.

Начальник Таврического жандармского управления в 1907 г. А. Багатурянца именовал не иначе, как «главарь партии социал-демократов»¹ в Крыму. Из переписки между охранкой Одессы и Симферополя явствует, что в период, когда революционное движение пошло на спад, А. Багатурянц прилагал усилия для восстановления в Крыму партийной работы, поддерживая связь с социал-демократами в Киеве и Харькове. Начальник Одесского охранного отделения 1 июля 1907 г. сообщал своему коллеге в Таврической губернии:

«Неизвестная личность, принадлежащая к преступным организациям, подписываясь «Аверь», сносится, как это видно из имеющихся у меня секретных сведений, с разными лицами, принадлежащими к таким же преступным организациям, как например, некоей «Марусей» в Харькове, а через нее с каким-то «Августом» в г. Киеве, адресуя последнему так: «Киев, Александру Громову, до востребования». Означенный «Аверь» находится в Симферополе и в своих сношениях с «Августом» говорит о

¹ Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 203, л. 23-а.

нужде в людях, интеллигентской безработице, о приезде из Ростова какого-то видного работника, вынужденного оставить за отсутствием средств Симферополь и переехать в Генчическ, где организация намерена выхлопотать ему место классного наставника в училище, а далее упоминает о своих сочленах, поясняя, что Максим находится на съезде от Крыма, Павел — в Севастополе, Личман — в Одессе, Владимир сидел в Мелитополе, а теперь в Петербурге¹. В заключение начальник одесской охраны просил выяснить личность «Аверя».

В своем ответе от 11 июля начальник таврического охранного отделения точно устанавливал личность «преступного лица»: «По агентурным сведениям, — писал он, — можно точно с уверенностью предположить, что подписавшийся «Аверью» — есть Аверьян (кличка) Армен Аракелович Боготурьянц, инженер-технолог. В настоящее время убыл в Судак. Он — главарь партии социал-демократов, за ним ведется наблюдение»². Наблюдение вел чиновник Сачков, неотступно следивший за ним. С 18 июня до 16 июля Багатуриянц жил в Судаке, а затем прибыл в Симферополь. Архивные документы пока молчат о его дальнейшей деятельности. Но и эти факты достоверно подтверждают, что А. Багатуриянц являлся одним из известных социал-демократических деятелей в Крыму.

***

В последовавший за первой русской революцией период, и особенно в годы Балканских войн, среди крымских армян заметно оживили свою деятельность гнчакисты. Руководителям партии «Гнчак» казалось, что назревает удобное время для разрешения Армянского вопроса. Представители другой армянской демократической партии «Дашнакцутюн» в этот период среди крымских армян не вели какой-либо работы.

Сохранилось немало документов, рассказывающих о том, что начиная с 1909 г., с целью национальной пропаганды и сбора средств в пользу своей партии гнчакисты чаще стали посещать Крым. В мае 1909 г. полиция арестовала старокрымского торговца, турецкоподданного Гарника Мусаяна, обвинив его в том, что он содействовал учителю армянского приходского училища

¹ Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 203, л. 22.

² Крымоблархив, ф. 706, оп. 1, д. 203, л. 23-а.

деревни Субаши Овсепяну в получении из Турции и Кавказа литературы и писем. «Проживающий в дер. Субаши преподаватель субашского армянского училища Овсепян занимается какой-то пропагандой, — сообщал полицейской надзиратель г. Старого Крыма. — Спустя некоторое время я слышал, что Овсепян, приехав из Кавказа, занимается снабжением местных революционеров, преимущественно молодежи, книгами, которые получает будто из Кавказа»¹. Надзиратель подтверждал, что литературу и письма Овсепян получал через торговца мукой Мусаяна.

В 1912—1913 гг. прибывшие из Турции и Кавказа гнчакисты вели активную подпольную работу в Симферополе, Судаке и Евпатории. Осенью 1912 г. в Крым приехал один из известных руководителей гнчакистов Сюник, выступавший под псевдонимами Овсепя Дейирменджи, Багратуни, Биракяна, Амиряна, Суникяна и др.

Как известного политического деятеля гнчакисты Сюника знали давно. Он был делегатом парижского (1905 г.) и константинопольского (1909) съездов «Гнчака», а начиная с 1920 г., — одним из активных его деятелей за рубежом.

По поручению партийного центра, Сюник в Крыму устанавливал связь с молодежью, ведя в ее рядах национальную пропаганду и с ее помощью стремясь собрать средства для «Гнчака». Собранные в Крыму суммы он посылал в Париж Вараздату, т.е. бывшему редактору газеты «Еритасард Айастан» Акопу Турабяну (казначею партии) и небезызвестному Сапах-Гуляну². В Симферополе Сюнику удастся создать отделение партии, имевшее даже свой бланк с надписью: «Центральный комитет гнчакистской социалистической партии. Симферопольское отделение»³.

Однако деятельность Сюника не ускользнула из поля зрения центральной полиции. 9 апреля 1913 г. департамент полиции предупредил таврическое жандармское управление о том, что «по имеющимся в департаменте полиции сведениям видный член армянской партии «Гнчак» Сюник, приехавший из Константинополя в Россию и проживавший под именем Степана Амиряна, в действительности же именующийся Тиграном, находится в настоящее время в Симферополе. Сюник интеллигент, происходит из кавказских армян и учился в реальном училище в Шуше»⁴.

¹ Там же, ф. 706, д. 294, л. 14.

² Там же, д. 416, л. 73.

³ Там же, ф. 706, д. 416, л. 44.

⁴ Там же, д. 411, л. 99.

До ареста полиция производит обыск в домах симферопольских армян Арутюна и Арташа Каяловых, Погоса Закиева и турецкоподданного Мирана Манукяна, которые «организовали в Симферополе сбор денег в пользу армянской социал-демократической партии «Гнчак»¹. Из протокола, составленного начальником Таврического губернского жандармского управления полковником фон Плато 9 апреля 1913 г., видно, что эти сведения стали достоянием полиции через армянского богача Нахшумяна: «Записками от 28 февраля и 15 марта сего года за №№ 520 и 621, начальник Севастопольского охранного отделения сообщил мне, что в январе или начале февраля сего года к купцу Нахшумову в Евпатории явились два армянина с требованием 2000 руб. на революционные цели, причем один из них может быть армянин Миран»².

Всю корреспонденцию Сюник получал через Миграна Манукяна, а тот, в свою очередь, — по адресу братьев Каяловых. «На имя Миграна Манукяна, по адресу магазина братьев Каяловых в Симферополе, — писал фон Плато, — получались в текущем году из Парижа и Константинополя письма Центрального Комитета армянской социал-демократической партии «Гнчак» с просьбой организовать сбор денег в пользу этой партии, имеющей намерения воспользоваться созданным на Балканском полуострове положением для осуществления заветной мечты армян — образования автономной Армении»³.

Еще в июле 1912 г. Таврическому жандармскому управлению поручено было арестовать Сюника. Тифлисское жандармское управление в своем отношении от 6 июля 1912 г. буквально требовало от таврической полиции «по розыске» Сюника «обыскать, арестовать и препроводить его в гор. Тифлис»⁴.

Сюник же не сидел сложа руки. В доме Миграна Манукяна он созывал тайные собрания с участием местной армянской молодежи. К пропаганде гнчакистов явно негативно отнеслась часть представителей богатой верхушки армянских поселенцев. Подобно Нахшумову поступили также некоторые богатые армяне — братья Каяловы, Карасев и др. Последний прямо заявил полиции: «Я слышал, кажется, от свояка Миграна купца Тютюнджи, что Мигран собирает деньги в пользу турецких армян. Поэтому я высказался, что если Мигран явится ко мне с

¹ Там же, д. 416, л. 1.

² Там же, ф. 706, д. 411, л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 25 с об.

требованием денег, то я немедленно об этом заявлю полиции, хотя бы мне за это грозила даже месть с его стороны»¹.

Чем объяснить такое отношение представителей армянской буржуазии? Оно мотивируется не только осторожностью, связанной с позицией царского правительства. Заботясь о сохранении надежных условий для развертывания своего капитала, буржуазия в армянских поселениях в этом смысле не видела никакой перспективы в предначертаниях армянских национальных партий. Потому она не только не помогала осуществлению их программ, но и избегала их, относясь к ним крайне негативно. Эгоистические соображения у армянской буржуазии брали верх, делали ее космополитичной, ибо таковы были условия ее деятельности, большей частью развернутой вне родины. Она не питала никаких надежд на «розовую» перспективу будущей Армении. Одной из главных причин трагической судьбы национально-освободительного движения армянского народа явилось, видимо, это инертное, зачастую откровенно враждебное отношение к нему национальной буржуазии. «Армянская буржуазия, — писал Христофор Микаелян, — верная своему неизменному принципу, не придает значения, хоть бы как моде, такому важному вопросу, каким является армянская проблема».

Вернемся, однако, к деятельности гнчакистов в Крыму. После обысков в середине апреля 1913 г. были арестованы Мигран Манукян, Погос Закян (Закиев) и Овсеп Дейирменджи (Сюник).

Не чувствуя за собой вины в отношении правительства, все арестованные, за исключением Сюника, в своих показаниях признали, что вели работу в пользу партии «Гнчак».

В некоторых показаниях четко выражены мотивы тогдашних устремлений гнчакистов, равно как и их работа в Крыму. «Со времени возникновения войны на Балканском полуострове, — ответил на вопрос следователя Мигран Манукян, — среди турецких армян возродилась надежда избавиться от турецкого ига и для этого воспользоваться важными неудачами турок. Из газет мы, армяне, узнали, что в Париже заседает какая-то делегация, имеющая целью путем дипломатических переговоров с представителями великих держав поднять армянский вопрос на конференции, которую можно созвать по окончании войны». Далее он сказал, что ему известно, что «Гнчак» тоже «имеет своих представителей в Париже», а сам «лично к этой партии не принадлежал... деятельность этой партии проявилась в последнее время

¹ Там же, ф. 706, л. 416, л. 25 с об.

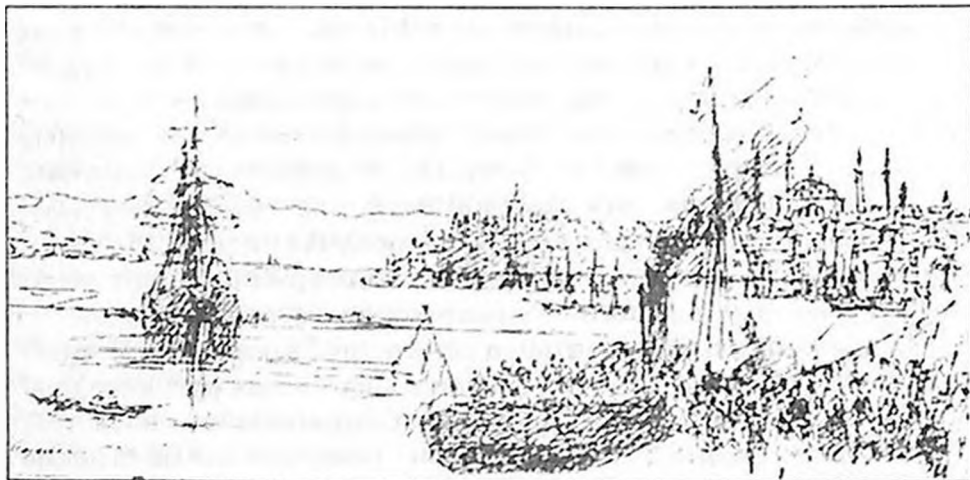
исключительно в национальном духе. Месяца четыре тому назад я познакомился в кафейне «Арарат» с Усеппом Дегирменджоглы, который, видимо, очень интересуется армянским вопросом и на эту тему вел со мной разговор. Его интересовало, как местные армяне относятся к этому вопросу. После нескольких свиданий, Усеп попросил меня дать ему мой адрес, который я ему дал». Подтвердив, что Сюник по его адресу получал письма, М. Манукян затем об отношении местных богатых армян к сбору денег сказал: «как я мог понять из разговоров (местные армяне — В. М.), держатся мнения, что поднимать этот вопрос пока преждевременно, так как еще неизвестна точка зрения русского правительства на восточной вопрос... Из разговоров мне известно, что армянская партия «Дашнакцутюн» раньше была на стороне турецкой партии «Единение и прогресс». Теперь же считает, что турки их обманули, а поэтому отношение этой партии к поднятому ныне национальному вопросу еще не выяснено»¹.

В этот период деятельность армянских национальных партий преследовалась царским правительством. Это не объясняется лишь внешнеполитическими соображениями. Царизм враждебно относился к идеям национальной свободы и независимости, к осуществлению которых стремились эти партии. Именно потому он пресекал их деятельность, хотя некоторые местные чиновники иногда простодушно думали, что эта деятельность их не касается: «При допросе начальник жандармского управления сказал мне, — писал Сюник 19 апреля 1913г. Таврическому губернатору, — что управлением получены сведения, что в г. Симферополе и Евпатории производится сбор пожертвований на пользу партии «Гнчак» для освобождения Турецкой Армении, каковое дело хотя и не имеет никакого отношения к русскому правительству, и что он, начальник управления, также ничего не имеет против этого дела, т.е. освобождения армян из-под гнета Турции, но все же желает познакомиться с обстоятельством дела и ввиду чего арестовал меня, будто бы соучастника вышеупомянутого сбора пожертвований»².

Сопrotивление царизма национально-освободительным устремлениям других народов, в том числе и армян, было не ново. Еще в 1885 г. созванное по высочайшему повелению совещание Великого князя, наместника Кавказского с министрами внутренних и иностранных дел прямо постановило везде и во всем выступить против политических устремлений армян. Нелишне

¹ Там же, ф. 706, д. 416, л. 54 с об.

² Там же, ф. 706, д. 411, л. 193.

Ов. Айвазовский: Турки загружают корабли армянами

напомнить, что такое решение было принято в тот момент, когда совещание выясняло позицию правительства в отношении католикоса всех армян и стремилось выработать пути усиления влияния русского правительства на армян в Турции и вообще на Востоке. Министр иностранных дел Горчаков признавал необходимым, чтобы для усиления влияния на армян «во всех распоряжениях, до армян и армянской церкви относящихся, соображения внутренней администрации подчинялись требованиям внешней политики»¹. Однако его заявление, встретив отпор, не нашло отражения в решении совещания. Статс-секретарь Валуев, не отрицая важности и значения средств к поддержанию среди заграничных армян расположения к России, в то же время говорил: «ввиду небезызвестных правительству стремлений как заграничных, так и отчасти наших армян к восстановлению своей национальной автономии, нужно избежать всего того, что могло бы прямо или косвенно способствовать поддержанию или развитию подобных стремлений»². Он превзошел в этом вопросе наместника на Кавказе. Великий князь требовал вести политику, способствующую ассимиляции армян, живущих в империи. Он сказал: «армянское население в пределах наших сгруппировано преимущественно в Закавказском крае, населенном весьма разнородными племенами, что правительству предстоит стремиться к постепенному слиянию армян с общим господствующим в империи населением, а отнюдь не к поощрению сепаратизма»³.

¹ ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 139, л. 7, л. 41 с об.

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 139, л. 7, л. 41 об.

³ Там же, л. 42 с об.

На основе этих соображений совещание приняло положение, высочайше утвержденное 12 июля 1865 г. «В действиях всех ведомств, — говорилось в положении, — в вопросах, касающихся армянской церкви и армянской народности, должно тщательно согласовать соображения внешней политики с требованиями администрации таким образом, чтобы, противодействуя мечтательным политическим стремлениям некоторых армян, поддержать выгодное для нас духовное значение и влияние католикоса и Эчмиадзина на армян заграничных»¹.

Позиция царизма оставалась в дальнейшем неизменной. В ноябре 1913 г. против Сюника возбуждается судебное дело. Исход дела нам неизвестен. Известно лишь то, что в январе 1914 г. Сюник еще сидел в симферопольской тюрьме. Тем не менее в эти годы крымские армянские поселения с такой же целью часто посещали и другие гнчакисты, например, Г. Топчян, Р. Карапетян и др.²

• • •

Будучи тесно связаны с армянской действительностью, крымские армяне постоянно были в курсе всех важных событий, касающихся Армении и армянского народа, разделяли заботы, выпавшие на долю своих соотечественников на родине, стараясь всячески помочь им.

Так было и в страшный период геноцида армянского народа, организованного турецкими палачами в 1915 г. Все крымские армянские поселения внесли свой достойный вклад в дело помощи армянам, спасшимся от разбойничьего зверства турецких бандитов.

Дело организации помощи беженцам-армянам в крымских армянских поселениях было поставлено на регулярную основу. Почти во всех поселениях были организованы армянские комитеты или комиссии с целью сбора денежных и материальных средств. Уже к 1 июня 1915 г. в адрес Эчмиадзинского синода эти комиссии и комитеты выслали 161.60 руб. 47 коп.³ Эта сумма поступила из симферопольского, севастопольского, карасубазарского, ялтинского, евпаторийского, феодосийского и керченского армянских комитетов помощи беженцам. Помощь не прекращалась и в последующие месяцы, а также в 1916 — 1917 гг.

¹ Там же, л. 43.

² Крымоблархив, ф. 706, д. 411, л. 292 и 346.

³ «Арагат», журн., 1915, №6, с. 505 — 511 (на арм. языке).

От мужчин не отставали и крымские армянки. Симферопольский армянский женский комитет, во главе с Ю. И. Спендиарян, с согласия подобных комитетов в других городах Крыма, осенью 1915г. принял решение открыть в Симферополе для детей армян-беженцев сиротский приют, с этой целью заранее собрав 3.500 руб. Комитет обратился в Эчмиадзин с просьбой отправить в Симферополь соответствующее число сирот.

Представители симферопольских армянок два раза приезжали в Тифлис. Но детей им не дали, ибо было принято решение за пределы Кавказа их не высылать, из-за чего сиротский дом в Симферополе не открылся, но собранные деньги женский комитет предоставил армянским беженцам для закупки семян¹.

Крымские армяне с большим сочувствием отнеслись к армянским беженцам, которые в годы первой мировой войны, а также в первый послевоенный период пробрались в Крым. Благодаря помощи местных армян, основной массе беженцев удалось в эти тяжкие годы спастись от голода и смерти, обосноваться на полуострове и влиться свежей струей в жизнь армянской колонии Крыма новейшего времени.

• • •

Культурное развитие крымских армян в новый период истории характеризуется прежде всего созданием школ, училища, типографии, изданием журналов, книг. Из среды крымских армян вышел целый ряд представителей искусства; некоторые из них пользовались не только всеармянской и всероссийской известностью, но и мировой.

Следует отметить, что при осуществлении культурных мероприятий крымские армяне исходили из привилегий, данных им в России и открывавших перед ними широкие перспективы культурного развития, разумеется, в соответствии с восприятием и духом эпохи.

Привилегии и преимущества крымских армян в первые десятилетия XIX в. приобретали такое серьезное значение, что привлекли к себе всеобщее внимание их зарубежных собратьев. В начале XIX в. некоторые светские и церковные деятели из константинопольских армян намеревались и прибегали к практическим шагам для создания в Крыму армянского культурного

¹ «Мшак», газета, Тифлис, 1916 г., № 54 (на арм. языке).

центра, наподобие конгрегации мхитаристов в Венеции. 20 декабря 1807 г. 12 светских и церковных деятелей из Константинополя письменно обратились к начальнику Ново-Нахичеванской и бессарабской армяно-григорианской епархии архиепископу Ефрему с предложением отвести им монастырь Сурб-хач для основания в нем конгрегации и развертывания культурной деятельности, включая создание типографии и издание книг и журналов на армянском языке¹. Архиепископ Ефрем охотно пошел им навстречу, положительно отозвавшись на их просьбу и предложив им откомандировать в Крым двух человек для ознакомления с условиями². Однако инициативе константинопольских культурных деятелей не суждено было осуществиться, и причины неудачи неизвестны. Но идея создания армянского культурного центра продолжала жить. В 1814 г. с таким же предложением, только в несколько ином варианте, выступил архимандрит Манвел Гюмушханеци. Он пытался одним выстрелом убить двух зайцев: добиться переезда мхитаристов и их конгрегации из Венеции в Крым, перехода их в лоно национальной церкви и создания здесь культурного очага. Одновременно это нанесло бы ощутимый удар Риму и его влиянию на армян-католиков³.

Чтобы окончательно соблазнить мхитаристов, Гюмушханеци счел нелишним сообщить им о том, что русское правительство выделило Сурб-хачу 3.500 десятин земли, а старокрымскому армянскому обществу — 12 тысяч⁴. Старания Гюмушханеци тоже не увенчались успехом, вероятно, из-за отказа мхитаристов. Однако крымские армяне создали свои культурные очаги, сыгравшие заметную роль в их культурном развитии. В этом отношении достойны упоминания церковно-приходские школы, функционировавшие почти во всех армянских поселениях Крыма.

Инициаторами создания этих школ выступили прежде всего армяне-прихожане, заинтересованные в образовании своих детей. Духовенство же шло навстречу желаниям своих прихожан, ибо это способствовало религиозной и национальной пропаганде. Среди служителей церкви было много образованных людей, которые бескорыстно посвящали себя делу образования и воспитания детей, проявляя при этом завидную энергию и патриотическую инициативу.

¹ Матенадаран, ф. Канцелярия католикоса, пап. 18, док. 52, л. 1.

² Там же, док. 54, л. 2 об.

³ Там же, пап. 25, док. 89.

⁴ Там же.

В 1816 г. в Карасубазаре по инициативе Манвела Гюмушханеци открылась первая армянская приходская школа в Крыму. Чтобы поддержать ее дальнейшее существование, М. Гюмушханеци из церковных сумм выделил ей 1000 рублей¹. В 1824 г. Гюмушханеци обратился к Лазарянам с просьбой принять в свой институт 5 мальчиков из крымских армян с тем, чтобы по окончании они вернулись в Крым для работы в армянских школах.

Спустя несколько лет, наряду с карасубазарской, приходские школы стали функционировать также в армянских поселениях Старого Крыма, Феодосии, Евпатории, Симферополя, Керчи, Субаша, Орабазара и др. мест. Во всех этих школах уровень преподавания был очень низким. Детей едва учили грамматике армянского и русского языков, арифметике. Некоторое исключение составляла карасубазарская школа, в которой, начиная с 40-х годов, учащиеся проходили уже 6—7 дисциплин: армянский и русский языки, закон божий, историю, дидактику, географию и арифметику.

В 50—60 годах организации и расширению школьного дела в колонии во многом способствовал Г. Айвазовский, который, став начальником епархии и ознакомившись с положением дел в школах, осуществил ряд мероприятий, стимулировавших повышение уровня преподавательской работы. Когда в 1861 г. министерство просвещения стремилось подчинить дирекции училищ Таврической губернии в числе других армянских школ и крымские армянские школы, Г. Айвазовский был в числе тех, кто хотел воспрепятствовать осуществлению этого намерения, преследовавшего явную цель лишить эти школы возможности передать детям знания по национальной истории и культуре, воспитать их в патриотическом духе. В 60-х годах правительство все же отступило. Однако, начиная с 80-х годов, оно вновь воздвигло серьезные преграды перед развитием армянской школы в империи, в том числе и в Крыму.

Министерство просвещения на этот раз предпринимало конкретные шаги по ликвидации независимого положения армянских приходских школ и подчинению их общей программе, что было созвучно общей политической задаче империи. Обеспеченность освободительными устремлениями армянского народа служила причиной, толкавшей правительство на то, чтобы подчинить армянские церковно-приходские школы, пользовавшиеся полной автономией, местным органам, тем более, что

---

¹ Матенадаран, ф. Лазарянов, пап. 105, л. 11, док. 130, л. 1 об.

они постоянно пополнялись учителями, злоупотреблявшими своим положением в распространении антиправительственных учений¹.

В этом духе в 1884 г. были приняты правила. Так как армянские школы отказались подчиниться им, то в 1885 г. они закрылись. В 1886 г. правительство вновь уступило и школы открылись. Однако со второй половины 90-х годов, исходя из сравнительно удобной внешнеполитической ситуации, правительство прибегло к категорическим мерам: положением 2-го июня 1897 г. армянские приходские школы передавались в ведомство и полное подчинение министерства просвещения. Хотя и они являлись церковно-приходскими школами и продолжали содержаться на церковные суммы и средства прихожан, но духовенству предоставлялась возможность лишь осуществлять контроль над религиозным воспитанием учащихся. Закон 12-го июля 1903 г. окончательно завершил это наступление высших и местных чиновников. В августе 1905 г. под натиском революции царское правительство вернуло армянское церковное имущество. Невзирая на это, церковно-приходские школы в учебно-воспитательном и административном отношении продолжали оставаться под ведомством министерства просвещения и его местных органов. В период, последовавший после революции, управление армянскими школами осуществлялось в силу указанных правил, под произвольным контролем учебных инспекторов.

Несмотря на эти правительственные шаги, предпринятые еще в первые десятилетия прошлого века, армянские приходские школы в Крыму функционировали вплоть до первой мировой войны. В 1905 г., например, эти школы в губернии представляли следующую картину:

Города	Школы	Учителя	Ученики обоого пола
Симферополь	2	8	82
Карасубазар	1	2	40
Керчь	1	2	31
Евпатория	1	3	15
Феодосия	1	2	28
Старый Крым	1	2	40
Мелитополь	1	2	15
Орабазар	1	3	?
Ногайск	—	—	—

¹ «Բանբեր Հայաստանի արխիվների» («Вестник архивов Армении»), 1967, № 1(16), с. 87.

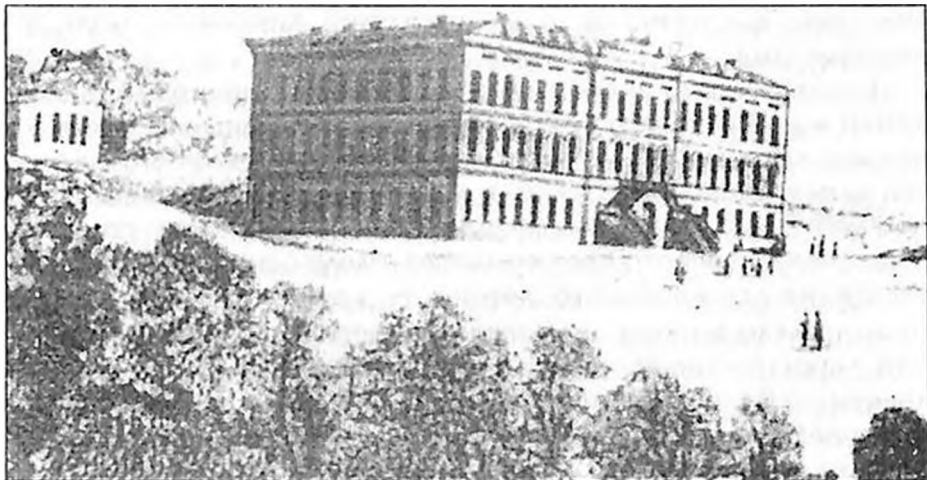
Среди всех армянских школ Крыма по своему значению и по постановке учебно-педагогической работы особняком стоит Халибовское училище, основателем которого был Габриел Айвазовский. Основание училища явилось результатом тех противоборств между частью армян-католиков с Римом, которые вынудили Г. Айвазовского оставить «католический запад» и в православной России осуществить свои планы по учреждению училища и развитию национальной культуры. В 50-х годах в Париже, ведя безуспешную борьбу против ассимиляторских устремлений Рима, поддержанного французским правительством, Г. Айвазовский и его сторонники-архимандриты С. Теодорян и А. Галфаян окончательно убедились в том, что Рим и «запад» не только не способствуют «национальным задачам» и образованию армянского народа, но и всячески препятствуют им, как это имеет место в армяно-католических школах, в том числе в Мурадяновском и Айказянском училищах в Париже. В лице последнего училища, управляемого Г. Айвазовским, поборники Рима и их защитники во французском правительстве узрели учреждение, опасное для католицизма. Все это обусловило резкий поворот руководителя училища, отвернувшегося от Рима, в сторону России. Раскол с Римом и возвращение в лоно отечественной церкви созвучны были национальному патриотизму трех архимандритов — «блудных сынов» национальной религии.

Обращаясь к русскому послу в Париже Киселеву с предложением учредить на юге России армянское училище, Г. Айвазовский не скрывал, что открывающееся учебное заведение, являясь по сути национальным, станет проводником русского влияния среди армян вообще и среди их западных собратьев в Турции, в частности¹. Несколько лет спустя, в 1868г. правительственная комиссия, призванная рассмотреть вопрос о Халибовском училище, констатировала, что оно было основано «для привлечения детей влиятельных турецких армян и для усиления этим способом нашего (т.е. русского — В. М.) влияния на Востоке»².

Киселев всячески ходатайствовал перед правительством удовлетворить просьбу Г. Айвазовского. Русское правительство воспользовалось раздором трех известных архимандритов с

¹ Գ. Այվազյան, Պատմություն խալիբովյան ուսումնարանին (Г. Айвазовский, История Халибовского училища, Тифлис, 1880, с. 7, на арм. языке).

² ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 140, д. 30/3054, л. 21 с об.

Здание Халибовского училища в Феодосии

Римом и негативным отношением французского правительства к основанному ими Айказянскому училищу. 24-го января 1861 г. министр внутренних дел России С. С. Ланской в своем отношении к наместнику Кавказа напоминал об этом: «из переписки с министром иностранных дел и со мною в 1857 году Вашему сиятельству известно, как воспользовавшись разрывом бывших во главе Армянского Мурадовского училища в Париже архимандритов Айвазовского и Саркиса с римским престолом и затруднениями, которые французское правительство, по велению римско-католического духовенства, противопоставило им относительно устроенного ими, вследствие помянутого разрыва с Римом, другого армянского училища (Гренельского), наше правительство побудило архимандрита Айвазовского переселиться в Россию, приняв предложение его учредить у нас армянское училище, которое могло бы со временем соперничествовать с вышеупомянутым парижском заведением и *привлекать к нам армянское юношество из Константинополя и других стран Востока* (курсив мой — В. М.).

Между тем как французское правительство, осознав, по-видимому, свою ошибку, заменило первоначальные стеснительные свои действия оказанием упомянутым лицам своего покровительства, как полагать должно, в видах учреждения их во Франции, мы со своей стороны, убедившись, собранными в Константинополе сведениями в направлении сих лиц и в расположении к ним, а в особенности к архимандриту Айвазовскому, константинопольских армян, воспользовались оставленною, в сих именно видах, вакантною у нас армяно-григорянскою

епархиию для назначения архимандрита Айвазовского управляющим оной...»¹.

После Восточной войны в целях усиления своего влияния на армян и на Востоке русское правительство придавало немало-важное значение воспитанию армянских детей, тем более детей влиятельных родителей, в духе, соответствовавшем внешнеполитическим соображениям. Иначе непонятны усилия и поддержка царского правительства в деле основания учебного заведения для армянских детей в то время, когда всю страну оно держало во тьме и оковах крепостничества. Г. Айвазовский, верный в своей преданности царскому двору, оправдал его доверие. «Ваше сиятельство, — писал С. С. Ланской в указанном конфиденциальном отношении, — сами изволите судить о том, должно ли ставить Айвазовскому в укор или напротив того вменять ему в особую заслугу издание им журнала, все более и более распространяющегося между армянами заграничными, и имение, как выражается патриарх, агентов в Турции и других государствах... Только при ограниченности взгляда, не сознающего значения возложенной на Айвазовского правительством нашим задачи, были возможны подобные обвинения...»².

9-го марта 1857 г. граф Киселев сообщил Г. Айвазовскому о согласии правительства с его предложением, сводившимся к трем основным пунктам:

а) правительство обеспечивает в училище веротерпимость и язык;

б) по окончании училища правительство покровительствует его воспитанникам;

в) образование в училище не подчиняется постороннему влиянию.

Правительство редко шло на такие уступки, и еще раз подчеркнем, что в данном случае они были продиктованы именно внешнеполитическими мотивами.

Осенью 1857 г. Г. Айвазовский приехал в Крым, а в ноябре, по прибытии в Петербург, представил министру внутренних дел проект относительно открываемого училища. Этот учебный план свидетельствует о том, что Г. Айвазовский добивался создания учебного заведения скорее национально-светского, чем религиозного характера, заведения, в котором учащиеся получили бы знания, соответствовавшие гимназическому курсу, т.е. среднему

¹ Там же, ф. 821, оп. 140, д. 24/3136, ч. 1, л. 22 с об.

² Там же, л. 27 с об.

образованию. В своем проекте он предлагал учредить училище в Феодосии, так как она «находится почти в центре между Константинополем, Малой Азией и Кавказом», и «намеченная железная дорога соединит ее с Москвой и Петербургом»; стремясь к тому, чтобы в училище могли обучаться и дети неимущих армян, Г. Айвазовский предлагал «употребить на учреждение и содержание училища часть церковных доходов Новороссийского края»; училище частное заведение и учиться в нем могут дети всех армян независимо от своего происхождения (т.е. дети армян-григориан, армян-католиков и армян протестантов) и отчизны, «но не иначе, как подчиняясь совершенно порядку, установленному в училище. Они (т.е. дети армян-католиков и армян-протестантов — В. М.) не принуждаются только к слушанию уроков закона божия по правилам церкви армяно-григорянской», т.е. обеспечивалась свобода вероисповедания; от начальства училища вполне зависит назначение преподавателей, выбор книг и способ преподавания; при училище учреждается типография, издается журнал; преподавание ведется на армянском языке; изучение предметов, составляющих курс гимназический, обязательно для всех воспитанников училища; русскоподданные армяне не обязаны учиться турецкому языку и наоборот, турецкоподданные армяне — русскому языку, уроки русского языка и русской истории ведутся на русском языке, а французского языка — на французском; воспитанники, хотя и делятся на платящих за полное содержание, за половину содержания и на не платящих ничего, но все живут в училище и равны во всех отношениях; управление училища поручается Г. Айвазовскому, учебная часть состоит в ведомстве Совета, куда входят управляющий и им же назначенные преподаватели; хозяйственной частью заведует правление, находящееся под председательством управляющего и состоящее из шести членов, из которых четыре избираются, а остальные назначаются из числа почетных жителей¹.

4-го июня 1858 г. правила Халибовского армянского училища удостоились высочайшего утверждения.

Под покровительством правительства и при материальной поддержке церковных сумм и Халибова, Г. Айвазовскому удалось 14-го октября 1858 г. открыть училище. В первом учебном году там учились 89 воспитанников, бывали годы, когда их число достигало 140.

¹ Там же, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. 1, л. 63—66.

Предметы, которые учащиеся проходили в училище, действительно свидетельствовали о том, что основатель училища преследовал цель передать воспитанникам знания, составлявшие тогда основу среднего образования в России и Европе. В учебную программу училища входили армянский, русский, французский и турецкий языки, закон божий, арифметика, тригонометрия, история, география, рисование, физика, химия, физкультура, чистописание и др. предметы. Вооруженный широким культурным кругозором, эрудицией и опытом многолетней педагогической деятельности в Европе, Г. Айвазовский своей инициативой и учебно-педагогическими устремлениями выступал в числе тех, которые были ярыми поборниками образования и просвещения армянского народа. В учрежденном им училище бесплатно обучались также дети немущих армянских родителей. Последние составляли 35—40 процентов всех учащихся. В училище в основном работали люди с высшим образованием, знающие свое дело. Их выбрал сам Г. Айвазовский.

Училище содержалось за счет отчислений от церковных сумм епархии, завещаний Халибова и взносов части воспитанников. На строительство здания училища, состоящего из 100 комнат, Халибов израсходовал 152 тыс. руб. серебром. В 1858—1865 гг., в период правления Г. Айвазовского, поступление сумм для училища составляло 196.309 руб. 03 коп., в том числе взносы воспитанников — 79.460 руб. 43 коп., халибовские суммы — 10.662 руб. 84 коп., пожертвования — 970 руб. 31 коп., церковные суммы — 1052.09 руб. 45 коп., из них было израсходовано 196.303 руб. 03 коп., т.е. почти все¹.

Начиная с 1865 года, материальное положение училища постепенно ухудшается, особенно вследствие лишения его церковных сумм. Шаги, предпринятые с целью поддержать его дальнейшее существование — переговоры между министерствами, Халибовым и католикосом, правительственные комиссии и предложенные ими рецепты — не спасли училище от угрозы закрытия. Да и само училище в глазах правительства утратило свое значение, которое оно имело в период, последовавший непосредственно после Крымской войны. Летом 1871 г., после 13-летнего существования, оно перестало функционировать.

В период своего управления училищем Г. Айвазовский проявил оригинальный почин, сыгравший заметную роль в

¹ Там же, ф. 821, оп. 140, д. 24/3136, ч. II, л. 5.

Армянская рукопись Ов. Айвазовского

культурной жизни феодосийских армян. По его инициативе в Халибовском училище по вечерам функционировали курсы полезных знаний, посетителям которых, — взрослым мужчинам и женщинам, сообщались сведения общеобразовательного характера, начиная с арифметики, кончая историей. По замечанию самого Г. Айвазовского, эти курсы были призваны к жизни в противовес тому сплошному невежеству, которое тогда «окутывало умы духовных и светских лиц вообще»¹.

При Халибовском училище с 1860 г. начала работать типография — первая типография крымских армян. Чтобы обеспечить ее бесперебойную работу, Г. Айвазовский широко пользовался опять-таки церковными суммами, из которых до января 1865 г. на типографию было израсходовано 39.127руб. 19 коп.² Типография была оснащена современным оборудованием и инвентарем, привезенными из-за границы, и помещалась в нижнем этаже здания училища. Как в 1865 г. констатировала комиссия полковника Кавелина, она содержалась «в большом порядке»³. В этом была большая заслуга также заведующего типографией О. Тер-Абрамяна — одного из известных крымских армянских культурных деятелей того времени.

За сравнительно короткий период существования (1860 — 1871) в типографии большим тиражом было напечатано немало книг, весомую часть которых составляли учебники. Здесь печатались также ежегодники (на армянском и русском языках), художественная и научная литература, словари, церковные книги и др. Только сам Г. Айвазовский издал более чем 15 наименований своих трудов, в основном научных произведений. Типография принимала также и заказы извне. По мнению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора,

¹ Там же.

² Там же. ф. 821. оп. 140, д. 55/3166, ч. 1, л. 276 об.

³ Там же, л. 276.

при хорошей постановке дела она не только не работала бы с ущербом, но и могла бы ежегодно приносить 1000 рублей дохода¹. Однако, как и училищу, ей тоже не суждено было долгое существование: за закрытием училища типография тоже прекратила свою работу, оставив в качестве памятника о себе многочисленные издания, увидевшие свет благодаря ее деятельности.

***

Во второй половине XIX в. в армянской колонии Крыма появилась и периодическая печать. В 60 — 70 гг. в Феодосии издавались журналы «Мясяц Агавни» («Голубь Масиса», именовался также «Радугой») и «Дастиарак» («Воспитатель»).

С журналом «Мясяц Агавни» армянский читатель был знаком еще с 1855 г., в парижский период его издания. Переехав в Россию, Г. Айвазовский через два года перевез туда также издание журнала², не изменив его дух, цель и главные качества³. Под словом «дух» он понимал распространение среди армянского народа не только «науки и просвещения, но вместе с ними также «любви, согласия и спокойствия».

Оставаясь верным своему общественно-политическому кредо, журнал с крымских берегов также проповедовал национальное единение, прочно стоял на позициях религиозно-национального патриотизма, основываясь на распространении «национальной культуры, неизменно закрепленной религиозным цементом»⁴.

Журнал всем классам и слоям армянского народа проповедовал «национальное согласие» на основе «святого евангелия», хотя понимал, что «невозможно всем угодить». Чтобы достигнуть «национального единения», «Мясяц Агавни» «ставил себя» вне партий и последовательно стремился к их ликвидации или хотя бы к уменьшению их числа.

Редакция журнала и в первую очередь редактор Г. Айвазовский напрасно старались убедить читателя в том, будто они

¹ Там же, ф. 821, оп. 140, д. 55/3166, ч. 1, л. 373.

² «Մայիսի ամիսագր», Թեոդոսիա, 1860, դ 1, էջ 4 («Мясяц Агавни», Феодосия, 1860, № 1, с. 4, журн. на арм. яз.).

³ Ա. Բ. Կարինյան, Այնարկներ հայ պարբերական մամուլի պատմության, հ. 2, Երևան, 1960, էջ 410 (А. Б. Каринян, Очерки истории армянской периодической печати, Ереван, т. 2, с. 410).

⁴ Ա. Բ. Կարինյան, указ. соч., с. 410.

Армянская церковь в Ялте
(1909–1916 гг.)

далеки от разжигания «противоборств среди нации», ибо они широко перепечатавали материалы из других журналов, направленные против М. Налбандяна и «Юсисапайла», связанные с церковными суммами.

Национальный союз и единение являлись грозным оружием в борьбе против Рима и католического духовенства, этих «общих врагов всех армян». Из Крыма также журнал метал гром и молнии в адрес папы и его сторонников, всесторонне раскрывал вредные последствия католицизма для всего армянского народа. Россия — это уже не

католическая Франция и отсюда было гораздо легче и удобнее вести антикатолическую пропаганду, не пощадив даже мхитаристов, служивших редактору духовной пищи.

Журнал выступал перед своими читателями по различным темам, имел разные отделы: зарубежные вести и внешнеполитические обзоры, сообщения об армянской действительности, беллетристика, филология, исторические вопросы, проблемы образования, церковная жизнь, экономические знания, языкознание, естественные науки и др. Но через все материалы красной нитью проходила главная проповедь редактора — национальный мир и согласие на основе верности армяно-григоринской церкви.

Журнал выходил на современном армянском языке, доступном читателям. С 1865 г. «Мясяц Агавни» перестал издаваться.

Через несколько лет в 1873–74 гг. в Феодосии стал издаваться другой армянский журнал — «Дастиарак». Редактор журнала Г. Тевлетян не намеревался затрагивать «религиозные вопросы и споры» и «рассуждения о политических правительствах». «Дастиарак» помещал статьи главным образом на сельскохозяйственные и педагогические темы, беседовал со своим читателем по вопросам здравоохранения, сообщал исторические и географические сведения, новости.

***

Из среды сравнительно небольшого числа крымских армян в XIX — XX вв. вышел целый ряд известных представителей культуры, творчество которых имело определенное общественно-художественное значение. Это обстоятельство объясняется как общением крымских армян с русской и европейской культурой, так и развитием в Крыму тех общественных отношений, которые со второй половины века неизменно шли по капиталистическому пути. Среди этих представителей искусства особенно выделяется имя всемирно известного мариниста, гениального И. Айвазовского. В список выдающихся деятелей армянской культуры вошли имена крымских армян Э. Мактесяна — талантливого ученика И. Айвазовского, композиторов Х. Кара-Мурзы, Ал. Спендиаряна, А. Кахцацьяна, знаменитого скрипача и музыковеда Ов. Налбандяна и др.

Ов. Айвазовский: Клятва

Иван Константинович Айвазовский (Оганес Константинович Айвазян) родился 17 июля 1817 г. в Феодосии. Отец его происходил из польских армян, откуда он переселился сначала в Молдавию, а затем в Крым. Чтобы их отличали от других Айвазовых, живущих в России, Константин свою фамилию переименовал на «Айвазовский».

Константин пользовался славой знающего человека, владел более чем поддюжиной языков, выполнял обязанности переводчика, чем отчасти поддерживал свою уже обедневшую, к тому же довольно многочисленную семью (отец, мать, три брата и две сестры).

Начальное образование И. К. Айвазовский получил в местной армянской церковной школе, учился в симферопольской гимназии, а в 1833 — 1837 гг. — в Петербургской академии художеств.

О творчестве и деятельности гениального художника написано очень и очень много. Наша цель скромна: в общих чертах показать связи И. Айвазовского с крымскими армянами, да и вообще с армянской действительностью.

Еще в период учебы в Петербурге И. Айвазовский «почти ежедневно» находился «среди прихожан» столичной армянской церкви¹. Окончательно утвердившись в Феодосии, И. Айвазовский на протяжении 50-60 лет всячески старался быть полезным своему народу. Мы уже говорили об усилиях, предпринятых им в борьбе против влияния католицизма на своих соотечественников — армян. Упомянем также о том крупном завещании (50 тыс. руб.), которое он оставил феодосийской армянской церкви Сурб-Саркис и школе при ней. Однако феодосийские армяне в этом отношении не составляли исключения. За свой счет И. Айвазовский построил церковь для армянского общества Старого Крыма, а многие армянские церкви бесплатно украсил своими полотнами. Чтобы оказать помощь и поддержку своим соотечественникам, художник не раз организовывал выставки собственных работ.

И. Айвазовский глубоко пережил трагедию армянского народа — армянскую резню 1895—1896гг., организованную турецким султаном Абдул Амидом. «Глубокой болью опечалено мое сердце неслыханной, неувиденной резней несчастных армян, — писал И. Айвазовский католику всех армян Хримяну в сентябре 1896 г. — Ваше святейшество там, мы здесь и все повсюду оплакиваем и скорбим над армянским народом, преданным тяжелой утрате»². Одновременно он выражал свой гневный протест против турецких варварств. В знак протеста И. Айвазовский все свои турецкие ордена выкинул в море, а турецкому консулу заявил: «ордена, данные мне твоим кровавым хозяином, я выкинул в море. Вот и их ленты, пошли ему. Если хочет, пусть мои картины тоже выбросит в море, мне не жаль...»³.

И. Айвазовский всеми силами стремился в эти тяжелые времена материально и морально поддержать свой народ. По предложению католика он собирался красным цветом воспроизвести на полотне картину армянской резни: окровавленные поля и горы и католика всех армян на руинах родины. «Если богу будет угодно еще продлить мою жизнь, то настанет

¹ «Աշակ», 1887, դ 9 («Мшак», Тифлис, 1887, № 9).

² Айвазовский. Документы и материалы, Ереван, 1967, с. 277.

³ Հայկական ՍՍՌ ՊՍ «Տեղեկագիր», 1965, դ 2, էջ 91 («Известия АН Арм.ССР», Общественные науки, 1965, №2, с. 91).

день, когда я выполню это ваше трогательное предложение»¹, — писал он Хримяну в эти дни.

Чтобы помочь армянам, спасшимся от резни, И. Айвазовский в Одессе организовал выставку, на которой в числе других работ демонстрировал также три свои картины, изображавшие резню армян в Трапизоне, гибель армян в Мраморном море и сожжение греков турками в Фесалии². Сумму в размере 2000 рублей, вырученную с выставки, он разделил пополам, одну половину послал армянам, а другую — грекам. Спустя несколько дней для оказания помощи бедным армянам он в адрес константинопольского русского консула выслал еще 3000 рублей³.

И. Айвазовский был очень близок с известными армянскими деятелями того времени: Н. Аштаракеци, П. Адамяном, Мамуряном, Г. Аптлой (Аствацатрянном), С. Паляном, А. Татяном, Х. Степане, Н. Бюзандаци, М. Хримяном, К. Езяном и многими другими.

В художественном наследии И. Айвазовского нашли место также картины, выполненные на армянские сюжеты: пейзажи, армянская резня, исторические темы и др. К их числу относятся: «Долина горы Арарат», «Крещение армянского народа», «Хримян Айрик в окрестностях Эчмиадзина», «Ной спускается с Арарата», «Клятва», «Посещение Байроном мхитаристов на острове Св. Лазаря», «Резня армян в Трапизоне в 1896 г.», «Живых армян турки бросают в море», «Взятие г. Карса ночью», «У пастухов» др., а также портреты многих армянских деятелей, в том числе Хримяна Айрика, Ог. Лазаряна, Лориса-Меликова, Г. Айвазовского и др.

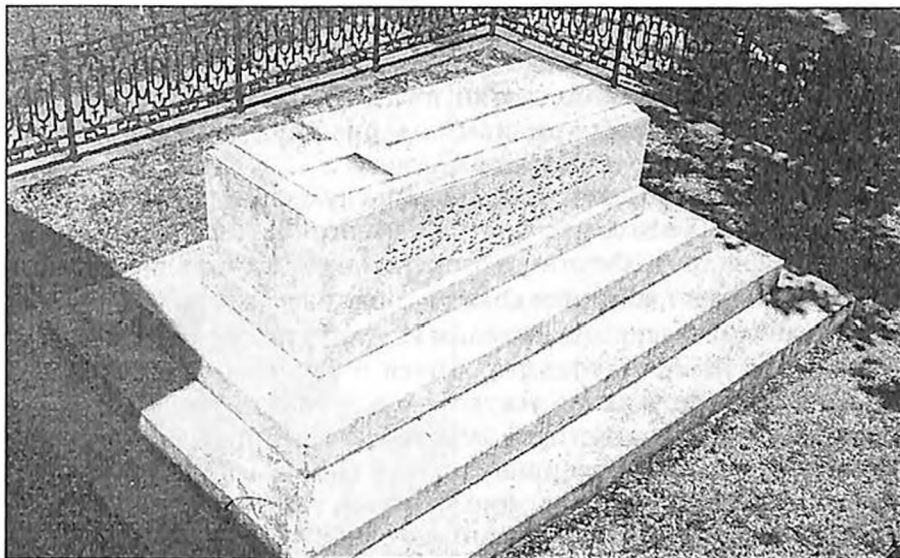
В 1877 г. И. Айвазовский, наконец, получил позволение Эчмиадзинского синода на развод со своей первой женой, англичанкой Юлией Гревс, с которой уже давно находился в фактическом разводе. Хотя это разрешение в 1877 г. ему было дано, но Ю. Гревс не переставала преследовать его, и в 1887 г. пришлось получить повторное решение синода, в силу которого ей запрещалось носить фамилию Айвазовского. Одной из причин развода И. Айвазовский, наряду с невыносимым характером жены, считал и то, что она его четырех дочерей, невзирая на их желание, отстраняла от армянской среды и запрещала выходить замуж за армян⁴. В 1882 г. он женился на вдове феодосийского

¹ Айвазовский. Документы..., с. 277.

² Там же, с. 298.

³ Айвазовский, Документы..., с. 299–300.

⁴ Հայկական ՍՍՌ ԵԳՍ արխիվային վարչություն «Գիտա-ինֆորմացիոն բյուրոյն», Երևան, 1958, դ 1(8), էջ 18–19 («Научно-информац. бюллетень» Архивного упр. МВД АрмССР, Ереван, 1958, № 1(8), с. 18–19), см. статью Г. Арутюняна.

Надгробие Ов. Айвазовского

купца Анне Мкртычевне Саркисянц. Венчал их протоиерей симферопольской армянской общины в городской армянской церкви Св. Аствацацин¹. Весьма характерно письмо И. Айвазовского, написанное Геворку Аптле по этому поводу. Мы переводим отрывки из письма, написанного на армянском языке: «Уже 20 лет, как не живу с моей первой женой, 14 лет не видел ее. Прошло 5 лет, как Эчмиадзинский синод и католикос позволили мой развод; так что имел право жениться, но только боялся связаться с женщиной другой нации и снова быть несчастным... Был бы очень рад, если бы было возможно напечатать в константинопольских армянских газетах мою благодарность католикосу или если бы наш константинопольский патриарх сам написал бы в Эчмиадзин католикосу благодарственное письмо за то, что меня освободили от первого брака, и этим я еще больше сблизился с моим народом»².

Творчество И. Айвазовского является величественным мостом, связавшим армянскую и русскую культуры. Его художественное наследие вошло в золотой фонд мирового искусства. Когда 19-го апреля 1900 г. великий художник скончался, эта утрата глубокой болью отозвалась в сердцах передовой общественности того времени. По желанию самого художника,

¹ Там же, с. 22.

² «Բազմալիզ», 1929, դ 3, էջ 73 («Базмавеп», жур., 1929, № 3, с. 73).

его похоронили в ограде армянской церкви Св. Саркиса в Феодосии. В связи с кончиной И. Айвазовского известный армянский художник Г. Башинджагян в газете «Мшак» писал: «...девятнадцатый век нам армянам подарил двух гигантов — Ованеса Айвазовского и Петроса Адамяна...

Ованес Айвазовский был похож на чудесное лучезарное светило, которое восходило изнутри темного мрачного армянского небосвода и после 83-летнего озарения исчезло, оставив за собой такой яркий свет, которым должен гордиться каждый армянин»¹.

Талантливым последователем И. Айвазовского был Эманвел Махтесян (1857 — 1908). Он родился и вырос в г. Армянске. В кругу петербургских искусствоведов Э. Махтесян считался известным художником, продолжателем традиции И. Айвазовского, у которого усвершенствовал свое мастерство. Современники видели в нем, «кроме техники, унаследованной от Айвазовского», также «собственное самостоятельное направление»². О широком признании искусства Э. Махтесяна свидетельствует тот факт, что его работы демонстрировались на выставках передвижников и в залах Академии художеств в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе.

В 1896 г. Э. Махтесян в Симферополе открыл свою собственную картинную галерею, где демонстрировались его 150 марин.

Среди выдающихся деятелей армянской музыкальной культуры достойное место занимают представители крымских армян. В их числе первым надо упомянуть имя великого армянского композитора *Александра Спендиаряна*, крупного представителя армянской классической музыки.

А. Спендиарян родился в 1871 г. в г. Каховке Таврической губернии, куда переселился его дед в 1855 г. из Армянского Базара. Но вскоре, в 1877 г. их семья вновь вернулась в Крым — Симферополь.

Талант А. Спендиаряна, особенно в изобразительном и музыкальном искусстве, проявился в раннем возрасте. Изготовленные шестилетним Александром бумажные птицы и животные были до того совершенны, что И. Айвазовский, частый гость их дома, забрал их с собой в Петербург для демонстрации в Академии художеств. Но ему не суждено было стать художником. Он избрал путь композитора, учась сначала у Н. С. Кленовского (в Москве), а затем у Н. А. Римского-Корсакова в Петербурге.

¹ «Уշшц», 1900, п. 97 («Мшак», 1900, № 97).

² «Художественный альбом памяти О. Айвазовского», СПб., 1903. с. 58, на арм. языке.

Усыпальница Спендиаровых в Симферополе

А. Спендиарян находился в самых тесных отношениях с А. К. Глазуновым и А. К. Лядовым — известными представителями русского классического музыкального искусства.

5 июня 1900 г. А. Спендиарян считал началом своей творческой жизни: в этот день впервые было исполнено его крупное симфоническое произведение «Концертные прелюдии». Созданные им произведения в кругу профессиональных музыковедов Петербурга принесли ему славу «Восточного Глинки».

С 1901 г. А. Спендиарян окончательно вернулся в

Крым и жил в Ялте, а с 1915 г. — в Судакe. Эти годы для композитора характерны были большим творческим успехом, плодотворной работой. Он создал много талантливых произведений, в их числе: «Крымские эскизы», «Три пальмы», «Памяти В. В. Стасова», «К Армении» и др.¹

Как и вся его семья, А. Спендиарян был неразрывно связан с армянской действительностью.

Еще в Крыму он был близко знаком с известным скрипачом Ов. Налбандяном. В годы учебы в Москве вместе со своим братом Леонидом он дружил с профессорами-армянами Н. Нерсесовым и Ю. Гамбаровым, врачом С. Шагиняном, с Гр. Джаншиевым, поэтом Ал. Цатуряном и др.

В годы бурного творчества в Ялте А. Спендиарян находил время для того, чтобы заниматься общественными проблемами своих соотечественников. Он являлся председателем Армянского благотворительного общества в Ялте, деятельность которого отнимала у него немало времени.

Связь с армянской действительностью оказывает определенное влияние на Спендиаряна, на его творческие поиски. По заказу Бакинского армянского культурного общества А. Спендиарян

¹ Բ. Չրիգորյան, Ալեքսանդր Ասենդիարով, Երևան, 1952, էջ 11 (К. Григорян, Александр Спендиаров, Ереван, 1952, с. 11).

в 1914 г. создает героическую песню «По следам героев», посвященную памяти Х. Абовяна¹. В 1915—1916 гг., в трагический период резни и страданий в истории армянского народа, А. Спендиарян, исполненный глубокого чувства патриотизма, задумывается над созданием армянской оперы. В поисках темы он останавливается на поэме Ов. Туманяна «Взятие Тмкаберда» и пишет свою знаменитую оперу «Алмаст».

В 1924 г. сбылась давнишняя мечта композитора — по приглашению правительства Советской Армении он переехал в Ереван, где целиком и полностью посвятил себя делу создания и развития национальной музыкальной культуры, ее очагов. Его приезд имел огромное значение для развития армянской музыкальной жизни.

В 1926 г. общественность Армении широко отметила 25-летие музыкально-общественной деятельности А. Спендиаряна. Ему было присвоено звание народного артиста республики. Но в самый кипучий период творческой деятельности, 7-го мая 1928 г. оборвалась его жизнь. Народ бережно хранит память о нем. Его имя носит крупнейший очаг армянской музыкальной культуры — Государственный академический театр оперы и балета в Ереване.

В развитии армянской национальной музыки несомненны заслуги одного из ее видных деятелей — *Христофора Кара-Мурзы*². Родился в 1854 г. в Карасубазаре. Научившись играть на фортепиано, читать и писать ноты, Кара-Мурза, вопреки желанию отца сделать из него коммерсанта, с молодых лет определяет свой жизненный путь, посвящая себя музыке. Он получает частные уроки по музыке, знакомится с ее теорией и до

Христофор Кара-Мурза

¹ Մարինա Սպենդիարյան, Սպենդիարյան, Երևան, 1966, էջ 105 (Марина Спендиарова, Спендиаров, Ереван, 1966, с. 105).

² Всестороннее освещение жизни и деятельности Х. Кара-Мурзы дано в монографии М. Мурадяна «Христофор Кара-Мурза и внедрение многоголосия в армянской музыке. Ереван, 1956, на арм. языке.

Набережная Л. М. Серебрякова в г. Новороссийске

1882 г. в родном городе организывает четырехголосые хоры, дает концерты. Х. Кара-Мурза не только собирал армянские духовные и народные песни и перелagal их на ноты, но и организовывал их полифоническое исполнение.

В 1882 г. он переехал в Закавказье, где обходил армянские деревни, города, создавал хоры, давал концерты, собирал духовные и народные песни, одновременно сочинял собственные произведения. Это был невероятно тяжелый труд, сопряженный к тому же с большими лишениями. За семнадцать лет, начиная с 1885 г. вплоть до своей преждевременной кончины (1902 г.), Х. Кара-Мурза успел в 47 городах организовать 90 хоров (каждый из них состоял от 40 до 150 членов), дать 248 концертов, написать и обработать 320 песен, создать 67 самостоятельных произведений¹. Часто он с концертами выступал в Тифлисе, Баку, Александрополе, Ереване, Эчмиадзине, Астрахани, Крыму, Новой Нахичевани, Константинополе и др. местах, всюду организовывая четырехголосые хоры. Его волю на избранном пути не смогло сломить воинствующее невежество отдельных духовных лиц в Эчмиадзине, таких как архиепископ Агванян, под давлением которых Х. Кара-Мурза был отстранен от должности преподавателя музыки в духовной семинарии.

¹ Հ. Կարապետյան, Քրիստափոր Կարա-Մուրզա, Թիֆլիս, 1904, էջ 98 (А. Карапетян, Христофор Кара-Мурза, Тифлис, 1904, с. 98).

Выступая против многоголосия, невежды «оправдывались» той вздорной мотивировкой, что мол «бог один и голос должен быть один» и что «четыреголосие богонеугодно»¹. Оставив Эчмиадзин, Х. Кара-Мурза, однако, невзирая на отнюдь не благоприятные материальные условия, порой и на голод, не оставил начатое дело. Он продолжал свои концертные турне, занимаясь массовой пропагандой народных песен, заложил основу армянской концертной культуры и тем самым «сообщил музыке общественно-политическую влиятельную силу и превратил ее в мощный стимул художественного воспитания народа»².

Одним из первых армянских композиторов Крыма был *Андреас Кахцацян*. Родился в Карасубазаре в 1809 г., хотя он и вырос в бедной семье, ему все же удалось получить частные уроки по музыке. После окончания местной армянской школы он сам начал давать частные уроки. Талантливому гувернанту своих детей Кахцацян караим Попович подарил фортепиано — первое фортепиано в Карасубазаре³.

Идя навстречу желанию самого Кахцацяна, предводитель крымских армян-католиков архимандрит М. Бжишкян в 1842 г. отправил его в Бердичев для усовершенствования музыкальных знаний у католических миссионеров. Здесь он в течение двух лет под надзором настоятеля учился музыке у музыковедов Рекуйльского и Марзовского⁴. Вернувшись в Крым, он развернул широкую музыкально-педагогическую деятельность в Карасубазаре, Севастополе и Симферополе. Его примеру подражали и другие карасубазарские армяне, одно время славившиеся своими педагогами; славой хороших педагогов музыки пользовались, например, Оваким и Микаэл Узуняны, Габриел, Мелкон и Мартирос Налбандяны, Карапет Ханбекян, Хр. Кара-Мурза и др.⁵

При жизни А. Кахцацяна было издано лишь одно его музыкальное произведение — «Синопский марш», посвященный адмиралу Нахимову по случаю победы, одержанной над турецким флотом в Синопе. Марш впервые был исполнен под руководством самого автора в день, когда адмирал-триумфатор возвращался в Севастополь, где Кахцацян руководил военным

¹ Ռ. Թերլեմեզյան, Զրիւթափոր Շարա-Սուրբա, Չիեմնա, 1925, էջ 34 (Р. Терлемезян, Христофор Кара-Мурза, Вена, 1925, с. 34).

² Ս. Սուրբաջյան, указ. соч., с. 87.

³ «Բազմալից», 1881, էջ 40–41 («Базмавеп», 1881, с. 40–41).

⁴ Там же, с. 42.

⁵ Там же.

Ов. Налбандян и его воспитанник
Яша Хейфец

оркестром. Последние годы жизни Кахцацян провел в Симферополе, где скончался в 1856 г.

Широкой популярностью исполнителя и педагога пользовался *Ованес Налбандян*. Родился в Симферополе в 1871 г. Первоначальное образование получил в местной армянской школе и одновременно учился играть на скрипке сначала у музыканта-любителя Маляна, затем — у Фиерковского. С одиннадцати лет Ов. Налбандян уже давал концерты в Симферополе, Феодосии и др. городах Крыма. В 1886 г. он поступил в Петербургскую консерваторию, где ему оказывали ма-

териальную помощь члены «Земляческого общества армянских студентов». В свою очередь, Ов. Налбандян поддерживал ценитель его таланта, директор консерватории Рубинштейн, освободив его от платы за учебу и назначив ему стипендию. По окончании консерватории его командировали в Берлин для усовершенствования мастерства¹.

С 1895 г. Ов. Налбандян вел педагогическую работу в Петербургской консерватории; с 1908 г. и до конца своей жизни он был ее профессором. У Ов. Налбандяна учились такие известные скрипачи, как Я. Хейфец, М. Эльман, Е. Цимбалист, П. Кетлин, А. Коган, И. Лукашевский и др.

Педагогическую работу Налбандян сочетал с деятельностью скрипача-исполнителя, принесшей ему всемирную известность. Его заграничные гастроли в 1911 и 1914 гг. получили самую высокую оценку общественности и печати.

Ов. Налбандян был близко знаком с Ал. Спендиаряном, с профессором Петербургской консерватории О. Калантаряном,

¹ Գ. Գևորգյան, Հովհաննես Լալաբեդյան, Երևան, 1962, էջ 44 (Г. Геворкян, Ованес Налбандян, Ереван, 1962, с. 44). В работе Г. Геворкяна читатель найдет подробную биографию Ов. Налбандяна и глубокую характеристику его творческого пути.

Ал. Цатурян, Ал. Спендиарян, В. Суренян

с Хр. Кара-Мурзой, И. Айвазовским, Г. Башинджагяном и др. Он был постоянным участником мероприятий, организованных армянскими студентами, часто давал концерты для армянской публики.

В 1928 г., Налбандян посетил Ереван, побывал в консерватории и своими советами помогал ее становлению. Налбандян был заслуженным артистом РСФСР и заслуженным деятелем искусств. Он скончался в 1942 г. в Ташкенте, куда был эвакуирован вместе с Ленинградской консерваторией.

В общих чертах мы представили лишь самых известных художников и композиторов, вышедших из среды крымских армян. Однако в Крыму работало и много других деятелей армянской культуры и науки, как, например, М. Гюмушханеци, М. Бжишкян, К. Кушнерян, Х. Степане, В. Суренянц и другие, деятельность которых оставила свой неизгладимый след в истории таврических армян нового времени.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Переселение армян с Крымского полуострова в период царствования Екатерины II, к сожалению, не явилось исключением в их истории. 165 лет спустя, в 1944 г., крымским армянам пришлось вновь испытать судьбу переселенцев, на этот раз с суровыми перспективами окончательного лишения возможности жить в Крыму.

Выселенным из Крыма и перевезенным в Азовскую губернию армянам правительство Екатерины II дало широкие права и преимущества экономического и общественно-культурного развития, благодаря которым обосновавшиеся в районе Дона армяне основали знаменитый город Нор-Нахичеван с близлежащими армянскими селениями; в XIX в. они стали важными звеньями экономического и культурного развития юга России. Более того, Екатерина II и ее преемники не лишили армян возможности вернуться в Крым.

Между тем депортированным в 1944 г. по непосредственному распоряжению Сталина крымским армянам, равно как и татарам, грекам и болгарам пришлось владеть тяжелой жизнью ссыльных со всеми ее последствиями. И только спустя 46 лет, в 1990 году им официально было разрешено вернуться в Крым¹.

---

¹ См. В. Б. Брошеван, П. Тиглиянц, Изгнание и возвращение. Симферополь, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	5
<i>Глава первая. Причины и пути образования армянской колонии в Крыму</i>	7
<i>Глава вторая. Занятия крымских армян</i>	25
<i>Глава третья. События 1475 года и таврические армяне</i>	85
<i>Глава четвертая. Крым – видный центр средневековой армянской культуры</i>	109
<i>Глава пятая. Возрождение армянских поселений</i>	135
<i>Глава шестая. Правовое и экономическое положение крымских армян в XIX и начале XX вв.</i>	157
<i>Глава седьмая. Общественно-культурное развитие в новое время</i>	177
<i>Послесловие</i>	219

ВАРДГЕС АЛЕКСАНДРОВИЧ
МИКАЕЛЯН

ИСТОРИЯ КРЫМСКИХ АРМЯН

(на русском языке)

Издание НАН РА
и Крымского армянского общества

Корректор ГАЯНЭ АРУТЮНЯН
Компьютерная верстка и дизайн ШУШАН БАСЕНЦЯН

Вардгес Александрович Микаелян. История крымских армян. Монография. Национальная академия наук Республики Армения, Институт истории, Крымское армянское общество — Киев, ООО «Энергия плюс», 2004 — 224 с.: ил.

В работе на основе рукописных, архивных, эпиграфических и других материалов излагается более чем 700-летняя история крымских армян во всех ее проявлениях, т.е. история формирования крымской армянской диаспоры, внутренняя жизнь армян, их экономическая деятельность и участие в экономической жизни полуострова и международном товарообороте; значительное внимание уделено освещению армянской культуры в Крыму. Представлена деятельность известных крымских армян.

Монография рассчитана на историков, а также на широкий круг читателей.

Подписано в печать 16.11.2004. Формат 60 x 90/16.
Бумага мелованная. Гарнитура Балтика. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 500 экз.

ООО «Энергия плюс». Киев. 2004
Тел. (+ 38 044) 247-19-02, (+ 38 067) 945-03-05
Свидетельство про внесение в Государственный реестр субъекта
издательской деятельности ДК № 1334

ՀԱՍ Յիմնարար Պիտ. Գրադ.

FL0667849

P II
660577

